
ОЛЕГ ЕРОХИН
ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ-II
СОКРОВИЩНИЦА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ОЛЕГ ЕРОХИН

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ-II

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1997

ББК 84 (Р7)
Е 78
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Редактор *А. Криволапов*
Художники *А. Шашкевич*

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и т. д. без предварительного согласования с издателями.

Ерохин О. В.

Е 78 Властелин Галактики. Роман в 2-х кн., книга 2. – Смоленск: Русич, 1997. – 416 с. – («Сокровищница боевой фантастики и приключений»).

Не в силах смириться с трагической гибелью своей возлюбленной Лолы, Джонни Голд решается на отчаянный шаг – он отправляется на далекую планету Церб, где вступает в ряды претендентов на Корону Мира, хранящуюся в загадочной Башне, возведенной в незапамятные времена таинственными пришельцами. Мало кого отпускает Башня живым, но Джонни оказывается одним из счастливчиков. Снова и снова возвращается он на Церб, готовый либо погибнуть, либо обрести могущество, которое позволит ему вернуть Лолу из небытия.

Е 8200000000 **ББК 84 (Р7)**
ISBN 5-88590-697-1
ISBN 5-88590-699-8

© О. В. Ерохин, 1996
© Составление серии. «Русич», 1997
© Оформление. А. Шашкевич, 1997

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ

ДАР БЕССТРАШИЯ

ГОЛОС ЦЕРБА

Чем ближе была Земля, тем тяжелее становилось на душе у Джонни. Он победил Великого Магистра, он сокрушил фундамент Арагонского братства, он отомстил за Лолу, но что с того, ведь по-прежнему Лолы нет рядом с ним и никогда не будет. Смерть по сути своей бесплодна, и никогда не бывало так, чтобы смерть породила жизнь.

Джонни снедала тоска. Когда Земля заняла весь обзорный экран, он вздрогнул и сглотнул застрявший в горле комок. Нет, не восторг перед величием Земли потряс его тело и не сентиментальная радость завидевшего родной очаг путника.

«А она никогда не увидит Землю», – подумал он, до боли стискивая подлокотники навигационного кресла.

Джонни посадил «Ласточку» в космопорту «Длань Бога», находившемся к востоку от Терригана, в лесном массиве. Заплатив «причальные» за месяц вперед и быстро покончив с формальностями, он отправился в город.

Был вечер. Повсюду в небе Терригана распускались сказочными цветами разноцветные огни; столбы искр взлетали над столичными парками и становились в вышине переливающимися радугой облаками; бравурные марши неслись из тысяч динамиков. Земля отмечала День Единства Империи, один из крупнейших ежегодных праздников. День Единства Империи был днем почитания императорского могущества, человеческого единокровия и людской сплоченности. Вместе с тем это был день поминовения миллионов погибших в тридцатилетнюю войну, когда семь внеземных провинций, объединившись в Лигу Свободных Миров, пытались силой оружия утвердить свою независимость от имперского правительства. Лига Свободных Миров пала, и вот уже сто тридцать семь лет в день, когда над далеким Проксинумом, столицей Лиги, был вознесен флаг Земной Империи, в небе Терригана распускались и увядали чудесные цветы – дар победителям, поклон побежденным.

Миллионы жителей и гостей столицы весело горланили на ее бесчисленных улицах, любуясь фейерверками и потягивая сладкое зокко, золотистое мавританское, забористый якк, а у Джонни в душе были холод, сосущая печаль и безнадежность склепа. Праздничное веселье ничуть не притупляло его боль, наоборот, своей бесцеремон-

ной шумливостью оно только чинило ему дополнительные страдания.

Джонни побрел к аллее Слез, обычно там бывало тихо.

Обычно там бывало тихо, но не в такие дни.

Аллею заполняли люди – одни прогуливались навеселе, другие, которых ноги уже не держали, сидели на скамейках. На вечно льющие слезы камни никто не обращал внимания.

Полицейские, в обычные дни немедленно выпроваживавшие отсюда гуляк, на этот раз были снисходительны.

Джонни еле нашел пустую скамейку – шаткую, с поломанной спинкой. Только он присел, как рядом раздалось настырное:

– Эй, приятель, выпить не желаешь?

Рядом с ним остановился курчавый молодец, сжимавший в правой руке горлышко пузатой бутылки.

– Как, хлебнешь?

С неподдельной щедростью пьяного забулдыга помахал бутылкой у Джонни перед глазами.

– Отстань! – буркнул Джонни.

– Что значит «отстань»? Сегодня праздник или нет? – Курчавый икнул и заглянул Джонни в глаза, по-гусиному вытянув шею. Тут же голос его расцвел сочувствием, словно павлин распушил свой хвост. – С-страдаешь, да? Девка бросила? Меня тоже. – Курчавый добавил непотребное словцо. – Так выпей, что ли, легче будет!

«А может, и вправду будет легче?» – подумал Джонни. Отстранив бутылку с обслюнявленным горлышком, он поднялся.

– Рядом ресторанчик, – словно прочитав его мысли, зашептал курчавый. – Пошли?

– Пошли, – обронил Джонни, воротя нос от сальных губ пьяницы.

Ресторанчик назывался «Семеро козодоев». По случаю праздника здесь было не протолкнуться, но курчавый все же нашел свободное местечко неподалеку от стойки, вернее, освободил его, оттащив от столика и уложив у стены напившегося до бесчувствия посетителя.

Похлебывая неразбавленный шрок, Джонни рассеянно слушал своего нового знакомого. Гарри, так звали курчавого, оказывается, не был облизалой, как Джонни подумал поначалу. (Облизалами называли тунеядцев, прибившихся к Императорскому Сиротскому Фонду. Их пользовали бесплатным горячим супом и нерегулярными денежными подачками, тем они и жили.) Гарри не был облизалой, но к тому шло: на верфи, где он работал, он не появлялся уже вторую неделю. Гарри пьянствовал, причина тому была обычная: она ушла к другому, и он доказывал теперь всем, что любая особа женского пола, какую ни возьми, – сволочь, шкура и шлюха.

Когда бокал опустел, Джонни заказал себе еще две порции горячительного, и столько же – своему собутыльнику, к этому времени опустошившему собственную бутылку. Затем последовали еще две порции, а там – еще две. Теперь беда, обложившая Джонни со всех сторон, казалась не такой уж и докучливой. Он продолжал чувствовать, что горе стоит подле него и дышит в лицо, но он

уже не видел его, загородившись от него винными парами.

Вскоре голос курчавого Гарри потонул для Джонни в равномерном гуле, схожем со звуками прибоя. Перед Голдом поплыли картинки – дешевый ресторанчик, разглагольствующий пьяница...

Гарри ухватил нового приятеля за плечо и пару раз тряхнул:

– Не засыпай, слышишь? Женщину хочешь? – Видя, что Джонни очнулся, он замахал рукой: – Эй вы, сюда!

Три проститутки, наблюдавшие за залом сквозь бокалы, живо выполнили команду. Подскочив, они принялись кокетничать, вертя боками и обвислостями подобно тому как хозяин мясной лавки крутит окорок, показывая его покупателю со всех сторон. Одна, брюнетка, раззадорившись, ухватила Джонни пониже пояса. Должно быть, там находилась какая-то скрытая кнопка, потому что Джонни, до этого с гримасой неудовольствия взиравший на прелестниц, вдруг вцепился сразу в обеих.

Что было далее, Джонни воспринимал как сквозь туман, все более сгущавшийся. Его куда-то потащили, потом принялись раздевать в четыре руки, потом что-то делали с ним, на что он должен был смеяться, и он покорно-пьяно смеялся. В следующую минуту Джонни стало действительно смешно, когда одна из девиц сунула руку в карман его брюк и вытащила оттуда его чековую книжку. Пролистав ее, рыжая проститутка выругалась с досады, что не могла ни крошки от-

щипнуть от столь огромной суммы. Даже если бы ей удалось уговорить Джонни расписаться на одном из чеков, его нанесенная подрагивавшей рукой подпись расплылась бы, и чек нигде бы не приняли.

Джонни проспал до полудня следующего дня. Проснулся он с гадким привкусом во рту, налитой свинцовой тяжестью головой и ломотой во всем теле. У стола, заставленного всякой снедью, чавкал Гарри. Заметив, что Джонни приподнялся на локте, Гарри забулькал из бутылки в пустой бокал.

Они выпили. Джонни прислушался к действию спиртного. Мало. Пришлось ему опорожнить еще бокал. Только тогда ломившая виски боль улеглась утихомиренным зверем.

В комнату ввалились вчерашние проститутки. Прежде чем начать развлечение, они предложили Джонни кое-куда прогуляться.

С тех пор так и повелось. Утром после опохмелки Джонни отводили к ближайшему автомату, менявшему чеки на наличку. Потом все подавались в ресторан. Заканчивался день в общей постели, где Джонни видел курчавую шевелюру Гарри так же часто, как и лоснящиеся ляжки двух или трех шлюх. Конец был душной, смрадной, затхлой мглой.

И Джонни вышло облегчение: спиртное гасило печаль, разврат сжигал ее. Так было, да сбылось иначе. Со временем оказалось, что печаль живуча, сорняком она поднималась на пустыре его памяти, и с каждым днем все труднее было умерить ее буйство.

По какому-то наитию Джонни нашел еще один способ опустошения души. Ресторанные скандалы с битьем зеркал и мордобоем, как выяснилось, могли помочь. Даже пьяный, ничего забавного не находил Джонни в том, чтобы валиться на чей-нибудь столик или, падая, обрывать юбку раскрашенной мадам, но ведь больной не ради удовольствия принимает горькое лекарство. Оплеухи и зуботычины на какие-то мгновения ослепляли его мозг, что и было нужно. Теперь день Джонни нередко кончался не в постели, а в полицейском участке, где он, однако, долго не задерживался. Немножко усилий опытного адвоката, и его отпускали под залог, на этот случай у его друзей хранилась достаточная сумма наличными, снятая с его счета, разумеется.

Однажды Джонни, разлив по своему обыкновению соусы на чьем-то столе, увидел перед глазами нож. От первого удара он сумел уклониться, все же он был когда-то классным квадистом. Второй удар почти настиг его, острый как бритва нож оцарапал ему шею. Судя по горячности и неплохой сноровке человека с ножом, следующий удар должен был быть последним.

Куда-то исчезли дружки, которыми к этому времени обзавелся Джонни. Непритворно завизжали шлюхи. А Джонни хоть бы хны, как бы не осознавая опасности, он засмеялся, делая пальцами противнику козу.

Глаза человека с ножом налились кровью от бешенства. Он занес руку, готовясь ударить, – и странно дернулся, повалился на колени. Старик, разбивший об его затылок бутылку, схватил

Джонни за руку и потащил прочь от ошарашенных *забулдыг и визгливых* шлюх.

Джонни не сопротивлялся. Все происходившее он воспринимал как веселое представление. Через черный ход они проскочили в безлюдный проулок. И жаль, что безлюдный, подумал Джонни, горя желанием напроказить.

Старик долго таскал Джонни по подворотням, пока не убедился, что их не преследуют. Тогда он повел уставшего, спотыкавшегося Голда на окраину Терригана.

Рядом с космопортом «Эверест» прорезывал землю овраг, служивший городской свалкой. Территория близ оврага была застроена маленькими домишками, прижимавшимися друг к другу наподобие ласточкиных гнезд.

Последнюю сотню метров старик тянул Джонни чуть ли не волоком, тот все порывался завалиться спать. Наконец их путь закончился, этот домик выглядел ничуть не хуже и не лучше своих соседей. Сняв висячий замок с двери, старик толкнул Джонни внутрь.

Сквозь пелену сна и боли сознание пробивалось сполохами. Где он? Что с ним? Руки привычно зашарили вокруг, сунулись под подушку. Ответ на все вопросы всегда дожидался рядом, а теперь он куда-то исчез.

Оставив попытки нащупать горлышко бутылки, Джонни с трудом разлепил веки.

Он находился в незнакомой комнате, но это

еще ничего, последнее время он частенько просыпался в комнатах, где до этого ни разу не был. Странным казалось отсутствие привычного столика с выпивкой и закуской. А где пустые бутылки, где горы объедок с роем мух над ними? Да и лежал он не на широкой двухместной кровати, а на каком-то топчане, узком и неудобном.

– Что за черт!

Джонни поднялся с топчана. Взглядом он наткнулся на зеркало, висевшее рядом на стене, простой прямоугольник без рамы, ничего похожего на броские в виньетках зеркала гостиничных номеров.

В этом прямоугольнике света впервые за многие дни Джонни увидел себя. Увидев, сразу отвернулся. Заросшие щетиной щеки, воспаленные глаза и разбитые губы не вызывали симпатии.

За дверью послышались шаги, и в комнату вошел старик. Джонни попытался сосредоточиться. Где-то он видел эту морщинистую черепашью шею, обветренное лицо, выцветшие глаза... Пили вместе, должно быть, предположил Джонни.

– Проснулся? Хорошо, – отрывисто сказал старик. – Вот, выпей.

Джонни с облегчением схватил кружку.

Он осушил ее до дна, и его замутило. Тут только до него дошло, что за запах он уловил при первом же глотке. Возможно, в кружке и был алкоголь, нашатырь же там был наверняка.

Живот у Джонни задергался сам собой, и старик услужливо пододвинул ржавое ведро.

Выблевав вонючую пену, Джонни с ненавистью взглянул на старика.

– Дай выпить!

– Еще дать? А вот.

Старик достал с полки бутылку без этикетки, плеснул из нее в кружку и протянул кружку Джонни. Едва поднеся кружку ко рту, тот швырнул ее на пол.

Минут пять Джонни выворачивало наизнанку. Он настолько обессилел, что у него начисто пропало первоначальное желание поскандалить. Он уже открыл рот, чтобы смиренно попросить старика поднести ему хотя бы несколько капель живительной влаги, но того и след простыл.

Дверь комнаты оказалась заперта.

Потянулись дни. Первое время старик вообще не давал Джонни есть, как будто хотел уморить его голодом. Однако вряд ли это было так, даже если допустить, что старик стремился убить Джонни, не оставляя явных следов насилия у него на теле. Смерть от обезвоживания, как известно, наступает куда быстрее, чем смерть от голода, но вода в кране была всегда.

Не столько из-за мук голода, сколько не в силах терпеть ограничение свободы, Джонни однажды попытался удрать. Дверь ему взломать не удалось, и тогда он задумал дождаться появления старика. Старик заходил к нему на короткое время ежедневно, глумливо предлагал нашатырь вместо выпивки. Даже пьяный Джонни справился бы с ним.

Старик, как пришлось Джонни убедиться, постоянно держал при себе игломет с парализующими иглами. Два часа Джонни провалялся на полу в неудобной позе.

На восьмой день старик принес ему еду, какие-то неземные овощи. Зеленые и мохнатые, издающие сильный запах хлорки, они служили Джонни единственной пищей целую неделю. По прошествии этой недели к нему полностью вернулись память и стыд.

Зачем он пил, буянил, развратничал? Он заглушал свою боль, но что сказала бы на это Лола? Наверное, она пожалела бы его, но разве достойно для мужчины вызывать к себе жалость? И уж, конечно, она ни за что не полюбила бы его таким.

К Джонни пришла пора мучений. Он не мог смириться со смертью Лолы и не менее ужасным, чем ее смерть, было для него то, что он не мог ничем почтить ее память. И едва Джонни мысленно говорил: «ее память», «для ее памяти», он чувствовал себя предателем и искал глазами квадак. Мысль, что он когда-то сможет смириться с ее смертью, казалась ему кощунством.

Старик, попотчевав его неделю вонючими овощами, стал приносить здоровую человеческую пищу. Джонни почти ничего не ел. Старика он не замечал.

Однажды, глядя на тарелки с нетронутым завтраком, старик сказал:

– Рассказывай, что у тебя случилось?

Джонни смолчал.

– Все не узнаешь меня, Джон?

До этого старик ни разу не назвал его по имени. И Джонни был уверен, что тот не знал, как его зовут, а если они и виделись когда-то, то их встреча была случайной.

Джонни удивленно всмотрелся в старика.

– Локки, ты?

– Наконец-то. – Подобие улыбки пробежало по губам старого космодесантника. – Прости, что мне пришлось так поступить с тобой, сынок. Ты был очень плох. Что у тебя случилось?

На этот раз Джонни не стал отмалчиваться. Еще когда Локки подсаживался за его с приятелями столик, он различил в нем человека без лукавства, не способного на злую насмешку. И в рассказах старика Джонни открывались не холод космоса и не ярость звезд, но скромное мужество, человеческая теплота, неброская красота простой души. Такому можно было довериться без опасения быть уязвленным равнодушием или праздным любопытством.

Выслушав рассказ Джонни, Локки вздохнул.

– Понятно... Что ты намерен делать теперь?

– А что я могу сделать? – Джонни стиснул зубы.

Локки медленно проговорил:

– Ты слышал о Круглой Башне?

– О Круглой Башне?

Лицо Джонни прорезала морщинка недоумения. Да, он слышал о Круглой Башне Церба, спутника планеты Элизион, а кто из землян не слышал о ней? Со словами «Круглая Башня» была сопряжена величайшая тайна Галактики, тайна, которую ни один из вознесшихся над немой материей разумов пока не смог постичь. Однако, что тайнам Галактики, а хоть бы и всей Вселенной, до его умершей возлюбленной?

Старик, по выражению лица Джонни догадавшийся о его чувствах, покачал головой.

– Нет, ты ничего не знаешь о Круглой Башне.

– Что ты такое...

– Вот, послушай, я расскажу тебе о ней.

Сдвинув брови, Локки не спеша начал говорить. Локки любил поговорить, повспоминать, но он был любитель, а не профессионал, никаких специальных колледжей он не кончал, поэтому, несмотря на все старания, его речь не была ровной гладью. Если убрать из этой истории все повторы, паузы, специфические астронавигационные термины, после чего вдохнуть в нее жизнь соучастия, она выглядела бы так.

ЛЕГЕНДА О КРУГЛОЙ БАШНЕ

Тур Гибсон крутанул рукоятку, и в ледяном безмолвии космоса вспыхнула бирюзовая искра. Корабль-разведчик «Пионер» вынырнул из пучины подпространства в мир живых звезд.

Гибсон, капитан «Пионера» и единственный член экипажа, радостно потер руки. Интуиция не подвела его, именно в этом месте нужно было погасить скорость. Теперь Земной Империи принадлежал еще один мир, мир под названием «система звезды Орракс».

Сама звезда вблизи казалась оранжевой. Из оранжевого моря выплескивались алые протуберанцы; сиреневые волны раскаленной плазмы набегали на черный берег стылого межзвездья.

До него с такого расстояния Орракс не видел ни один землянин. Полюбовавшись на светило, Гибсон сел к пульту пеленгатора.

Оказалось, звезда имела одну-единственную планету. Что же, значит, работы будет немного. Он

облетит эту планету пару раз, соберет все необходимые сведения и вернется на Землю.

Химическими двигателями развернув корабль, Гибсон включил атомный реактор. «Пионер» серебряной стрелой понесся к цели, к планете 0-1, именно таково было ее название, пока ей не присвоили более благозвучное имя.

Планету окутывал плотный облачный слой, настолько плотный, что невозможно было различить очертания каких-либо поверхностных образований. Гибсона это не смутило. Ранее ему попадались планеты вечных дождей — аммиачных, водных, серных. Странности начались, когда Гибсон, переведя корабль на планетную тягу, приблизился к облачной пелене вплотную. Отчего-то скорость «Пионера» стала падать с быстротой гораздо большей, чем следовало. Гибсон покосился на шкалу расходования химического топлива, проверил работу двигателя. Создавалось впечатление, будто корабль входил не в атмосферу планеты, а в грунт.

Едва Гибсон осознал, что причину странностей следует искать в планете, а не в корабле, загорелась красная лампочка на панели безопасности. Под угрозой была герметичность корабля. Если бумажный стаканчик поставить вверх дном на землю и начать давить на него ногой, то он расплющится, вот о чем Гибсона предупреждал компьютер.

Тур Гибсон потянулся к пульту управления противометеоритной пушкой. Если встречное сопротивление имеет вещественную природу, его возможно сокрушить.

Автоматика, обеспечивавшая безопасность корабля, сработала прежде, чем команда разрушения была

введена в действие. «Пионер» мягко подался в сторону и заскользил вдоль окутывавшей планету пелены.

«Планета не пустила меня, чудеса», — обескураженно подумал Гибсон, пробегая пальцами по клавиатуре компьютера. Такое с ним случилось впервые. Да и в школе косморазведчиков он не слышал ни о чем подобном. Столкнуться с сильным притяжением он был готов, что делать в таких случаях его учили целый месяц, но не с невиданным отторжением. «Все вещественное стремится к единению, это — столп нашей Вселенной», — таков был эпиграф к курсу гравитологии. С чем же встретился он, Тур Гибсон?

На экране компьютера засветилось: «Имеет место отрицательная гравитация. Происхождение явления возможно:

а) естественное

б) искусственное».

— Что более вероятно? — набрал вопрос Гибсон.

— «б»

— Почему?

— «Случаев естественной отрицательной гравитации не зарегистрировано. Искусственная отрицательная гравитация была создана на Птахе цивилизацией гваанов».

— Подробности о Птахе.

— «Система «Щит Птаха» была создана в 2543 году по галактическому летоисчислению. Цель создания: защита планеты гваанов от флота компанейцев. Система просуществовала две галактические минуты. Причина демонтажа: значительный расход

энергии. За один галактический час работы система потребляла 2300 астролоудов».

Гибсон присвистнул. Солнце излучает за час чуть больше тысячи астролоудов, то есть, получается, на планете 0-1 должен находиться источник энергии много больший, чем земное Солнце, чтобы поддерживать антигравитацию. Или же для создания этого щита над планетой использованы физические принципы, совершенно незнакомые земной науке.

Попытав компьютер еще немного, Гибсон послал к планете несколько зондов. Это ничего не дало. Едва они входили в атмосферу, как связь с ними прерывалась. Для большей настойчивости корабль Гибсона не был приспособлен, поэтому косморазведчик решил на этом закончить исследование планеты. Однако уходить в подпространство еще не наступило время: у планеты был спутник. «Может, ты окажешься гостеприимнее своей нелюбезной спутницы», — мысленно пробурчал Гибсон, направляя корабль.

На этот раз ничто не препятствовало ему приблизиться к исследуемому объекту. Тем не менее, Гибсон изумленно покачал головой, когда спутник занял весь обзорный экран. Здесь было чему удивляться: поверхность спутника планеты 0-1 оказалась идеально ровной. В какой-то мере это объяснялось тем, что массивный спутник имел атмосферу. Метеориты сгорали в его атмосфере, не достигая поверхности, так что нечего было рассчитывать увидеть лунный пейзаж. Однако, Гибсон не мог не признать, что такое объяснение по сути ничего не дало, настолько оно было недостаточным. Спутник планеты

0-1 имел поверхность не просто ровную, а абсолютно ровную, словно по ней прошлись катком.

А это что такое?

Пролетая над поверхностью спутника, Гибсон увидел какое-то сооружение, именно сооружение, а не нагромождение камней. Вот все и выяснилось, уныло подумал Гибсон. Эта планета уже была открыта, она уже чья-то, поэтому Земля не могла провозгласить ее своей собственностью. Из-за ошибки бортового компьютера Гибсон попал в обжитой мир, так что плакали его наградные за прочерчивание маршрута.

Оставалось выяснить, где он находится, и потом — позорное возвращение на Землю.

Тур Гибсон засел за компьютер. Первым делом он отключил использовавшиеся до сих пор электронные ячейки, где-то в них гнездилась неисправность. Получив сигнал, что запасные ячейки активизировались, он загрузил электронный мозг данными анализаторов. Параметры звезды, параметры планеты, параметры спутника... Гибсон сделал несколько десятков фотографий обнаруженного им сооружения-башни, элегантностью форм напоминавшего шахматную фигуру. Эти снимки также послужили компьютеру материалом для размышления. Наконец, Гибсон получил вывод своего помощника: данная звезда действительно являлась той самой, проложить путь к которой было поручено косморазведчику Туру Гибсону; цивилизация, соорудившая башню на спутнике планеты 0-1 и, предположительно, установившая над планетой 0-1 антигравитационный щит, не была известна Земле. У Гибсона поднялось настроение. Ему все-таки выплатят наградные. Оставалось

произвести кое-какие расчеты, дать команду компьютеру и — назад, на Землю.

Странно только, что никаких признаков присутствия на спутнике существ, создавших Башню, не было заметно, хотя корабль Гибсона и сделал уже ни один десяток оборотов вокруг спутника. Допустим, эти существа не очень дружелюбны, что было понятно хотя бы по тому, что они, достигнув высокого уровня развития, не только не вступили в Содружество Разумных Миров, но даже не дали о себе знать Содружеству. Однако, заглядывающий в окна чужого дома встречается если не с дружелюбием, то с грубостью, здесь же не было ни того, не другого. Гибсон летал себе и летал, а планета молчала, и спутник молчал.

Поразительное для разумных существ отсутствие любопытства.

Или... Или этот мир давным-давно покинут разумом?

И эта Башня, не есть ли ее одиночество знаком, что в ней находится послание тому, кто увидит ее? То-то всю поверхность спутника заасфальтировали, не иначе, чтобы башня-знак сразу бросилась в глаза.

По инструкции Гибсон не должен был садиться на поверхность исследуемого объекта, будь то планета или спутник, но мысль, что в башне содержится послание древней умершей расы к разумам будущего, заглушила голос исполнительности.

Имя человека, который получит послание древних, конечно, войдет в учебники, и будет досадно, если это имя станет именем какого-то ученого. Нет, всяким там замухрышкам Гибсон и нюхнуть не даст всегалактической славы.

Косморазведчик повел корабль на снижение.

Строго говоря, сооружение на спутнике планеты 0-1 только по форме напоминало башню. Оно являло собой постамент с кругом в основании, на вершине которого находился храм, так Гибсон назвал про себя покоющуюся на колоннах маковку с длинным шпилем. Ступенчатый постамент суживался кверху. По ступенькам можно было подняться на верхнюю площадку храма, начав восхождение с поверхности спутника. По всей видимости, так и следовало поступать тем, кто хотел попасть в храм, поэтому Гибсон не посадил корабль на площадку, но приземлился рядом с Башней, и, выбравшись из корабля, направился к ее подножию.

Ему пришлось преодолеть тысячу ступенек, прежде чем он оказался наверху. Каждая сотня ступенек отделялась от другой сотни широкой площадкой, вероятно, предназначавшейся для отдыха.

Шагнув на площадку перед храмом, Гибсон остановился. Он осмотрелся. Внизу, куда ни глянь, расстилалась ровная поверхность без единой трещинки, а перед ним высилась колоннада из серого вещества. Колонны стояли достаточно далеко друг от друга, чтобы он, не стесняя себя, мог пройти между ними внутрь храма.

Гибсон сделал шаг к ближайшему проходу и услышал низкий, рокочущий голос.

— Стой! Ведомо тебе, куда идешь?

— Нет, — с заминкой отозвался оторопевший Гибсон.

— Здесь Корона Мира. Ты возьмешь ее, если достоин.

К косморазведчику быстро вернулась уверенность.

Видел он всякое — и говорящих осьминогов, и мыслящих медуз, — что же, теперь ему робеть? Странно, конечно, что к нему обратились на языке Земли, откуда здешнему разуму знать язык землян, но и это объяснимо. С ним, по-видимому, установили телепатический контакт, ему в мозг подавали образы, а сознание уже преобразовывало их в слова.

— Что это за Корона Мира? — спросил Гибсон.

— Корона Мира — это власть. Тот, кто наденет ее, станет Властелином Галактики.

Гибсон не сдержал усмешки. Разве у Галактики, у тысяч миров, у десятков высокоразвитых цивилизаций, мог быть один хозяин? У Гибсона не укладывалось в голове, как это целую Галактику можно принудить к покорности. Тут только одних землян попробуй покорить, и то ничего не выйдет: космический флот Земной Империи насчитывал десять тысяч судов, оснащенных плазменными пушками, атомным и гравитационным оружием, генераторами направленной индукции самораспада. И, даже если Корона Мира открывала доступ к какому-то сверхоружию, и даже если, предположим невозможное, это оружие было способно сокрушить военную мощь Земли, разве земляне когда-нибудь смирились бы с тем, чтобы над ними владычествовали? Жалка и позорна была бы власть такого владыки, основанная на страхе и убийствах.

Так подумал косморазведчик Тур Гибсон, и неожиданно непроницаемая мгла окружила его. Когда мгла разредилась, он увидел вокруг звезды.

Гибсон без скафандра со скоростью космического корабля несся по Млечному Пути. Космического холода он не чувствовал, звездная радиация каза-

лась ему приятным теплым ветерком. Одну из звезд, горевшую красивым зеленоватым огнем, ему захотелось рассмотреть вблизи.

Подлетая к звезде, он пожелал видеть ее всю — и звезда стала стремительно уменьшаться по мере того, как он подлетал к ней. Или это он стал расти? В результате огненный шарик без труда уместился в его ладони. Звезда была горячей, но не настолько, чтобы ему обжечься.

Рядом пронеслась комета. Он поймал ее, немного подержал в руке и отбросил. Лети себе, что там. И комета полетела уже по другому пути.

Гибсон выпустил из кулака звезду. Тут только он заметил, что вокруг нее вращается несколько искорок-планет. Одну из искорок, самую яркую, ему захотелось получше рассмотреть, и он спешно уменьшился в миллионы раз.

Теперь диаметр планеты превышал его рост. Так ярко блестела она потому что была покрыта льдом. Гибсон дохнул на полярную снежную шапку, и древние снега стали таять. Когда лед растаял и по желанию Гибсона материки планеты покрылись зеленью, он переместил планету поближе к светилу. Пусть и без него на этой планете будет развиваться жизнь.

Гибсон в последний раз посмотрел на зелень юных джунглей, и мир расплылся перед ним на мгновение.

Протерев глаза, Гибсон обнаружил, что стоит там, откуда начал свое чудесное путешествие, — на верхней площадке Круглой Башни, перед храмом.

Хотя случившееся с ним, он понимал, вернее всего, можно было бы назвать грезами наяву, к нему отчего-то пришла уверенность: древняя раса разум-

ных существ соорудила Круглую Башню не для насмешки, Корона Мира действительно существовала и имела великую силу, и сила эта была не силой смерти, а силой вечно созидающей жизни.

Впрочем, разумеется, любое созидание могло, живя, что-то разрушать подле себя или для собственных нужд, или без всякого умысла, походя.

Гибсон осторожно спросил:

— Так я... я могу взять Корону Мира?

— Ты возьмешь ее, если достоин.

— А если нет?

— Корона останется ждать.

— Что в этом случае будет со мной? Мне позволят отсюда уйти?

— Да или нет, ответ в тебе.

— Я могу умереть?

— Да.

Гибсон почувствовал себя неуютно. Он немного изменил направление разговора:

— Кто ты?

— Хранитель власти.

— Ты робот?

— По твоим представлениям — да, но твои представления ограниченны.

— Откуда ты знаешь, что знаю я? Ты умеешь зондировать мозг?

— Отчасти.

Подумав, космодесантник решил вернуться к практической стороне дела.

— Кто будет определять, достоин я Короны Мира или нет?

— Ты сам.

— Как это будет определяться?

— Прошедший Испытание — достоин.

— Что собой представляет Испытание?

— Войди в храм — узнаешь.

— У меня есть шанс пройти это Испытание?

— Шанс есть у всякого, но не всякий сможет им воспользоваться.

Гибсон озадаченно кашлянул. Ответы Хранителя не очень обнадеживали. И все же... Все же надо рискнуть. Когда ему что-то давалось без риска? На то он и стал косморазведчиком, чтобы на риске зарабатывать. Причем, до этого он рисковал жизнью ради куда меньшего, чем Корона Властелина Галактики. Кстати, почему только «Галактики»?

— Короне Мира пристало бы дать власть над всей Вселенной, — проворчал Гибсон.

— Возможно только то, что возможно.

— Ладно, я согласен и на Галактику, — вздохнул косморазведчик. — Я иду, Хранитель!

Внутри храма Гибсона встретила пустота, ограниченная сверху куполообразным потолком, а по сторонам — колоннами. Нигде не было видно ни жертвенника, ни чего-либо похожего на Корону Мира. Выйдя на середину зала, косморазведчик принялся ждать.

Вдруг его обдало ветром. Ветер залетел сюда снаружи? Однако, как только он вошел под мрачный купол храма, у него возникло чувство, будто между храмом и окружавшим миром встала непроницаемая стена.

Пока Гибсон раздумывал, откуда мог взяться воздушный поток, ветер закружил и поднял стол-

бом пыль, толстым слоем покрывавшую пол. Поднявшись в воздух, пылинки вспыхнули мелкими искорками и разлетелись в разные стороны.

И сквозь завесу мерцающей пыли Гибсон увидел картину: многие существа, похожие и не похожие на людей, умирали. У одних подкашивались ноги, они падали, пытались встать и опять падали, по их телам пробегали судороги, била фонтанами кровь. Кровь была разного цвета — красная, синяя, фиолетовая, зеленоватая. Тела иных взрывались, словно бедняги наглотались взрывчатки, и внутренности разлетались по всему залу. От тел других отрывались части, третьи сами себе раздирали грудь, словно пытались извлечь оттуда причину своего мучения.

Пыль медленно оседала, и так же медленно призраки становились все прозрачнее, пока не растаяли совсем.

Его предупредили, догадался Гибсон. Пыль была прахом умерших, дерзнувших войти в храм за Короной Мира и не прошедших Испытание.

Наверное, ему оставили несколько секунд, чтобы он мог покинуть храм.

Гибсон извлек из кобуры лучемет.

Что это?

Ощутив несильное давление на кожу, он быстро посмотрел на это место.

По материи скафандра как будто проводили пальцем — и сверхпрочная материя расползалась как гнилая ветошь.

Вскоре скафандр Гибсона лоскутами стал падать на пол.

Гибсон, опустив предохранитель, положил палец на спусковой крючок.

Он и опомниться не успел, как был подхвачен потоком воздуха и выброшен из храма. Уже снаружи он нажал-таки на спусковой крючок. Плазменный луч пробежал по колоннаде, не оставляя на ней и следа.

Косморазведчик кувырком полетел по ступенькам. Хорошо, что между каждой сотней ступенек находилась по площадке, а не то катиться бы ему до самого подножия Круглой Башни.

Гибсон сумел удержаться на первой же площадке. Поднявшись, он заковылял вниз, насколько быстро ему позволяли ушибы, сплевывая кровь и через ступеньку охая.

Тур Гибсон оказался на Земле через две недели. В тот самый день, когда он подал рапорт о выполнении задания, за ним приехали. Гибсона долго мучали всякими тестами, не врет ли он, не сошел ли с ума. Убедившись в его правдивости и адекватности, начальство передало его рапорт высшим. Вскоре Тур Гибсон первым среди косморазведчиков предстал со своим рапортом перед сенатом.

К звезде Орракс была отправлена оснащенная самым современным оборудованием экспедиция.

Результаты работы экспедиции возможно было счесть уникальными, если иметь в виду подтверждение сообщения Гибсона, или же весьма скромными, если оценить добытую экспедицией дополнительную информацию.

Из дополнительной информации многие выделяли одно, на что указывали как на наиболее существенное.

Это был один из ответов Хранителя на вопрос Комиссии, созданной на Земле и введенной в состав экспедиции специально для разговора с ним.

Комиссия:

— Что может Властелин Галактики?

Хранитель:

— В Галактике, которую вы называете Млечный Путь, — все.

— А за пределами Галактики?

— За пределы Галактики власть обладателя Короны Мира не распространяется.

— Как это понимать, что в пределах Галактики обладатель Короны Мира, Властелин Галактики, может все?

— Для того, чтобы сталось по его мысли, ему достаточно помыслить.

Некоторые обращали внимание и на некоторые другие ответы Хранителя. Так, на вопрос, кем была построена Круглая Башня и кто сделал Корону Мира, был получен туманный ответ, практически сводимый к тому, что это все устроил Бог. Один шутник заметил, что в принципе усмотреть божью волю можно было бы и в создании паровой машины, не вложи Бог в человека разум, разве была бы паровая машина создана? На вопрос, зачем создан непроницаемый колпак над планетой, Хранитель ответил фразой: «Там, где суждено вспыхнуть звезде, кометам должно гаснуть». Ответ Хранителя попытались уточнить, спросили, когда же поверхность планеты 0-1 станет доступна. Хранитель проговорил: «Она откроет свое лицо, когда взор Властелина обратится на нее». Желание многих попытать счастья на спутнике планеты 0-1 сильно уменьшилось, когда в средствах массовой информации был распространен ответ Хранителя на вопрос, существовал ли когда-то Властелин Галактики. «В вашем времени —

нет», — ответил Хранитель. Как понимать «в вашем времени» выяснить не удалось, только это немного и успокаивало охотников до власти.

Задавались Хранителю и чисто прагматические вопросы, например, как усовершенствовать атомный двигатель, но на подобные вопросы Хранитель не отвечал.

С результатами работы экспедиции, как полагалось в случаях подобного рода, были ознакомлены все цивилизации Содружества Разумных Миров. Согласно Уставу Содружества, систему звезды Орракс провозгласили общим владением Содружества, а Земная Империя как первооткрыватель получила из кассы Содружества солидное вознаграждение. Для управления новой совместной территорией члены Содружества создали Объединенный Полномочный Совет.

Планета, сокрытая под непроницаемым куполом, получила название Элизион. Так назывался чудесный край, куда, по представлениям одного из древних народов Земли, после смерти попадали праведники. Так не откроется ли Элизион для живых, когда планета 0-1 покажет свое лицо?..

И потекли годы. Много отважных героев поднималось к храму Круглой Башни — с могучими мышцами и в новейших скафандрах, в чешуе и в густой шерсти, с руками-клешнями и со щупальцами. Много героев являлось, но ни один из них не оказался достоин Короны Мира. И по-прежнему голос Хранителя звучал в сердце каждого, кто достигал вершины Круглой Башни, и по прежнему ощущение безграничного могущества охватывало на краткий миг дерзкого, и по-прежнему оставалась

нетронутой корона Властелина Галактики. И по-прежнему скрывалась от взоров планета Элизион.

Закончив, Локки спросил возбужденным голосом:

– Ты понял меня, сынок?

– Хоть бы эта корона и вправду существовала, какое мне дело до нее? – пожал плечами Джонни. – Ты думаешь, отец, моя боль станет меньше, если я займу чем-то руки и голову? Так было раньше, но теперь мне это не поможет.

– Вижу, ты не понял. Придется повторить. Что сказал Хранитель, когда его спросили, насколько велик будет Властелин Галактики? «В пределах Галактики он сможет все», – таков был ответ.

– И что с того?

– А то, что если у тебя будет Корона Мира, ты сможешь не только жонглировать солнцами. Очевидно, у тебя будет власть над жизнью и смертью, иначе как понимать это «все». Ты сможешь воскресить свою девушку, Джонни!

Джонни пошатнулся. Его сердце бешено заколотилось.

– Я... я не расслышал. Что ты сказал?

– Ты сможешь воскресить свою девушку, если станешь Властелином Галактики!

– Воскресить Лолу?.. – У Джонни задрожали губы. – Но я ведь рассказывал тебе, как она умерла. Она стала огнем, понимаешь? Там, на Арламе...

– А душа? – тихо проговорил Локи. – Ты ни-

когда не слышал, что человеку с рождения дается бессмертная душа? Ее душу ты сжечь не мог, как ты сам понимаешь. Дай ее душе тело, вот и получишь ее назад. Ты бы смог сделать это, если бы надел Корону Мира.

– Кажется, еще не доказано, что у человека есть душа, – сказал Джонни неуверенно.

– Если души нет, то тем проще, а то где там еще искать ее душу. Арлам находится в нашей Галактике, так? Частицы, составлявшие тело твоей жены, сейчас на Арламе. Значит, если бы ты стал Властелином Галактики, ты бы смог повелевать ими. Стоило бы тебе приказать им снова собраться вместе прежним образом, и ты увидел бы свою Лолу.

Любые доводы покажутся убедительными, если сам веришь в то, что они доказывают. Старик говорил невиданные вещи, но Джонни втайне от себя самого верил, что когда-нибудь обязательно встретится с Лолой, и поэтому слова старого космодесантника глубоко запали ему в душу.

Он опять увидит Лолу, коснется ее руки, ощутит теплоту ее дыхания. Так будет. Он преодолеет все препятствия, он сделает невозможное, он ни за что не даст себе умереть на пути к ней. Он увидит ее, и он вернет ее к себе.

– Сегодня я вылетаю к Орраксу, – сказал Джонни. – Скоро ты услышишь обо мне, отец.

– Ты забыл, что за Корону Мира не так-то просто ухватиться? Тебе придется пройти Испытание, а ты еще не окреп.

– Я окрепну в пути.

– Прости, я сию минуту не могу дать тебе денег на билет. Сначала мне придется кое-что продать.

– А моя чековая книжка?

– Никакой чековой книжки при тебе не было. Только двадцать кредов у тебя лежало в кармане, я положил их вон на ту полку.

Джонни со стыдом вспомнил свои пьяные похождения.

– Все равно, я отправляюсь сегодня. Тысячу кредов я оставил на яхте, этого мне хватит, чтобы добраться до Круглой Башни.

– У тебя есть своя яхта?

– Да. За ту работу в косморазведке я получил хорошие деньги. Прощай, отец!– Джонни порывисто обнял старика. – Я вернусь к тебе с Лолой!

– Я знаю это, сынок.

...Проводив Джонни, старик достал бумажный сверток. Под оберткой находился серый камень. Из этого вещества было сделано покрытие Церба, спутника планеты Элизион. По прочности вещество покрытия не уступало лучшим маркам цемента, однако прочность вещества камня не шла ни в какое сравнение с прочностью вещества, из которого была сделана Круглая Башня.

Старик привез камень с Церба. Там, в храме Круглой Башни, он когда-то сделался калекой, неудачливый претендент на корону Властелина Галактики. Историю, будто он покалечился в опасном рейде, Локки придумал, чтобы избежать насмешек.

Иногда старику казалось, что камень говорил с ним. Так-то им было о чем поговорить, свидание с Цербом оставило глубокий след и в душе космодесантника, и на его теле. «Почему не я? Почему мне не удалось?» – спрашивал Локки. И камень отвечал: «А разве тебе могло удасться?» Чтобы прочувствовать, чтобы услышать камень сейчас, старик, по обыкновению, порезал об его острый край большой палец. Глубоко порезал, и острым краем вогнал камень в кровоточащее мясо. Только спросил старик о другом: «Он, этот юноша, что будет с ним? Что он?..» Ответ камня старик не только услышал, но и почувствовал, и увидел: чудовищное пламя ревело в недрах звезды.

Как понимать этот ответ? Корона Мира никогда не дастся землянину, смельчак сгорит, едва приблизившись к ней? Или камень хотел сказать, что ни одна твердыня не устоит перед чистым пламенем простой души?..

Вскрикнув от боли, старик выронил вещий камень, затем поднял его, покрытый кровью. И подумалось старику: «да возвестит ли правду тот, чей рот в чужой крови?..»

Старик завернул камень в бумагу и положил сверток на место. В ушах у него еще долго звучало клокотание звездного пламени – убивающего и несущего живительное тепло, слепящего и освещающего, дарующего и отнимающего. Но способно ли сердце звезды содрогнуться от восхищения перед отвагой человеческой и восстать против смерти самой?..

НА ЦЕРБЕ

Перелет от Земли до Элизиона занял у Джонни восемь суток. Это были восемь суток мучительного беспокойства, но не о собственной жизни тревожился Джонни, не о том, что Круглая Башня, быть может, убьет его. Пока он преодолевает миллиарды миль, вдруг кто-то другой сумеет пройти испытание, вдруг кто-то другой станет обладателем Короны Мира? – вздрагивало его сердце.

Когда на обзорном экране расцвела звезда Орракс, Джонни почувствовал облегчение. Ничего не случилось за время его пути, все так же горделив и надменен был космос, по-прежнему свершали свой вековечный бег планеты и полыхали светила. Несомненно, Галактика еще не увидела своего Властелина. Да и увидит ли, возможно ли это? – опять шевельнулось в сознании Джонни сомнение.

Церб, спутник Элизиона, являлся зоной свободного доступа. Чтобы посадить корабль на Цербе, достаточно было переговорить по радио с диспетчером космопорта. Сделав два оборота вокруг Церба, Джонни получил разрешение совершить посадку в космопорту «Цербийский», одном из крупнейших в Галактике, где свободных посадочных мест всегда имелось достаточно.

Сойдя с борта «Ласточки», Джонни поразился царившему вокруг оживлению. Десятки звездолетов шли на посадку и стартовали, сотни транспортеров, своей внушительной солидностью напоминавших майских жуков, сновали по взлет-

но-посадочной площадке среди сотен, если не тысяч, кораблей различных систем и различных классов. Были здесь и сигарообразные грузовозы, и стоявшие свечками изящные яхты, и дисковидные корабли-малютки, и крылатые астроотели, и сложнофигурные многопрофильные корабли, детища знаменитой компании «Земля-Центр».

Ступив на бетон взлетно-посадочной площадки, Джонни заметил торопившегося к нему клерка. Этот служащий космопорта, судя по зеленоватой шершавой коже, был уроженцем планеты Октион системы Альфы Лебедя. Речевые аппараты землян и октионян имели сходство, так что Джонни не удивился, не увидев на лбу у клерка, вероятно, неплохо знавшего язык землян, диска автоматического переводчика.

Клерк приветствовал Джонни легким поклоном:

– Добро пожал-ловать на Церб, земл-лянин Гол-лд. Собл-лаговолите сообщить о цел-ли своего прибытия.

За время пути Джонни ознакомился со всей информацией о Круглой Башне, которой располагал бортовой компьютер «Ласточки». Стремление к Короне Мира не считалось чем-то противозаконным, поэтому он честно сказал:

– Я хочу, чтобы Круглая Башня испытала меня.

– Очень хорошо, – кивнул клерк. – Только сначал-ла запл-латите двести кредов за первые сто часов стоянки вашей яхты в порту.

– Двести кредов!

– Таковы расценки. Сюда входит охрана, опплата страховки и заправка баков грави-смесью.

– Возможно, я пройду испытание в ближайшие часы.

– Не имеет значения, как быстро вы покинете нас. Я дол-лжен принять от вас двести кредов, мистер Гол-лд, в противном сл-лучае я буду вынужден просить вас немедл-ленно оставить Церб.

Джонни со вздохом отсчитал двести кредов. После этой выплаты он располагал всего лишь сотней кредов с небольшим, сущей безделицей.

Клерк, выписав квитанцию, сказал:

– Я бы посоветовал вам, мистер Гол-лд, приобрести у меня вот эту книжечку. – Он протянул Джонни книгу карманного формата, озаглавленную: «Территориальное Уложение Церба». – С ней вы избежите многих неприятностей.

– Сколько стоит?

– Один кред.

Такую трату Джонни мог себе позволить.

На прощание клерк сказал:

– У вас опл-лачено первые сто часов стоянки, мистер Гол-лд. Есл-ли вы задержитесь на Цербе бол-льше чем на сто часов, вам нужно будет вносить по пять кредов за каждые сл-ледующие десять часов. В сл-лучае неопл-латы ваша яхта будет транспортирована на штрафную стоянку, там расценки втрое бол-льше.

Поблагодарив клерка за заботливое разъяснение, Джонни зашагал к сверкающему тридцатиэтажному пассажирскому корпусу космопорта, через который можно было выйти в возведенный на Цербе силами тридцати двух разумных рас город.

На выходе из высотного здания Джонни был атакован таксолетчиками, стоянка грави-такси на-

ходилась рядом. Свои услуги ему предложили два одноглазых существа с Ойры, четыре четырехруких ушлянина и один землянин. Джонни предпочел человека, как ни бормотали по-земному одноглазые и четырехрукие существа, показывая на миниатюрные автопереводчики, с языком-де проблем не будет.

Приземистый альбинос, как только Джонни кивнул ему, подобострастно вытянулся:

– Куда, сэр?

– К Башне. Сколько это будет стоить? – Вопрос Джонни задал далеко не праздный, учитывая состояние его кошелька,

– Десять кредов, сэр.

Четырехрукий ушлянин вмешался:

– Отойди, Прыщ! – Он оттолкнул альбиноса. – Я прошу восемь кредов, сэр.

– Сэр, я не поручусь за вашу безопасность, если вы согласитесь на предложение этого паука! – взвизгнул альбинос.

– Где твоя машина? – спокойно спросил Джонни у альбиноса, ставя точку в споре таксолетчиков.

Ушлянину оставалось только с досадой хлопнуть себя по бедрам всеми четырьмя кулаками.

Прыщ, таково было прозвище приземистого землянина-альбиноса, владел неплохой машиной. Гравилет взлетел как пушинка, без рывков, плавно развернулся и почти беззвучно понесся над городом.

Устроившись в кресле поудобнее, Джонни начал издалека:

– Говорят, на Цербе неплохо живется, а, приятель? Слаще будет, чем на Земле?

– Кому как, – скривился Прыщ. – Кто весь день мотается, как угорелый, тому едва на кусок хлеба хватает, а кто на кожаном диване нежится под вентилятором с кондиционером, эти живут. Все эти миссии-крыссии, черт бы их побрал!

– Что за миссии?

– Разве вы не знаете, сэр, что Церб принадлежит Содружеству, а не какой-то одной расе? Здесь со всех тридцати двух разумных планет представители. Дожидаются, когда же какой-нибудь парень пройдет Испытание.

Джонни прикинулся простачком:

– Что за испытание?

– Ну, прежде чем за Корону Мира ухватиться, Испытание нужно пройти. Вы слышали, сэр, о Короне Мира?

– Кое-что слышал. Неужели кто-то всерьез верит в эту чушь, будто ключ к власти над Галактикой здесь, в Круглой Башне?

– Еще как верят. Сюда со всей Галактики ребята слетаются счастья попытать. Я думал, что и вы, сэр...

– Нет, я здесь из любопытства, просто захотелось посмотреть, что такое Круглая Башня. Так говоришь, что много на свете сорвиголов? Я слышал, из тех, кто входит в Башню, мало кто возвращается назад.

– Да, возвращаются немногие. Говорят, один из пяти только. Остальных Башня перетирает в пыль. Там ее много скопилось, пыли, в храме на вершине... Но это предиков не удерживает, куда там!

– «Предиков»?

– Так мы называем претендентов на Корону Мира, сэр.

Через некоторое время Джонни спросил:

– Странно. Почему-то считается, что если претендент не вернулся из Башни, значит, она его убила. Возможно же, что тех, кто не возвращается, просто задерживают в Башне,

– Да уж, пансион там для них устроили.

– Башня демонстрирует немалую мощь, несколько десятков смельчаков она могла бы прокормить,

Альбинос проговорил:

– Нет, сэр, предики умирают... Те, кому посчастливилось вернуться, рассказывают: в храме, перед Испытанием, из пыли поднимаются призраки тех, кто там был и кто умер, призраки изображают, как предики умирали... При желании можно найти в тьме призраков последнего предика, который из Башни не вернулся. И видно, что там с ним произошло, то ли его разорвало пополам, или расплющило, или разнесло на куски... Наверное, в храме пыли с хорошую гору наберется. Вон она, Башня, сэр.

Джонни посмотрел направо.

Круглую Башню он уже видел, когда проносился над спутником. Однако тогда она казалась ему малой черточкой, иное дело теперь. Теперь он мог оценить все ее великолепие.

Великолепие Башни не было великолепием архитектуры, на Земле давно научились возводить сооружения внешне более эффектные. Душевное потрясение, которое производила Башня у всякого, видящего ее впервые, причиной своей имело

излучаемые Башней очарование тайны и сияние чуда. В какой-то миг Джонни показалось, будто из стен Башни струилась блистающая дымка, и дымка эта растекалась по раскинувшемуся вокруг Башни городу.

Таксолет пошел на посадку.

Джонни с трудом оторвал взор от Башни и окинул взглядом город. Здесь были и многоэтажные гостиницы, и частные домовладения, и многочисленные резиденции миссий членов Содружества Разумных Миров. Нигде не было видно ни одного зеленого деревца, наверное, покрывавший поверхность Церба искусственный панцирь имел значительную толщину. Кое-где поблескивали витринами магазины.

В городе, названном, по имени спутника, Цербом, постоянно проживало около миллиона разумных существ с различных планет, и еще столько же насчитывали туристов и командировочных. Неудивительно, что на улицах Церба было весьма многолюдно.

Одну интересную деталь уловил Джонни, оглядывая город, осознал же он ее только когда выбрался из машины.

Во всем городе не было ни одного здания, высотой превосходившего Круглую Башню. Это не являлось проявлением воли Башни или Хранителя, но установилось по молчаливому уговору носителей разума с различных планет. Пожалуй, правильно было бы назвать это добровольным преклонением горожан перед мудростью древних строителей Башни.

Таксолетчик высадил Джонни у самой Баш-

ни. Только теперь Джонни заметил, что Башню окружала ограда, носившая отнюдь не древнее происхождение. В одном месте в ограде были ворота.

В сооружении ограды вокруг Башни имелся смысл. Слишком большой интерес Башня вызывала, слишком многим хотелось не только увидать ее, но и прикоснуться к ней, походить по ее лестницам, постоять на верхней площадке. Такую непосредственность Башня могла принять за оскорбительную бесцеремонность, поэтому администрация Церба решила не рисковать. Лестницы Башни были дорогой Претендентов, совсем ни к чему всяким праздным конечностям касаться ее.

Ограду окружала немалая толпа, состоявшая из разных разумных существ: Джонни заметил громадные уши перрианина, несколько кошачьеобразных лиц малосцев, фиолетовые волосы медян. И землян немало было в толпе. Щелкали фотоаппараты, поблескивали линзы телекамер.

Джонни решил протиснуться к группе землян в полтора десятка человек, которым что-то рассказывал экскурсовод, может, удастся услышать что-то полезное. Джонни не успел отдавить ни ногу, ни щупальцев: его внимание привлекло волнение, возникшее в толпе, из-за чего он, сделав пару шагов, остановился.

Толпа раздвинулась, и Джонни увидел: к Башне приближалась процессия.

Впереди вышагивали восемь охранников с дубинками, восемь медно́кожих сикузян, за ними двигались в ярких одеждах народы Содружества, по три представителя от каждой расы. Далее

следовал пожилой человек в лиловой мантии, на вытянутых руках он держал перед собой кожаную папку. Это был так называемый Генеральный Сопровождающий, должность Генерального Сопровождающего по очереди исполняли руководители миссий цивилизаций, входивших в Содружество. Затем шел воин в зеленой шелковой одежде своеобразного покроя, являвшийся главным лицом в процессии. Воин, как и охранники, был родом с Сикуз, планеты системы Антареса. Внешним отличием сикузян от землян являлись зеленоватая кожа, сильно развитые надбровные дуги, невысокий гребень, проходивший по спине сикузянина от затылка до поясничного отдела позвоночника.

Приблизившись к воротам, процессия остановилась. Откуда-то выдвинули маленькую трибуну. На трибуну поднялся землянин с папкой и один из официальных сикузян.

Землянин громко провозгласил:

– Да будет всем известно, да будет! Ар Касс, подданный его величества императора Всеохватной Сикузии, вольной волей облекшийся в достоинство Претендента явился сюда, дабы взойти по ступеням Истины в двери Вечности! И да принесешь ты мир нам, отважный и милосердный Ар Касс! Вот свидетельство о правоспособности Ар Касса, подписанное всеми членами Регистрационного Совета.

Землянин помахал извлеченной из папки бумагой и передал ее сикузянину, стоявшему у него за спиной. Внимательно ознакомившись с бумагой, сикузянин заявил:

– Я, полномочный представитель императора Всеохватной Сикузии на Цербе, удостоверяю подлинность свидетельства Ар Касса. Путь открыт, Ар Касс!

Должно быть, рядом с воротами в ограде находился щиток управления, и кто-то из охранников, обязанный следить за ходом процедуры, как раз в это момент нажал на кнопку. Створки ворот плавно разошлись.

Сикузянин медленно пошел к воротам. Он трусил, конечно, но сейчас его шаг умеряла не трусость, а значительность проистекавшей через него ситуации. И толпа замолчала, хотя минуту назад слышались смешливые выкрики, вот, мол, еще один жадный глупец выискался. Короны Мира ему захотелось. Язвительный дух тех, кто презрительно называл Претендентов на Корону Мира предиками, оказался попранным величием отваги и решительности.

Пройдя через ворота, сикузянин начал восхождение на Башню. Там, наверху, ждала его смерть или необъятная власть, он же распрямил плечи и шагал легко, раскованно, словно ему привычно было восходить к облакам.

«Я опоздал, – обожгло Джонни. – Не мне быть Властелином Галактики».

Сикузянин дошел до конца лестницы и пропал из виду, шагнув на верхнюю площадку Башни. Высота Башни не позволяла следить снизу за его перемещениями по площадке. Однако на этот случай администрацией Церба было кое-что предусмотрено.

По периметру ограды открылись вмонтирован-

ные в ограду экраны, на которые передавалось изображение с телевизионных спутников. Объективы спутников были нацелены на Круглую Башню.

Собравшиеся вокруг Башни горожане и туристы увидели: сикузянин некоторое время постоял перед храмом, должно быть, его задержал Хранитель. И вошел в храм.

Напряжение в толпе скачкообразно возросло. Все ждали ответа Башни.

Через минуту между храмовых колонн наружу выплеснулся огонь. Пламя, лизнув храм, почти сразу же убралось назад, внутрь. Над Круглой Башней загрохотало, раскаты понеслись вдаль.

Что случилось? Означал ли взрыв в храме гибель Претендента, или это был салют в честь прошедшего Испытание сикузянина?

Горящие зеленые лоскуты, кружась, опустились в толпу. Джонни без труда признал в этих лоскутах остатки зеленой одежды сикузянина.

Вряд ли Башня чествовала бы так своего избранника.

В толпе заговорили. Несколько сикузян, беспорядочно взмахивая руками, с воплями повалились на колени. Кто-то крикнул: «Не корону, а горшок бы на голову этому зеленому кузнечику!» На шутника зашикали.

Официальный землянин, все это время находившийся на трибуне, объявил, что и так было ясно всем:

– Претендент Ар Касс Испытание не прошел, – и сошел с трибуны.

Земляне, гуманоиды с кожей различных цве-

тов и оттенков, негуманоидные существа с щупальцами и клешнями стали поодиночке и небольшими группами расходиться (а некоторые – расползаться). Краем уха Джонни уловил некоторые высказывания. «Этот предик держался что надо», – с видом завсегдатая изрек улыбчивый землянин в рабочей одежде. «М... да, слабоват оказался сикузяшка», – протянул краснощекий здоровяк. «Настоящий мужчина», – мечтательно вздохнула низкорослая блондинка. Она как будто ни к кому не обращалась, но подле нее находился плюгавенький бородач. «Сгорел, как ветошь какая-то сгорел, тьфу ты!» – непонятно к чему плевалась накрашенная толстуха.

Джонни увидел поблизости сопровождавших процессию охранников в униформе и пошел за ними. Ему хотелось знать, где и каким образом становились Претендентами, и он рассудил, что, если держать в руках один конец веревочки, нетрудно будет переместиться к ее другому концу.

Охранники и официальные лица, шедшие в процессии, теперь строй не держали, шли толпой. Некоторые из них оживленно переговаривались, очевидно, их работа заключалась в том, чтобы доставить Претендента на Испытание, далее же их поведение не регламентировалось.

Впереди себя Джонни заметил седовласого землянина, того самого, вещавшего с трибуны. Джонни нагнал его.

– Сэр, не могли бы вы уделить мне пару минут?

– Что такое, молодой человек?

– Сэр, я хочу стать Претендентом. Как это делается?

Седовласый бросил на Джонни презрительный взгляд.

– Ты только приехал сюда, сынок?

– Да, сэр, я здесь первый день. Я с Земли.

– Тебе повезло, рейс на Землю через два часа. Отправляйся в порт и забудь про свои бредни, это лучшее, что ты можешь сделать, чтобы сохранить голову на плечах.

– Сэр, я пройду Испытание.

– Знаешь, сынок, каждые двенадцать часов мы подводим к Башне Претендента, а иногда даже чаще, чтобы не создавать большой очереди. Тебе известно, сколько их там, в Башне, превращается в пыль?

– Я слышал, погибают четверо из пяти.

– А пятый возвращается назад со сломанными ребрами. Только один из пяти возвращается. Ты можешь понять? Так что, милый мой, Испытание – это один из способов самоубийства, и только, а претенденты – это самоубийцы, решившие покончить с собой красиво. Если же тебе дорога жизнь, убирайся с Церба. Отправляйся домой, к мамочке.

Так, за разговором, Джонни и седовласый землянин дошли до унылого серого здания в три этажа. Перед зданием на флагштоках развевались флаги всех тридцати двух цивилизаций Содружества. Седовласый направился к двустворчатой высокой двери, Джонни хотел пройти в здание за своим спутником, но его не пустил стоявший у двери охранник, седовласый же не сделал ни малейшей попытки провести его с собой внутрь. Для

седовласого разговор с Джонни был как будто всего лишь развлечением на время пути.

Джонни в сердцах сплюнул. Не зная, что делать дальше, он поднял глаза. Над дверью было обозначено: «Бюро сопровождения Претендентов». Интересно, а где же пеклись эти самые Претенденты?

Он оглянулся на оклик. Оказывается, к нему приблизился бродяга в рваной одежде. Это был коссиец, гуманоид с Коссии, чья раса отличалась от землян только внешним видом ушей. Уши у коссийцев были покрыты густыми волосами, кверху собиравшимися в кисточку.

– Ты, друг, хочешь стать предиком, да? – спросил коссиец почти без акцента.

– Претендентом, – сказал Джонни с нажимом.

– Хорошо. Претендентом. Пошли со мной, я тебя отведу в одно место, где тебе помогут.

– Ты так уверен, что мне нужна помощь?

– Неужели ты сам хочешь ходить по комиссиям? На это твоей жизни не хватит!

– По каким еще комиссиям?

– Медицинская, фильтрационная, контрольная... А там еще неизвестно, что скажет Регистрационный Совет.

– У меня с собой только сто тридцать кредов, – предупредил Джонни. Еще при нем был лучемет, маленький портативный «Шмель», козырять которым, однако, пока что было ни к месту.

– Этого должно хватить. А там ты станешь Властелином Галактики и тебе не придется дрожать за каждую бумажку. Пошли.

Шли они недолго: миновали десяток домов, свернули, и бродяга остановился.

– Заходи, не бойся! – он показал на дверь.

Над дверью шла затейливая вязь: «Добро пожаловать, будущий Победитель!»

Джонни толкнул дверь.

Снаружи одноэтажный домик смотрелся неказисто, представляя собой вполне стандартное строеньке. Внутри было иначе: стены в пластике под красное дерево, зеркала, красивые люстры. Джонни как будто попал в офис процветающей фирмы.

У двери за столиком сидела девушка с милой мордашкой.

– Я хотел бы стать Претендентом, – заявил Джонни.

– Пройдемте, – девушка выпорхнула из-за стола.

Она провела его в кабинет, где за столом сидел внушительного вида мужчина – волевое скуластое лицо, шевелюра с проседью, крупные сильные руки. Показав Джонни на кресло, девушка удалилась.

– Мистер Даблтон, – представился мужчина. – Вы хотите попытать своего счастья в Башне, мистер...

– Голд, – отрывисто назвался Джонни. – Да, я хотел бы стать Претендентом, желательно как можно быстрее.

– Рад поздравить вас, вы попали, куда следует. Наша фирма, «Посох Земли», как раз занимается оказанием помощи смельчакам – землянам вроде вас. Все формальности, все докучливые

мелочи мы берем на себя: подборку документов, регистрацию, решаем проблему с очередью и с вашим проживанием на Цербе до Испытания. Но для начала я предложил бы вам пройти специальный тест, он запатентован нашей фирмой. Этот тест позволит с высокой точностью определить, следует ли вам вообще рисковать. При создании теста нами были учтены все известные на данный момент 12276 случаев Испытания.

– Тест не нужен, – отрезал Джонни. – Все эти ваши услуги, кроме теста, сколько будут стоить?

– Мы возьмем с вас всего тысячу кредов, сэр.

Джонни задумался.

– Допустим, где мне жить, я найду сам. От вас мне требуется только, чтобы меня зарегистрировали как Претендента. Сколько это будет стоить?

– Девятьсот кредов.

– У меня с собой сто тридцать.

– Вы полетели на Церб, имея на руках всего сто тридцать кредов? Но... позвольте, а как же вы думаете вернуться на Землю в случае неудачи? Или вы живете не на Земле – в какой-то колонии? Но все равно, самый дешевый билет с Церба стоит сто пятьдесят кредов...

– Пожалуй, я обойдусь своими силами, – Джонни встал.

– Поверьте, мы берем недорого, мистер Голд, – быстро проговорил мистер Даблтон. – Вы не представляете, что это значит, приобрести статус Претендента. Вы, конечно, не запаслись справкой медицинского департамента того сектора, где вы

проживали, что у вас нет психических заболеваний? Значит, вам придется слетать за ней. В фильтрационную комиссию вы должны будете предоставить справку от Министерства Гражданского Спокойствия, что не находитесь в розыске. Контрольная комиссия потребует от вас заверенные нотариусом свидетельства ваших родственников, что они подтверждают добровольность вашего намерения стать Претендентом. Двести кредов вы заплатите пошлины, и еще Регистрационный Совет...

Джонни вышел из кабинета.

На улице его поджидал тот самый бродяга с ушами-кисточками.

Прежде, чем Джонни успел раскрыть рот, бродяга сказал:

– Ничего не вышло, не договорились? Не горюй, приятель, здесь этих фирм не одна сотня. Пошли в следующую, тут недалеко,

«Он хочет, чтобы я ходил за ним как болван, а он будет собирать за доставку клиента мзду», – подумал Джонни и ухватил бродягу за шиворот.

– У меня пустой кошелек, ты не понял?

– Подожди, я...

Джонни отшвырнул коссийца. Кошелек у него действительно пуст, но ведь у него есть яхта, подумалось ему. Яхту можно заложить, ему бы дали за нее самое меньшее пятьсот тысяч кредов. Надо найти ломбард, и потом...

Коссиец, оказывается, не убрался подобру-поздорову. Глаза у Джонни загорелись гневом. Коссиец затараторил:

– Постой, друг, вот что я скажу. Я могу отвести тебя в одно место, там обслуживают в кредит. Когда добьешься своего, ты с ними рассчитаешься.

Джонни приподнял брови. Ладно, правительства тратятся на Церб, только на содержание миссий сколько денег уходит, но у правительств деньги не собственные, а налогоплательщиков. Неужели нашлись деловые люди, которые настолько поверили в слова Хранителя, что пошли на затраты с неясной окупаемостью?

Коссиец усилил давление:

– Делай со мной что хочешь, если с тебя потребуют хоть один кред!

– Если окажется, что ты меня обманул, я не стану спрашивать, отколотить мне тебя или нет, – сказал Джонни. – Показывай дорогу!

На этот раз коссиец привел его к большому четырехэтажному, можно сказать, четырехъярусному зданию в форме пирамиды, каждый этаж здания площадью основания был меньше, чем находившийся под этим этажом этаж. На фасаде горели буквы: «Всепланетная Строительная Корпорация». Крутящиеся двери впускали и выпускали людей, чьи округлые брюшки никак не делали их похожими на склонных к опасному риску молодчиков. Рядом со зданием стояли на площадке несколько десятков гравилетов.

Бродяга уверенно зашагал к дверям-вертушкам.

Они прошли несколько многолюдных коридоров. У двери без таблички бродяга замедлил шаг.

За этой дверью открылся еще один коридор со множеством дверей по правую сторону, по левую сторону коридора тянулись окна.

Коссиец попросил Джонни подождать немного в коридоре. Он скрылся за одной из дверей. открывавшихся в коридоре. Вернулся он быстро.

– Мистер Делл, один из руководителей проекта «Башня», готов принять тебя, – бродяга показал на дверь.

Джонни взялся за дверную ручку, обещая себе не пожалеть ног и обязательно догнать бродягу, если только за дверью окажется санузел.

Он попал в просторный и по-современному элегантный кабинет, никаких мягкостей в коже, никаких статуэток или вычурных ламп. Стол, два кресла, встроенный в стену шкаф и компьютер на приставном столике составляли все убранство кабинета. На стене кабинета висела большая цветная голофотография-монтаж: Круглая Башня и рядом с ней высотой равное ей громоздкое здание, которого в действительности рядом с Башней не было. Наверное, в этом здании на какой-то планете находился мозговой центр компании «Всепланетная Строительная Корпорация».

За столом сидел сухощавый джентльмен с прилизанными сзади редкими волосиками. Мистер Делл, так он представился и предложил Джонни сесть. Как только Джонни расположился в кресле, мистер Делл спросил:

– Вы, я слышал, хотите попытать счастья в Башне, мистер Голд?

– Да. Мне сказали, что вы можете помочь получить статус Претендента.

– В самом деле, мы избавляем молодых людей, да и не очень молодых, от унылых формальностей. Однако у нас есть одно условие.

Мистер Делл замолчал, как бы раздумывая, стоит ли вообще с Джонни вести разговор.

– Я должен заплатить вам за вашу помощь? – спросил Джонни.

– Мы компания солидная, наш доход складывается отнюдь не из выплат желающих пройти Испытание. Другими словами, с таких, как вы, мистер Голд, мы денег не берем.

– Вы подвергнете меня тесту, способен я пройти Испытание или нет?

– Такой тест принципиально не может быть создан. Слишком мало данных, ведь мы не знаем ни единого существа, в руках у которого побывала бы Корона Мира. Что же касается тестов других компаний... Они показывают, и то очень неточно, умрет ли испытуемый в Башне или нет, но они не могут показать, пройдет ли он Испытание и будет ли признан Башней своим господином. Кто знает, быть может, тех, кого Башня убивает, она считает более достойными Короны Мира, чем тех, кого она изгоняет, так сказать, выплевывает?

– Обычно считают иначе.

– В общении с неземным разумом, мистер Голд, весьма опрометчиво опираться на земную логику.

– Так вы можете сказать, чего потребуете от меня за свою помощь?

Отбросив сомнения, мистер Делл вынул из ящика стола лист с текстом и протянул его Джон-

ни. Пока Джонни пробегал глазами по строчкам, мистер Делл не спеша комментировал:

– Перед вами стандартный договор, его подписывает каждый, кто собирается с нашей помощью проверить свои силы в Башне. Компания поможет вам обрести статус Претендента, а если вы не будете убиты в первом Испытании, компания поспособствует вашей подготовке к следующему Испытанию. Некоторые наши питомцы уже дважды побывали в Башне. Вы дошли до седьмого пункта? Вы обязуетесь в случае овладения вами Короной Мира предоставить компании миллиард кредов безвозмездно, а также кое-какие налоговые льготы. Думаю, этот пункт вас не смутит.

Джонни заинтересовала одна фраза в речи Делла.

– Следует ли понимать вас, мистер Делл, так, что у вас есть программа подготовки к Испытанию?

– Не то, чтобы программа, но некоторые наработки у нас есть.

– Почему бы вам еще до первого Испытания не подучить меня, как проходить Испытание?

– Подготовка к Испытанию – вещь очень затратная, мистер Голд. Прежде чем взяться за вашу подготовку, нам хотелось бы убедиться, что у вас есть кое-какие необходимые Претенденту способности. Есть они у вас или нет, нам говорит Башня. Если она не убьет вас, мы предполагаем, что такие способности у вас есть и с вами можно заниматься.

– Но вы сами только сказали, что невозможно создать тест, который показывал бы, угоден

Башне данный Претендент или нет! Вы сказали, что по тому, изгоняет Башня Претендента или не изгоняет, еще ни о чем нельзя судить!

– Проект нашей компании «Башня», одним из руководителей которого я являюсь, открыт для разных точек зрения. Когда мы говорим, что специальный компьютерный тест для Претендента не нужен, мы основываемся на утверждении о неизученности логики Башни, когда же мы решаем вопрос о подготовке Претендента к Испытанию, мы, чтобы избежать ненужных затрат, придерживаемся несколько иного мнения.

Джонни стало все понятно. Эти ребята в проекте»Башня» думали как все: если Башня не убила кого-то из Претендентов, она тем самым подавала знак, вот этот, если как следует подготовится, сможет пройти Испытание. Отказываясь от компьютерного теста, здесь прибегали к более надежному, хотя и куда более опасному тесту: сама Башня говорила, кто угоден ей. Что же касается первоначальных слов мистера Делла, что выживший в Испытании, возможно, менее способен пройти Испытание, чем умерший, и поэтому нет необходимости в тестах. Это было только способом придать благообразную наружность суровому методу «Всепланетной Строительной Корпорации» отбора лиц, достойных ее затрат.

– Вы готовы подписать договор с нами? – спросил мистер Делл.

– Дайте ручку.

Через несколько минут Джонни провели в дешевенький номер находившейся в здании корпорации гостиницы. Здесь ему предстояло дожидать-

ся результатов усилий компании, направленных на предоставление ему статуса Претендента.

Джонни опасался, что ему прикажут слетать за какими-то справками на Землю, ведь на Земле темное прошлое отца могло сыграть с ним злую шутку. Этого не произошло. Уже через два дня (на Цербе искусственные солнца светили постоянно, но каждые двенадцать часов окна в жилищах землян затенялись, это считалось ночью) Джонни предстал перед Регистрационным Советом. По документам выходило, что Джонни – круглый сирота, психически и физически полноценный, законопослушный, всю жизнь проведший на марсианской ферме приютившего его из милости арендатора. Арендатор дал ему отменную характеристику, она была вложена в его дело. По всем статьям высокому Совету не стоило опасаться, что если Джон Голд, землянин, пройдет Испытание, в его лице Галактика получит кровожадного тирана.

Испытание должно было состояться через двадцать четыре часа после того, как Джонни обрел статус Претендента.

До Испытания оставался час, когда за ним пришли. Рядом с мистером Деллом Джонни увидел того седоватого землянина, который без особых церемоний пытался отговорить его от прохождения Испытания.

– Мистер Энби, первый помощник начальника миссии Земли на Цербе, – представил Делл своего спутника.

Энби и виду не показал, что узнал Джонни. Подчеркнуто официальным тоном он произнес:

– Мистер Голд, Объединенным полномочным Советом, который осуществляет управление Цербом, разработана специальная процедура Испытания. Вы должны кое-что запомнить.

Джонни быстро усвоил нехитрые правила, которым ему предстояло следовать: не размахивать руками во время шествия к Башне, идти неторопясь, ни в коем случае никого не обгонять и ничего не выкрикивать. Также Джонни должен был игнорировать толпу, как бы она ни бесновалась. В заключение мистер Энби дал Джонни расписаться, что тот с порядком прохождения Испытания ознакомлен.

Как только Энби и Делл удалились, к Джонни в номер вошли гример, парикмахер и портной.

Гримеру работы было немного, на лице у Джонни отсутствовали морщины, которые следовало бы замаскировать, и грубые шрамы не безобразили его лицо, что же касается нежного шрамика на правой скуле, так шрамик этот гример даже оттенил, дабы подчеркнуть мужественность Претендента. Парикмахеру досталось работы немного больше, портному – почти ничего, все размеры с Джонни сняли заранее, и даже две примерки успели провести.

В короткой красной тунике без рукавов и с красным плащом на плечах Джонни занял свое место в процессии.

На этот раз Генеральным Сопровождающим был не седовласый брюзга мистер Энби, а уроженец планеты Карро, похожий на осьминога Хоо-Ок, только не восемь конечностей было у Хоо-Ока, а четыре. Хоо-Ок передвигался впереди Джонни

на трех конечностях, в четвертой держа папку с сопроводительным листом. Каррийца облегал легкий скафандр, воздух Церба был слишком сухим для него.

На этот раз толпа у Башни собралась более многочисленная, нежели когда Джонни впервые приблизился к Башне. Большинство толпы составляли любопытные, попались Джонни и завистливые взгляды, встречалось и немало насмешливых глаз. Когда процессия остановилась у ограды, от всеобщего внимания словно наваждение нашло на Джонни; ему показалось внезапно, что это Круглая Башня тысячами глаз смотрит на него.

В следующий миг тревога оставила его душу, уступив место чистой восторженности. Убеждение пронзило сознание Джонни: он пройдет Испытание, он вернет себе Лолу.

Если же нет... что ж, он умрет. Тем самым он докажет, что был достоин ее любви.

Джонни не слышал, что говорили с трибуны, не слышал он и восклицаний из толпы. Когда ворота открылись, и белоснежная лестница предстала перед ним, он двинулся вперед быстрым шагом, позабыв про указания мистера Энби.

До храма он добежал на одном дыхании.

Ступив на площадку перед храмом, Джонни замер на секунду. Он подождал, не обратится ли хранитель к нему, но Хранитель молчал.

Джонни окинул взглядом расстилавшийся под ним город и прошел в храм.

Все было так, как рассказывал старик Локки: пустота зала объяла его, словно бескрылого

птенца накрыли ладонями. Толстый слой пыли устилал пол, однако не чувствовалось, чтобы эта пыль хоть сколько-то заполняла пустоту.

Пыль, поднятая его шагами, не улеглась. Наоборот, хотя он остановился в центре зала, клубы пыли становились все гуще, и вскоре некая сила подняла пыль в воздух и там, где не ступала его нога.

В какой-то миг в завихрениях пылинок Джонни стал улавливать фигуры призраков. Немногим позже, точку этого момента трудно было определить, пыль исчезла. Одни лишь призраки кружили вокруг Джонни, и видение было настолько отчетливым, как не бывает отчетлива ни одна голография.

Прямо перед собой Джонни увидел сикузянина, того самого, в зеленой одежде, за чьим восхождением он наблюдал несколько дней назад. Сикузянин стоял перед ним как живой, он выглядел совершенно невредимым, пока его тело не пронзили налетевшие со всех концов зала металлические штыри. И сикузянин упал, безобразно кривя лицо, и уже не разумное существо лежало на полу, а горстка пыли.

Вскоре Башня, продемонстрировав Джонни муки его предшественников, закончила представление. Все призраки обратилась в пыль.

Джонни еще мог покинуть храм. Но как покинуть Храм без Лолы?..

Тут он уловил какой-то звук, чей источник невозможно было определить, будто комар залетел под мрачные своды. Звук быстро усиливал-

ся. Скорее, его следовало бы сравнить с ревом стада разгневанных слонов, немногим позже – со звуком, издаваемым сиренами тысячи полицейских гравилетов.

Джонни зажал уши руками, но звук ничуть не стал глуше.

Постепенно Джонни стало казаться, что рвущий нервы звук рождается в нем самом. Надрывный рев сотрясал все его тело, каждую мышцу, каждую клеточку. Можно было сойти с ума от этого звука, стучавшего по мозгу с неистовством урагана.

Потом взор Джонни застлала красно-серая пелена.

Не осознавая своих действий, он выбежал из храма и, прыгая через три ступеньки, помчался вниз. Он не слышал, как отдельные испуганные вскрики толпы потонули в заливистом смехе. Джонни выглядел прямо-таки клоуном с зажатыми ушами, перекошенным лицом и в мокром исподнем. Переданный ему на время Испытания прекрасный плащ он потерял где-то в начале своего бегства.

Когда проводилось Испытание, санитарный гравилет дежурил у Башни неотлучно. Джонни ввели ударную дозу снотворного и погрузили в машину.

Его разбудил голос мистера Делла. Он открыл глаза.

Мистер Делл, отдав какие-то распоряжения

человеку в униформе служащего корпорации, повернулся к Джонни:

– Проснулись, мистер Голд? Очень хорошо. Вы помните, что с вами произошло?

– Да, – выдавил Джонни.

– Вы, как выживший после Испытания, включены в нашу группу Претендентов. Отдыхайте, мистер Голд, о деле мы поговорим позже.

Разговор с Деллом у Джонни состоялся через неделю. После незначащих вступительных фраз Делл сказал:

– Вы утверждаете, мистер Голд, что прервали Испытание не из-за боли, а от страха. Вряд ли нам следует вдаваться в теоретические тонкости, рассуждать, страх ли тут был в чистом виде или произведенная страхом боль. Есть способ преодоления страха, способ действенный, только овладеть им непросто.

– Что это за способ?

– Вы слышали о Звере-В-Чешуе?

– Леру, кажется? В школе нам рассказывали о нем на уроке истории космической мифологии.

– Действительно, официально Леру – это миф. Однако наша компания иного мнения. Один человек, чьей подготовкой мы занимались, сумел получить бесстрашие от Леру.

Джонни не смог скрыть своего изумления.

– Да, я не шучу, – проговорил мистер Делл. – На Максантуме живет существо, которое туземцы называют Леру, Зверь-В-Чешуе. И это существо, если добраться до него и расположить его к себе, может наделить способностью преодолевать страх.

– Но разве можно говорить о бесстрашии к звуку? Этот гул, он... – Джонни запнулся, не желая пересказывать историю своей слабости.

– Что бы ни порождало его, страх есть страх. Сила Леру действует против всякого страха, это несомненно.

– Когда я могу отправиться на Максантум?

– Техники компании осмотрели вашу яхту. Им понадобится два дня, чтобы подготовить ее к полету.

– Я не попадал в аварию...

– И все же кое-какие неполадки в системе жизнеобеспечения были найдены. Мы вкладываем в вас деньги и не хотим подвергать вас ненужному риску. Вашу яхту отремонтируют, вы получите достаточный запас горючего и провианта. Помимо этого, мы предоставим вам портативный автопереводчик, на Максантуме он не помешает. Плюс тысяча кредов на текущие расходы.

– Больше мне не придется ничего подписывать?

– Мы оформим на бумаге только одно ваше обязательство. Вдруг вам однажды разонравится идея стать Властителем Галактики? В этом случае вы должны будете компенсировать нам расходы на вас и выплатить компании штраф, трехкратно превышающий данную сумму.

– Я все подпишу, – заверил Джонни.

... Через два дня «Ласточка» стартовала с космодрома «Цербийский».

ЛЕГЕНДА О ЗВЕРЕ-В-ЧЕШУЕ

Планета Максантум была одиннадцатой планетой красного гиганта Герклума. Компьютерный галактический справочник сведения о ней содержал немногочисленные. Планета находилась на четвертой стадии разумности (на планете жили разумные существа, достигшие в своем развитии первобытнообщинного строя), ее относили к первому классу полезности (планеты, бедные полезными ископаемыми) и ко второму классу научности (для науки планета представляла некоторый интерес, поскольку на ней зародился разум). Максантумом владела Гонтийская Конфедерация, как собственность он имел седьмую степень защиты (чтобы высадиться на планете, необязательно было испрашивать разрешения у местной администрации, хотя, конечно, находясь на планете, следовало подчиняться властям). Зверю-В-Чешуе в галактическом справочнике было уделено две строки: «В религиозном сознании максантийцев важное место занимает культ так называемого Зверя-В-Чешуе или ЛЕРУ, по представлениям максантийцев обладающего способностью наделять бесстрашием».

Осуществив икс-переход, Джонни на межпланетной тяге приблизился к Максантуму, вывел «Ласточку» на орбиту. На первом же обороте вокруг Максантума аппаратура яхты засекла радиомаяк. Джонни нацелил оптические приборы на это место. Пролетая над ним, он прильнул глазами к окуляру. В зелени леса Джонни различил

площадку искусственного происхождения, вполне пригодную для того, чтобы посадить на нее легкий космический корабль. Рядом находилось несколько домиков.

Его никто не встретил, чего, впрочем, и следовало ожидать на планете седьмой степени защиты. Джонни направился к ближайшему из домиков, над дверью которого колыхался гонтийский флаг. Государственный флаг Гонтийской Конфедерации представлял собой красный матерчатый треугольник с изображением на нем «веера Гонтии». На головах гонтийцев-мужчин костные выросты с перепонками между ними образовывали гребень, он-то и назывался «веером Гонтии». Этот гребень при волнении хозяина вставал дыбом, и острые концы костных выростов могли служить оружием. Благодаря чрезвычайно подвижному позвоночнику гонтиец, сделав резкое движение головой, мог сильно поранить врага.

Прибытие Джонни все же не осталось незамеченным: он не успел подойти к домику с флагом, как навстречу вышел гонтиец со слегка приподнятым гребнем, на лбу у него чернел диск автопереводчика.

Джонни остановился, выставил ладони вперед и развел руки в стороны. Этим общепринятым жестом в отношениях между инопланетными цивилизациями он показывал открытость своих намерений. Гонтиец повторил его жест, после чего между ними завязался разговор.

Оказывается, перед Джонни находился сам Чрезвычайный Наблюдатель, высший чиновник Гонтийской Конфедерации на Максантуме. Зва-

ли его Хнор. У гонтийца Хнора в подчинении было пять полицейских. Учитывая статус планеты, большего и не требовалось. Помимо Хнора с полицейскими, на Максантуме цивилизованный мир представляли трое ученых: филолог, лингвист и квазиантрополог. Хнор предупредил Джонни, что на Максантуме любая деятельность, кроме научной, была запрещена, будь то бизнес или благотворительность. Джонни ожидал этого, на планетах с развивающимся разумом, как правило, вводились подобные ограничения, поэтому он отозвался заготовленной фразой:

– Я здесь по поручению одного из зоопарков Земли, мне нужно всего лишь с пару десятков особей наиболее типичных здешних жизненных форм для коллекции. Полагаю, господин Чрезвычайный Наблюдатель, то, чем я собираюсь заняться, вы отнесете к научной деятельности?

– Так есть, стягивать вещество в зоологический сад есть научный парилка (научный труд, перевел Джонни), пункт 174 Временного Соглашения о Терминах и Датах. Но втолкуйте себе в лоб, вы не можете сметь забрать с Максантума сверх более пять особ одного гнезда.

– Я это знаю, мистер Хнор. – Про себя Джонни подумал: «Какой гадкий автопереводчик у этого гонтийца».

– Давай идем-идем в выставительство (в представительство, догадался Джонни). Ваш долг переварить одна инструкция. Мой долг – давать вам одна инструкция.

В домике Джонни пролистал «Инструкцию по безопасности на Максантуме». Если верить ин-

струкции, на планете водилось около десяти тысяч видов ядовитых животных и пять тысяч видов хищников, могущих представлять опасность для исследователя. О Звере-В-Чешуе в инструкции не было ни слова. Расписавшись, что ознакомился с инструкцией, Джонни спросил:

– Вы не могли бы дать мне на время гравилет, мистер Хнор? Я могу заплатить за аренду. (Подходя к домику Хнора, Джонни заметил два гравилета, которых загораживали кусты.)

– Это не есть возможно, самописец Голд. Планета к четвертая стадия ума, использовать летательный аппарат дозволяется исключительно в ситуации. Возьмите радиосигнал, дозволяется. Пять кредов, немного. Неприятность будет, кнопку надо жать, прилечу. Только надо припасать триста кредов, это штраф. И вы покидать Максантум.

Джонни, подумав, купил у гонтийца радиосигнализатор.

Перед тем, как выйти из здания представительства, он расспросил, где живет филолог. Филолог не мог не заинтересоваться местными преданиями о Леру. Возможно, у него была и какая-то свежая информация о таинственном создании.

Гонтиец сказал, что филолог был землянином, так что Джонни не стал возвращаться на «Ласточку» за автопереводчиком.

Доктор Смит, старичок-филолог, появлению соотечественника страшно обрадовался. Сверкнув сальной лысиной, он возбужденно воскликнул:

– Больше года я не видел землянина, больше года! Как тебя звать, сынок? Джонни? Разопьем

бутылочку, Джонни! Эх, бутылочки-то у меня нет, я и запамятовал. У меня есть сок гуравы, такой здешний фрукт, неплохо дерет глотку. Проходи, проходи! И перекусим заодно.

Старичок затащил Джонни на кухню, усадил за стол и принялся хлопотать у плиты, болтая без передышки:

– Этот Максантум такая глушь, транспорт бывает раз в полгода. Привезут одно да другое, и все втридорога. Думаю, через полгода отсюда улечу. На островах восьмого сектора я еще не побывал, а так все обследовал. Говорят, один грамм грави-смеси теперь полкреда стоит?

– Да.

– Это же грабеж! И сколько мне придется заплатить за билет до Земли?

Заставив стол всякой снедью, старичок поставил перед Джонни бокал с желтоватым соком гуравы, предложил ему закусить парочкой максантийских слизняков (двое суток в лимонном соке лежали) и принялся есть. Джонни попробовал сок. Язык обожгло, горечь стянула щеки. Когда старичок отвернулся, он незаметно выплеснул содержимое бокала под стол.

– Так тебе нужны зверюшки для зоопарка? – спросил старичок, окончив вслух высчитывать стоимость обратного билета на Землю. – Можешь оставаться у меня, будем вместе совершать набеги, так сказать.

– Я буду жить на яхте.

– Ты прибыл сюда на яхте? У тебя собственная яхта?

Джонни кивнул.

Филолог восхитился:

– Да ты богат, сынок! Слушай, ты ведь пробудешь здесь полгода, да? Через полгода я закончу свою работу, и тогда мы вместе отправимся на Землю. Ты ведь прихватишь старика?

Джонни пообещал, тем самым еще больше расположив доктора Смита к себе. Не то под влиянием милой покладистости Джонни, не то из-за содержавшегося в соке гуравы алкоголя старичок разоткровенничался. В течение получаса Джонни пришлось выслушивать, как безбожно задерживают командировочные в «Бюро космической мифологии и лингвистики» и как бессовестно дороги домики с участком на «райских» планетах, будь то Локка или Ульнар.

Джонни пришлось приложить усилие, чтобы заставить старичка заговорить о максантийской мифологии.

– Ничего особенного, – махнул рукой филолог. – Принципы обычные: наделение стихий разумом, олицетворение стихий в подобных себе выдуманных созданиях, культ силы и культ плодородия. Короче, третья стадия развития мифологического сознания, по классификации Райта.

– Наверное, у максантийцев больше всего историй про Леру, Зверя-В-Чешуе?

– О, конечно. Это центральный образ в их мифологии. Всего я собрал пятьдесят семь мифов про Леру. Большей частью рассказики простенькие, бытовые, но есть и с полдюжины примечательных, космогонических.

– Я слышал, не все считают, что Леру – только миф.

– А, все эти россказни, будто Леру до сих пор ходит по Максантуму и машет своим волшебным цветком, – хохотнул старичок. – Нет ничего глупее подобных измышлений. Если Леру и существует, то только в нашем сознании.

– Однако, некоторые ученые утверждают...

– Дурацких утверждений я на своем веку слышал немало. Посуди сам, Джон, как можно поверить, что Леру – живое существо? Если мы это признаем, то должны будем признать, что существуют на свете боги, тогда как ни на одной планете до сих пор не видели ни бога, ни черта. Ты молчишь, сынок? Ты забыл, кто такой Леру?

– Школьная программа так быстро забывается, – Джонни потер висок. – Вы не могли бы мне напомнить, мистер Смит, кто такой этот Леру?

– Изволь. Я как раз закончил один рассказик для «Сборника космических притч и историй». Подожди минутку.

Филолог вернулся на кухню с папкой.

– Сейчас ты сам убедишься, что Леру – это мифологический персонаж, а не общественный деятель. – И старичок начал читать, местами, где это было уместно, певуче растягивая слова.

ЛЕГЕНДА О ЗВЕРЕ-В-ЧЕШУЕ

Это было время, когда земля и небо находились так близко друг к другу, что можно было пригласить в гости Бога.

Хтон, бог жестокости, и Шамшель, бог бесчувственности, правили душами максантийцев. В силе Хтона и Шамшеля максантийцы искали спасение — и находили его. Некоторые находили.

С раннего утра на Жертвенном утесе гремели барабаны. Сотни воинов ритмично били гладкообструганными палками в обтянутые новенькой кожей цилиндры из дерева, тысячи воинов взирали, опираясь на копья, на каменный жертвенник. На жертвеннике лежали рядком десятеро. Руки жертв были связаны, ноги — тоже, ошалелые глаза несчастных безумно пялились в небо.

Когда светило Максантума залило жертвенник вишневым светом, вождь подал знак: пора.

У десяти максантийцев было вырвано сердце. Еще трепещущие сердца порубили на мелкие части. Воины приблизились к жертвеннику вплотную — и блажен был тот, кому достался хотя бы один маленький окровавленный кусочек. Под ворчание обделенных трупы жертв разложили так, что получилась фигура, напоминавшая солнце с расходившимися лучами.

И все принялись ждать.

Чем выше поднимался вишнево-сиреневый гигант Герклум, тем жарче становилось. От крови и плоти жертв вверх потянулись удушливые испарения. Сладковатый тошнотворный запах становился все сильнее.

Когда над жертвенником заклубился кровавого цвета пар (или это от нестерпимой жары потемнело в глазах?), барабаны смолкли.

И все увидели: клубы пара, извиваясь, стали переплетаться особым образом, складываться в какой-то узор.

И не пар уже поднимался над жертвенником.

На жертвеннике стоял Хтон. Шерсть свирепого бога была перепачкана кровью, под кожей бугри-

лись чудовищные мышцы, из толстых губ выпячивались саблевидные клыки.

Толпа подалась назад.

Бог взревел. Несколько воинов упали, приняв смерть от разрыва сердца. Хтон нагнулся и, похрюкивая, принялся за кровавую трапезу.

На этот раз стол был богатым, довольный Хтон не стал выискивать себе добавку из толпы. Насытившись, бог сытно рыгнул и растаял в воздухе.

Максантийцы кинулись к жертвеннику. Обглоданные кости и требуха в мгновение ока исчезли в чавкающих ртах.

На этом обряд завершился. Максантийцы разошлись довольные, хотя у некоторых крутило животы. Урок жестокости был усвоен, их сердца опять покрылись густой, дремучей шерстью. Пусть теперь на них нападает хоть стая клювозубов, хоть косяк когтистых летунов, они не дрогнут, они сумеют отбиться. Жестокость Хтона, переданная им, на какое-то время наделила их бесстрашием.

Народ Максантума знал еще один способ уберечься от смертоносного стража. Эту мудрость нес бог бесчувственности Шамшель.

Чтобы вызвать Шамшеля, его приверженцы собирались на солнцепеке вокруг какой-нибудь палой лошади. Шамшель являлся, когда зловоние ударяло в голову и дышать становилось почти невозможно. Тело бога, сморщенного горбатого старика, было покрыто гноящимися язвами, откуда он и черпал благодать для своих приверженцев. Гноем и сукровицей Шамшель брызгал на молящихся, и те жадно ловили ртами благодатные капли. Конечно, некото-

рые слабодушные неженки во время обряда теряли сознание, остальные же приобретали способность по своему желанию становиться бесчувственными. Сторонников культа Шамшеля при виде опасности страх не сковывал, что давало им возможность обороняться или бежать. Иногда же они прибегали к другому способу сохранить себе жизнь. Если хищный зверь, показавшийся на узкой тропинке, выглядел внушительно, максантиец искусно притворялся падалью, даже запашок шел что надо.

Леру был сыном Руета, вождя одного из крупных племен максантийцев. Ребенком Леру, подобно своим сверстникам, участвовал в культе Шамшеля, когда же он достиг совершеннолетия, культ Шамшеля стал для него запретным. Воину, тем более — сыну вождя, не пристало поклоняться богу детей, женщин и стариков, но подобало ступить под руку жестокого Хтона. К приверженцам Хтона Леру примкнул без всякого сожаления о Шамшеле, и немало лакомых кусочков перепало ему с тех пор у каменного жертвенника.

Как-то отец-вождь сказал сыну:

— Я что-то стал слабеть, Леру. Настало время провозгласить тебя наследником. Приближается День Дани. У тебя еще есть время, чтобы хорошенько наточить свой нож. Возможно, лезвие с зазубринами было бы Хтону более угодно, однако... (Рует недоверчиво смерил глазами сына.) Лучше допустить слабину в малом, чем в большом.

Здесь Леру следовало бы покорно поклониться или в нескольких фразах изъявить готовность последовать воле отца, однако Леру смолчал.

Старый вождь сверкнул глазами. Резкие слова

собрались сорваться с его губ, но тут Леру проговорил тихо:

— Я пока не успел никого полюбить, отец. Кого же я принесу в жертву Хтону?

— Раз у тебя нет любимой, тебе придется вырвать сердце у смазливой. Вента уже сидит взаперти, я позаботился.

Леру склонил голову, тщательно скрывая свое волнение.

Выйдя от отца, он готов был разрыдаться. А он-то думал, что его первая любовь была для отца тайной, а он-то надеялся, что Вента избегнет жертвенника! Нет, не избегнет. Ему предстояло убить ее, свою первую любовь, этого требовал обычай, иначе не быть ему наследником отцовской власти. Убей он Венту, он получил бы от Хтона мужество и бесстрашие вдесятеро большее, чем получал рядовой воин, такова была вещественная основа власти любого максантийского вождя.

Леру надеялся, что отец, не имея понятия о его привязанности, прикажет ему убить какую-нибудь грязнулю, но наушники отца знали свое дело. Леру и Вента на людях сторонились друг друга, тем не менее, Рует ведал об их близости.

С накатывавшими на глаза злыми слезами Леру долго перебирал в уме, кто же из соглядатаев старого вождя выдал его. Картины страшной мести разрывали мысли юноши. Наконец он сказал себе: довольно. Месть местью, а сейчас ему надо было Венту спасать.

Но спасти Венту — значит, испить до дна чашу позора. Он, сын вождя, должен был перед воинами продемонстрировать завидное жесткосердие, что яв-

лялось условием его силы и власти, он же... Если он спасет Венту, ему никогда не быть вождем. Отец, конечно, проклянет его, так что и на землю родного племени ему никогда не ступить.

Но если только Венту положат на жертвенник, и он занесет над ней руку с ножом... Он умрет, едва острие коснется ее груди, и это будет для него позором не меньшим, нежели ее спасение.

Перед ним было одно-единственное решение, без вариантов.

Глаза у Леру высохли.

Он быстро узнал, где прятали Венту: в стойбище у трех ручьев. Ее охраняли Эргон и Сенс, брат вождя и лучший телохранитель Руета.

Дождавшись ночи, Леру тайком прокрался в конюшню.

К полуночи он достиг дальнего стойбища. Найти хижину, где томилась Вента, не составило труда, только у двери этой хижины топтался страж. И страж этот был Эргон, дядя Леру.

Леру возблагодарил судьбу. С дядей он, возможно, договорится, тогда как с Сенсом без стычки не обошлось бы.

Спешившись, он направился прямиком к Эргону.

Заметив темную фигуру, Эргон положил ладонь на рукоять ножа. Тут же лицо его смягчилось: он узнал Леру,

— Отдай мне Венту, — тихо попросил Леру.

— Тебе лучше уйти, — пробормотал Эргон.

— Я приказываю тебе!

— Ты еще не вождь. Убей ее, стань вождем, и ты увидишь, как я могу повиноваться.

Леру вытащил нож из ножен.

Эргон вздохнул.

— Я понимаю тебя, племянник. А ты не понимаешь ничего, как будто бы ты — ребенок или слабоумный. Я знаю, ты любишь ее, но что поделать, боги сильнее нас. Ты должен убить ее, так заповедал Хтон. Ты убьешь ее, и за это Хтон наделит твое сердце таким мужеством, какое рядовому воину и не снилось. И это не только тебе нужно, это твоему племени нужно. Наш народ не потерпит у себя в вождях слабака.

— Я откажусь от власти вождя, и готов стать простым воином.

— Это все равно, если ты сказал бы: «Я отрекусь от отца». Ты готов отречься от отца, Леру?

— Не нужно играть словами, дядя. Я откажусь от своего права унаследовать отцовскую власть, но не от отца. Теперь отойди.

Леру шагнул к двери — Эргон преградил ему дорогу.

И в разговор вступили ножи.

Эргон так и не позвал на помощь второго сторожа Венты, Сенса, даже когда упал с раной в груди.

Наверное, Сенс куда-то отлучился, холодно подумал Джонни, как кстати.

Отведя бешеный взгляд от копошащегося на земле Эргона, Леру поспешил к двери. Он рывками отодвинул наружные задвижки — и принял Венту в свои объятия. Ее не связали, потому что ее сторожа были уверены в прочности двери и крепости запоров.

Через минуту она прошептала:

— Отец проклянет тебя.

— Пусть, — отозвался Леру.

В ночной тишине послышался цокот копыт.

Это мог быть только Сенс.

О том, чтобы уйти от Сенса на коне, да еще вдвоем, не стоило и помышлять. Все знали, что у Сенса лучший скакун во всем племени, подарок вождя.

Леру потащил Венту туда, где кусты росли гуще. Стойбище находилось в лесу, так что они имели возможность скрыться от преследования в чаще.

Сенс, обладавший отменными зрением и слухом, преследовал беглецов около часа. Леру, зажимая рот Венте, дважды видел его силуэт на расстоянии в несколько шагов, но все обошлось. Леру и Венте удалось уйти от погони, ночь и лес помогли им.

Остаток ночи влюбленные провели в нежности и ласке. Шелковая трава была их ложем, кроны деревьев — пологом, мужество Леру — надежной стражей. Печать Хтона еще не стерлась с его сердца, и хищники леса, чувствуя его решимость защищаться, обходили его с Вентой стороной. Только соплеменник да кое-кто из крупных хищников планеты не испугались бы напасть на Леру сейчас, но крупные хищники бродили где-то далеко, а максантийцам не было известно местонахождение беглецов.

Утром Леру и Вента двинулись через лес к владениям соседнего племени. На территории их народа им, отступникам, не было места.

Леру, как и всякий воин его племени, хорошо ориентировался в лесу. Так он думал до этого дня. В этот же день словно чья-то злая воля путала ему дорогу. Несколько раз Леру казалось, что пошли знакомые места, и всякий раз ему приходилось убеждаться в обратном.

Теперь будущее виделось им куда мрачнее, чем утром. За ними, конечно, уже снарядили погоню, а Леру имел смутное представление, где они находились. Вполне возможно, они еще не пересекли границу земель племени, с тревогой думал он. Но даже если они уже на чужой территории, разве они могли быть уверенными, что их не выдадут преследователям, что им предоставят укрытие? Они могли быть уверенными только друг в друге, а более ни в ком и ни в чем.

Измученные, Леру и Вента к вечеру набрели на заброшенную хижину.

С сумерками похолодало. В хижине на грубо сколоченном столе лежали кремень и кресало, так что Вента без труда развела огонь. Несколько раз взглянув на сосредоточенно-хмурое лицо Леру, она произнесла:

— А знаешь... Я подумала, что, если мы попросим помощи у Мераскеса?

Трех богов знали максантийцы: хищного Хтона, отвратительного Шамшеля и «раскрывающего души» Мераскеса, приходящего в пламени. Леру и Венте не было смысла просить помощи у Хтона после того как Леру лишил бога уготовленной ему жертвы. Шамшель в их положении мог только что дать совет сохранять спокойствие, жизнь-де настолько горька, что глупо пугаться горечи смерти. Оставался Мераскес, огненный бог. Мераскес избавлял от страха и тем самым помогал в беде, подобно Хтону и Шамшею; делал он это своим собственным способом.

Леру угрюмо посмотрел на Венту:

— И ты думаешь, Мераскес придет?

Мераскес являлся далеко не каждому. Говори-

ли, нужно было очень хотеть увидеть его, чтобы он услышал зов. Иными словами, только великая нужда имела голос, способный коснуться ушей Мераскеса.

Вента протянула руки к огню. Обожглась, отдернула пальчики. Напряглась, вспоминая слова, которые слышала единожды в жизни, когда староста их деревни пытался вызвать Мераскеса. Мераскес тогда как и не появился...Что же там нужно говорить?..

Вента опять протянула руки к огню и, не уверенная, что говорит правильно, взмолилась:

— Мераскес очищающий, равняющий, справедливый... Мы вынуждены бежать, я и он, куда, почему?.. За что нас изгнали?.. Или Хтону мало пищи, что ему понадобилась я?.. Помоги нам, Мераскес, мрак окружает нас, ночь... тебе ведь подвластен огонь, разгони эту мглу, молю тебя!.. Ты велик, Мераскес, огненный бог... Кто, кто поможет мне и Леру, если не бог?..

Почти касаясь ладонями языков пламени, Вента долго и нескладно взывала к божеству. Сначала Леру наблюдал за ней с долей интереса, потом пришло разочарование.

— Мераскес не явился, — глухо сказал Леру и двинулся к Венте. Он обнимет ее, пусть хотя бы на несколько мгновений она позабудет свой страх.

Вдруг пламя ярко вспыхнуло, выплеснулось из очага и поднялось до потолка.

Когда пламя опало, на полу остался стоять мужчина в ослепительной желтой одежде, по которой пробегали рубиновые искры. В руке он держал цве-

ток, кроваво-красную петинью. Только на небесных лугах, доступных одним богам, росли эти цветы.

Мераскес сурово спросил:

— Вас не согревает мой огонь? Что вам надо, говорите!

Вента опустилась перед божеством на колени:

— Помоги! Меня приговорили к смерти на жертвеннике Хтона, а убить меня должен был вот он, мой... Мы убежали. Мы заблудились, потеряли дорогу. Наверное, за нами послана погоня. Помоги нам уйти, огненный бог!

Мераскес протянул руку к Венте. От его пальцев оторвался сгусток пламени. Огненный шарик быстро облетел голову Венты, затем голову Леру и вернулся к своему господину.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, женщина, — проговорил Мераскес. — Вы настроили против себя свое племя и хотите, чтобы я избавил вас от злобы и мести вашего тысячерукого врага? Я никого ни от чего не избавляю, я только даю врагам возможность понять друг друга. Часто это кончается примирением, но иногда — самоубийством. Ты уверена, женщина, что многовековой обычай стоит дешевле ваших хрупких жизней? Ты не боишься, что когда я коснусь вас своим цветком, вы поймете, как ошибались, поймете настолько, что вам захочется удавиться? Да, ваше племя тогда оплачет вас, но...

Леру все меньше нравились слова Мераскеса. Он-то думал, что бог коснется их цветком — и племя склонится перед величием их любви, а оказалось, что их любовь могла быть заклана во имя почитания обычаев племени. Заклана их собственными руками.

В эту секунду в голове Леру вспыхнула смелая мысль. Не задумываясь, он прыгнул к Мераскесу и вырвал у него из руки кроваво-красный цветок.

Мераскес изумленно отшатнулся. Не дожидаясь, пока бог опомнится, Леру схватил кадку с водой, стоявшую у очага, и опрокинул ее на огненного бога.

От Мераскеса клубами повалил пар. Одежды бога потускнели, но только на несколько мгновений. Едва вода испарилась, золотистая ткань заблистала с новой силой. Леру обдало жаром.

В одном прыжке Леру перекрыл расстояние до Венты. Он хотел загородить ее, встать между ней и разгневанным богом, но этого не потребовалось. Мераскес почему-то не стал отвечать на оскорбление. Огненным ручьем бог перетек в очаг.

Пламя в очаге сделалось немного ярче, но на короткое время.

— Он ушел, — сказал Леру изменившимся голосом.

— Зачем ты сделал это? — со страхом спросила Вента, показывая глазами на цветок, который он держал в своей руке.

Леру радостно взмахнул цветком.

— Это наша жизнь и наша победа, разве ты не понимаешь? Мы вернемся назад, к своим, и никто нам не скажет худого слова, благодаря этому цветку нас будут уважать! Незачем теперь жертвовать Хтону, незачем нюхать вонь Шамшеля, не нужны нам они! Я дам воинам бесстрашие без всяких жертв, ведь цветок Мераскеса, кроваво-красная петинья, вот он, у меня! Ты понимаешь, теперь мы...

Вента, со странным выражением смотревшая на Леру, неожиданно кинулась к порогу.

— Ты куда? — Он побежал за ней, крепко держа цветок.

Выбежав из хижины, Вента понеслась в чащу. Она летела как стрела, словно гонимая ожившим кошмаром из сна — не разбирая дороги, разрывая одежду в колючках кустарника, сбивая ноги о камни. Леру не отставал. Он не отставал, но и настичь ее никак не мог, слишком уж быстро она бежала.

Прошло немало времени, прежде чем расстояние между ними стало сокращаться. И когда задыхающийся Леру понял, что Вента от него не уйдет, она исчезла.

У него на глазах Вента ушла под землю.

Подбежав к месту исчезновения Венты, он увидел яму, вырытую охотниками. Сверху яма была прикрыта ветками с настланным на них дерном, поэтому Вента ее не заметила.

Вместе с обвалившимся настилом Вента лежала на дне ямы.

Он окликнул ее. Она не отозвалась. Он окликнул ее еще раз и еще. Она сохраняла удивительную невозмутимость. Невозмутимость и неподвижность.

С черной пустотой в душе Леру подтащил к яме поваленное дерево, опустил его основанием на дно и по стволу сполз вниз.

Вента была мертва. При падении она сломала шею.

Осознав, что Венте более не быть с ним, Леру дико взревел. Эхо загрохотало раскатами, кроны деревьев зашатались, заметались никогда не слышавшие такого рева напуганные птицы.

Несмотря на все свое отчаяние Леру сам поразился, какой у него, однако, странный был голос.

Тут только он заметил то, что до этого страсть не подпускала к его сознанию.

Он стал другим. Его руки и ноги покрылись чешуей с синим отливом, ногти изогнулись в хищные когти. И на его груди появилась чешуя.

Он вылез из ямы, в каком-то умопомрачении побрел по лесу. На пути ему попался ручей. Найдя тихую заводь, Леру всмотрелся в воду.

На него пялился ящер с красными глазами, огромной зубастой пастью и вертлявым раздвоенным языком.

Так Леру стал Зверем-В-Чешуе, и новый облик навсегда отгородил его от очага максантийцев. Такова была воля и кара Мераскеса.

Мераскес сделал Леру чудовищем, но цветок петиньи у него оставил. Сам Леру не получил бесстрашие от цветка, но отныне он обрел силу с помощью цветка наделять максантийцев способностью сопереживать. Тем самым он избавлял от страха и примирял врагов.

Леру мог и убить цветком, порождением подземного огня. Стоило только захотеть Зверю-В-Чешуе, и цветок прожигал приблизившегося к Леру до костей.

Благом и проклятием сделался Леру для максантийцев. Из рода максантийцев исшедший, он давал лучшим воинам-максантийцам бесстрашие; родом максантийцев отторгнутый, он убивал лучших воинов. И никто из осмелившихся приблизиться к Леру не знал, какова будет его воля на этот раз, бесстрашие ли дарует Леру или поразит смертью.

С тех пор над Максантумом пронеслись тысячелетия. Постепенно ушли в предание встречи мак-

сантийцев с кровожадным Хтоном, равнодушным Шамшелем, проникновенным Мераскесом. Отчего-то боги позабыли максантийцев. Иные говорили, божествам просто надоело беспокойное племя, другие же считали, что это максантийцам не стало дела до своих богов.

Боги удалились с Максантума, а Леру остался.

Сила цветка Леру утвердилась единственной силой, способной облечь воина удивительным бесстрашием. Как правило, это бесстрашие не давало победы, но давало возможность с достоинством разойтись с опасностью.

Немало максантийцев отправлялись на поиски Леру, но немногие его находили, и еще меньше было тех, кто возвращался от него с чудесным даром проникать в мысли врага и привносить в сердце врага свое сердце.

– Ну как? – поинтересовался филолог, закрывая папку. – Мне не придется тебя убеждать, что ты, Джон, прослушал миф, а не биографию живого существа?

– Мне так хотелось сфотографировать этого Леру, – пробормотал Джонни.

– Жаль, сынок, что пришлось тебя огорчить.

У обескураженного Джонни начисто пропало желание продолжать застольную беседу со старичком-филологом. Прощаясь, он узнал, где проживали два других ученых и каковы были их имена.

С надеждой услышать что-то ободряющее, Джонни от мистера Смита направился к гонтий-

цу Дану, лингвисту. По пути он старался уверить себя в успехе, извлекая из памяти слова мистера Делла, которыми тот напутствовал его. Мистер Делл уверял, будто кто-то из находившихся под опекой корпорации Претендентов сумел увидеться с Леру и получить от него бесстрашие. Или мистер Делл шел на обман, чтобы Джонни не был заранее убежден в безуспешности путешествия на Максантум за даром Леру? Как бы то ни было, не стоит упускать ни одного шанса добиться своего. Жаль, что квазиантрополога гонтийца Лона сейчас не было в поселке, не то Джонни вслед за лингвистом увидился бы и с ним.

Лингвист принял Джонни холодно. Предупрежденный филологом, Джонни не растерялся. После первых же слов он принялся расписывать, как его восхитили статьи доктора Дана, какая в них широта охвата материала и глубина разработки темы. Джонни несколько раз повторил название журнала, в котором, по словам мистера Смита, печатался гонтиец, и это растопило осторожность ученого.

– Неплохо, что вы, молодой человек, хоть изредка заглядываете в наш «Вестник», – проговорил Дан важно, жестом приглашая Джонни войти в дом. – Что же касается моих исследований...

– Они уникальны, доктор Дан!

– Все это так, однако их результаты и, главное, выводы, которые я делаю, признаются за истинные далеко не всеми. На свете по-прежнему полно глупцов, продолжающих утверждать, что язык есть средство общения, тогда как язык есть средство самовыражения и саморазвития, а уж

затем средство общения. Здесь, на Максантуме, я в очередной раз убедился в правильности моей теории. У максантийских туземцев чрезвычайно развита телепатическая способность, тем не менее, их язык развит не хуже, нежели у прочих разумных общностей, находящихся на таком же общественно-производственном уровне. Однако, если бы сутевой функцией языка была его коммуникативная функция, язык у максантийцев был бы не развит или плохо развит. Максантийцы прекрасно говорят, значит, прав я, а не мои оппоненты.

В гостиной ученый продолжил лекцию, только через полчаса догадавшись, что пора бы ему проявить интерес к своему визитеру.

– Позвольте поинтересоваться, мистер Голд, а вас что привело на Максантум? – спросил гонтиец.

– Я охотник, поставляю зверушек одному крупному земному зоопарку. Здесь, на Максантуме, мне нужно изловить десяток-другой особей наиболее типичных видов. Еще меня попросили привезти фотографии здешней достопримечательности, Зверя-В-Чешуе. Вы не подскажете, где его искать?

– Туземцы говорят, Леру живет где-то далеко к западу отсюда. Вообще-то, они рассказывают о нем неохотно.

– Как вы думаете, этот Леру... существует он на самом деле или нет? Я слышал разное.

Лингвист снял с полки шкатулку и извлек оттуда какой-то блестящий плоский предмет.

– Видите это? Это чешуйка из чешуи Леру, я в одной деревне выменял ее на набор ножей, –

лингвист протянул чешуйку Джонни. – Только Наблюдателю ни слова, всякая торговля, в том числе меновая, с туземцами запрещена. Нельзя мешáть их свободному развитию, видите ли.

Джонни осторожно взял чешуйку в пальцы. Она была округлой, диаметром, наверное, в дюйм. Переливалась и блестела она так, что больно было глазам.

– Туземцы используют чешуйки Леру как амулет, отгоняющий страх, – проговорил лингвист. – Говорят, что Леру наделяет бесстрашием, отсюда эта вера в его чешуйки.

– Вы не могли бы подсказать мне, как найти Леру? – спросил Джонни.

– Без проводника-туземца вам не обойтись.

– Чем я расплачусь с проводником? Набора ножей у меня с собой нет. Не кредами же расплачиваться.

– Возьмите эту чешуйку. Она будет лучшей платой.

– Я оплачу стоимость тех ножей, и еще за услугу...

– Мне ничего не нужно от вас. В сущности, чешуйка Леру мне без надобности. Если мои теории и не получили признаний, то уж не из-за моей робости.

Джонни принялся благодарить.

Лингвист перебил его:

– Я могу обучить вас здешнему языку, если угодно. Это поможет вам в пути, не придется таскать с собой автопереводчик,

– Я бы не прочь воспользоваться вашей любезностью, но время...

– Неужели вы думаете, что я стал бы обучать вас языку, насилуя вашу память? У меня есть лингватрон последней модели, все обучение займет считанные часы. Качество будет неплохое, об этом можете судить по моей речи.

Джонни, едва доктор Дан заговорил, поразился, как тот хорошо знал язык землян. Джонни давно спросил бы у него о причине столь чистой речи, будь доктор Дан не доктором Даном, а кем-нибудь попроще.

Обычно курс обучения на лингватроне стоил двести-триста кредов, и Джонни начал:

– Я заплачу вам..,

– Не надо ничего платить. Приходите завтра, я поработаю с вами.

Похоже, это был намек, что пора и честь знать.

Возвращаясь к своей яхте, Джонни увидел старичка-филолога. Доктор Смит, стоя на крыльце своего дома, махал ему рукой. Джонни пришлось подойти.

– Что, спрашивали про Леру? – весело улыбаясь, поинтересовался филолог.

– Доктор Дан подарил мне это, – Джонни показал чешуйку. – Доктор Дан говорит, что это – чешуя Леру.

– Одну минутку. – Старичок скрылся за дверью и тут же появился опять. В руке у него была точно такая же чешуйка, как и у Джонни, и он насмешливо повертел ею: – Вот она, чешуйка вашего Леру. Только это чешуйка не Леру, а ящерицы гаутании. Гаутании очень редки, одно северное племя знает, где их лежбище, вот и тор-

гует их чешуйками. Их, конечно, выдают за чешуйки Леру.

Джонни, опустив чешуйку в нагрудный карман, пошел к яхте.

Войдя в корабль, он дождался сигнала, что система шлюзов сработала четко и внутреннее пространство корабля герметично. После этого он продел сквозь чешуйку суровую нитку и повесил ее на шею. Теперь чешуйка, наверняка, не потеряется.

Проведя профилактический ремонт систем терморегуляции и очистки воздуха, Джонни занялся арсеналом. Судя по инструкции, с которой его ознакомил Наблюдатель, оружие на Максантуме ему пригодится.

Следующий день Джонни потратил на усвоение местного языка при помощи лингватрона. К вечеру он говорил на тридцати семи максантийских наречиях, как урожденный максантиец.

Наутро Джонни отправился к ближайшей деревне туземцев, чтобы взять там проводника, способного привести его к жилищу Леру.

ИСТИНА КРАСНОГО ЦВЕТКА

Джонни шел по максантийскому лесу, среди переплетений корявых стволов и ветвей, в направлении, указанном лингвистом-сегунтийцем.

Для растительности Максантума характерны были формы с нитевидными листьями и с листьями, обильно покрытыми волосками. Галактичес-

кая Служба Унификации эту особенность растительного мира планеты учла при именовании. Джонни шел по лесу из лаванзий махровых, эспедр опушеннолистных, виланий бархатистых. Под его ногами расстилался травяной покров, напоминавший ворс: каждая травинка была микроскопически тонка, но трава росла на Максантуме густо.

С собой у Джонни были компас, радиомаячок, аптечка и оружие – игломет с пятью запасными кассетами (иглы синего цвета, усыпляющие) и лучемет с запасной батареей. Пищу с собой он не взял, лингвист любезно научил его отличать съедобные растения, которых на Максантуме было множество, от ядовитых. Продолговатые, похожие на огурцы плоды эспедры и напоминавшие бублики плоды вилинии содержали достаточно питательных веществ, – растительного белка и витаминов, чтобы Джонни мог не опасаться смерти от истощения.

А вот охотиться на животных лингвист предостерег: мясо диких животных Максантума, за исключением нескольких редких видов, было съедобно только для аборигенов-максантийцев.

Однако, вспомнил Джонни замечание лингвиста, сам путешественник являлся желанной пищей для многих хищников Максантума.

В последнем он убедился, едва поселок исследователей, этот форпост цивилизации, скрылся из виду.

Из зарослей лаванзии взметнулось тело панцирной сороконожки, наиболее многочисленного хищника Максантума. Самые крупные особи до-

стигали в длину десяти ярдов, эта была ярдов в шесть. Вряд ли панцирная сороконожка справились бы с Джонни, но она могли причинить ему немалый вред своим нападением: места ее укусов долго болели, в основании покрывавших ее тело волосков открывались выводные протоки ядовитых желез, так что, когда волоски кололи, ощущение было такое, будто на кожу лился кипяток.

Вспомнив «Инструкцию по безопасности на Максантуме», Джонни выхватил из кобуры игломет и выстрелил.

Из десяти вылетевших из дула игломета игл восемь попало в поделенное на членики тело панцирной сороконожки. Животное еще долго ворочалось, перебирая в воздухе своими ножками: нервные узлы, располагавшиеся в каждом членике попарно и обладавшие некоторой самостоятельностью, отчаянно сопротивлялись действию нанесенного на иглы вещества.

Джонни не стал дожидаться, пока сороконожка застынет в сонном оцепенении. Ему и того было достаточно, что она более не представляла для него опасности. Он зашагал дальше.

До полудня Джонни отразил нападение еще трех панцирных сороконожек, после чего наступило затишье. Его следующая встреча с максантийским хищником состоялась поздно вечером.

В сумерках он не заметил впереди лужу со странными неровными контурами. Да и не лужа это была, как оказалось, едва он коснулся этого «нечто» подошвой.

Студенистое вещество, до этого делавшее вид, будто его кто-то пролил, обволокло ногу Джон-

ни. Джонни с омерзением рванулся, силясь выбраться из клейкой гадости, да не тут-то было. Из «лужи» вверх потянулись отростки. Как черви, они обвили ноги Голда.

Из кустарника, находившегося рядом, потоками потекла слизь. Потоки имели весьма определенное направление движения: к «луже». Вслед за слизистыми потоками показалась слизеобразная масса-комок, слегка светящаяся. Из слизи поднялась рогатая голова максантийского слизняка, напоминавшая голову земной улитки.

Джонни достал лучемет, благо слизняк еще не успел дотянуться до его рук своими ложноножками. Огненный луч коснулся студенистой массы.

Плоть слизняка загорелась, завоняла. Рогатая голова оплыла гроздьями лопающихся пузырей. Слизь, только что сковывавшая ноги Джонни, бессильными соплями потекла на землю.

Остаток вечера Джонни провел у ручья, стирая изгаженную слизняком одежду.

Когда одежда была вымыта, настало время подумать о ночлеге.

Существовало несколько способов переночевать в безопасности (точнее, в относительной безопасности), оказавшись на чужой планете в совершенно дикой местности. Можно было воспользоваться установкой «Миникупол», младшим братом развертываемых над виллами богачей защитных куполов. Установка эта, однако, весила шесть килограммов. Джонни же не принадлежал к путешественникам, готовым таскать на себе такой груз. Можно было приобрести инфрасигнализатор, весивший всего сто граммов и представлявш-

ший собой тонкий шнур с устройством-зуммером. Шнуром окружали место, облюбованное для ночлега. Если снаружи к шнуру приближался какой-то объект, излучавший тепло (а все живые существа в какой-то степени да излучают тепло), прибор подавал звуковой сигнал. Инфрасигнализатор не мог защитить от нападения, он мог только предупредить, в этом был его недостаток. Существовало и множество других устройств такого рода, предназначавшихся для путешественников-одиночек, но все они могли быть разделены на две группы, типичными представителями которых являлись «Миникупол» и инфрасигнализатор. Устройства первой группы защищали, но были слишком тяжелы, чтобы совершать с ними дальние переходы, устройства второй группы, будучи намного легче, только предупреждали об опасности, неспособные защитить.

У Джонни с собой был «Пальчик-Щупачок 2», одна из модификаций инфрасигнализатора. Раскрутив шнур и разложив его в виде круга, Голд расположился в центре получившегося контура. Перед сном он съел несколько крупных плодов эспедры, чья мякоть имела горьковатый привкус миндаля.

За всю ночь «Пальчик-Щупачок» не разбудил Джонни ни разу. Наутро, убедившись в исправности инфрасигнализатора, Джонни продолжил путь.

Всего до деревни максантийцев Джонни добирался три дня. Основная часть его пути пролегала вдоль берега неглубокой речки: можно было срезать дорогу, но для этого следовало хорошо

знать местность, нужными же знаниями Джонни, естественно, не обладал. За три дня на отражение атак панцирных сороконожек он израсходовал две полные кассеты игл, и это его тревожило. Неизвестно, как долго они с проводником, которого он возьмет в деревне, будут пробираться к Леру, кто знает, не уйдет ли на это несколько недель или даже месяцев, а боекомплект ему пополнить негде.

Когда из-за деревьев показались глиняные домики туземцев, ему пришлось ухватиться за рукоятку лучемета. Какое-то существо, похожее на жука метровой длины, неслось к нему по воздуху, поблескивая надкрыльями. Джонни бросились в глаза мощные жвалы, какими и руку человеку перекусить недолго.

В «Инструкции» говорилось, что, если на Максантуме какой-то воздушный хищник проявлял агрессию, лучше всего воспользоваться лучеметом, так легче взять правильный прицел, да и не всякий хитиновый панцирь могла пробить игла.

Огненным лучом Джонни отрезал хищнику крыло. Максантийский «жук» упал на землю и сразу же отполз в кусты. Теперь месяц ему предстояло скрываться, дожидаясь, пока крыло отрастет заново, и в течение этого месяца он рисковал стать добычей более крупного хищника.

Джонни приблизился к деревне вплотную.

Лингвист предупредил Голда, что для путешественника было бы ошибкой прятаться за деревьями, высматривая, что делают туземцы и в хорошем ли они настроении. Максантийцы благодаря своему телепатическому чувству знали о

приближении Джонни к деревне еще до того, как он увидел первый глиняный домик. Его скрытность могла пробудить в аборигенах страх, а страх, как известно, является прекрасным раздражителем злобы, поэтому Джонни не таясь направился к протоптанной максантийцами тропе, вившейся меж домами.

А ведь ни одного жителя деревни не было видно, вот доказательство того, что им стало известно о нем заранее, подумал Джонни, ступая на широкую тропинку.

Тут он увидел трех максантийцев. Они вышли из-за угла домика и остановились, наблюдая за ним.

Максантийцы были очень похожи на землян, отличала их удлиненная нижняя часть лица и узкий длинный разрез глаз. У этих троих лица были морщинистыми, они горбились. Судя по всему, показавшиеся Джонни на глаза максантийцы были стариками, вряд ли признаки старения на Максантуме отличались от земных.

Джонни медленно подошел к максантийцам. Один из них спросил:

– Что тебе надо, Человек-С-Неба?

Лингватрон, на котором его обучали максантийскому языку, работал превосходно, отметил Джонни про себя. Слова старика были ему совершенно понятны. «Человек-С-Неба», как же его точно назвали. Впрочем, у максантийцев было время придумать название существам, прибывшим из космоса, ведь Джонни, конечно, был не первым существом «С-Неба», которого увидели

максантийцы. Вероятно, видели они и как стартует, и как приземляется звездолет.

– Я хочу встретиться со Зверем-В-Чешуе, – сказал Джонни. – Мне нужен проводник.

Джонни было известно, что подобные заявления максантийцы встречают отнюдь не с восторгом. Зверь-В-Чешуе был для них божеством, а не занимательной достопримечательностью, к которой за деньги можно было провести туриста. Но знал Джонни и то, что чешуйка Зверя-В-Чешуе черезвычайно высоко ценилась у максантийцев, и такую чешуйку он мог предложить им за помощь.

«Сейчас пригласят к вождю», – подумал Джонни, припоминая свой последний разговор с лингвистом.

– Ты будешь говорить с нашим вождем, – сказал другой старик.

Джонни отвели в глиняный домик вдвое выше остальных. В домике было единственное помещение без какого бы то ни было убранства и даже без предметов обихода, одни голые стены. У одной из стен на помосте сидел, поджав под себя ноги, максантиец в набедренной повязке с костяным ожерельем на шее.

Вождь вопросительно уставился на Джонни, и Джонни произнес:

– Мне нужен проводник, я хочу встретиться с Леру.

Максантиец ничего не ответил, продолжая смотреть на Джонни своими нечеловеческими глазами.

Джонни снял с шеи талисман, чешуйку Леру, и протянул ее вождю:

– Возьми это, только дай мне проводника.

Вождь молчал.

Вдруг Джонни показалось, как что-то изменилось вокруг. Он оглянулся. Три старика максантийца по-прежнему стояли в дверях, но что-то в их лицах появилось такое...

Между Джонни и максантийцами существовало отчуждение, стена непонимания, вещь вполне естественная. Ведь общались не то что инопланетники – разумные существа с различных планет. И вдруг эта стена, естественная как естественна линия, вдалеке разделяющая небо и землю, исчезла.

Максантийцы, стоявшие в проходе, показались Джонни просто стариками, мудрыми и вместе с тем беззащитными, к максантийцу же, сидевшему перед ним, что-то потянулось в его душе, что-то чистое, как потянулся бы он душой к старому другу.

Стена отчужденности исчезла, тогда как для того, чтобы она исчезла, вроде и не было сделано ничего.

Наконец вождь разжал губы, и Джонни услышал:

– К Леру не приходят с проводником. К Леру приходят с открытым сердцем, – вождь помолчал. – Я хочу, чтобы ты увидел Леру, чужеземец.

Последнюю фразу вождя, судя по всему, следовало воспринимать как прощальное пожелание удачи.

Джонни, смущенный, вышел из домика.

Его просьба была отклонена, предложенную им немалую плату за услугу отвергли. И все же Джонни не мог сердиться на вождя, он и сам не знал, почему. Ему нужно на себя сердиться, ведь он не может понять слов максантийца, подумал Джонни.

Как только Джонни вышел из домика, он увидел максантийских детей. Сорванцы с хохотом гонялись друг за дружкой. Увидел Джонни и максантийских женщин, занятых приготовлением пищи на свежем воздухе, несущих корзины с фруктами, переговаривавшихся между собой. Два рослых максантийца несли на палке тушу убитого животного.

А вот стариков, сопровождавших его к вождю, Джонни поблизости не увидел.

Пока Джонни шел к краю деревни, он то и дело ловил на себе взоры максантийцев. И в этих взорах, в движениях лиц Джонни чувствовал одно любопытство – только любопытство, без страха.

Это, конечно, хорошо, что максантийцы убедились в его миролюбии, подумал Джонни, выходя из деревни. Так ему было спокойнее. Однако, что ему делать теперь, как же он выйдет на Зверя-В-Чешуе без проводника?

Задача представлялась нелегкой. Да что там «нелегкой» – неразрешимой, Один, на совершенно незнакомой планете, – и надо найти то, чего и в природе, быть может, не существует...

Джонни взглянул на чешуйку Леру. Или прав старичок-биолог, не Леру это чешуйка, а всего-навсего чешуйка ящерицы гаутании? Если бы это

была чешуйка Леру, разве туземный вождь отверг бы ее с такой легкостью?

Или...

Джонни остановился.

Вождь мог отвергнуть чешуйку Леру по другой причине, не потому что она в действительности была чешуйкой какого-то пресмыкающегося, а потому, что вождь просто не испытывал надобности в этой чешуйке. В полной мере наделенный даром бесстрашия не нуждается в том малом подобии этого дара, которое давала чешуйка Леру.

Максантийский вождь, вероятно, виделся с Леру и получил от него дар мысленного всепроникновения. Джонни вспомнил, как вдруг исчезло между ним и максантийцами отчуждение. Должно быть, это произошло потому, что вождь-максантиец соединился с ним на уровне подсознания невидимой сверхчувственной связью, они поняли друг друга без слов, и это понимание максантийский вождь телепатически передал своим соплеменникам.

Что ж, он нашел объяснение, почему максантийцы не дали ему проводника. Только мало проку ему от этого объяснения.

Джонни не знал, куда идти. Он опустился на камень-валун. Слова вождя можно было понять так, что ему следовало одному искать Леру. Скорее всего, тут не было эгоизма вождя, желания сохранить только для себя дар всепроникновения, так говорил обычай. Но чтобы Джонни самому найти Леру, он должен был бы вжиться в мир Максантума – сойтись с туземцами накоротке, изучить

планету. На это ушли бы годы, а разве хватит у него душевных сил провести годы без Лолы?..

Стемнело. Джонни разжег костер. Он должен был найти себе проводника, но где, как найти его?..

Заслышав справа от себя шум, землянин обернулся.

Из-за дерева вышел максантиец. Был он высокого роста, выше Джонни, с хорошо развитой мускулатурой. В руках у него не было оружия, но на кожаном поясе висел нож.

Приблизившись, максантиец упал перед Джонни ниц. Такая истовость не была для максантийцев знаком униженности, в этом выражалась обычная форма почитания, используемая и воинами, и охотниками.

– Я могу быть твоим проводником к Леру, Человек-С-Неба, – проговорил максантиец, не поднимая глаз от земли.

«Уж не получил ли он приказ меня убить?» – подумал Джонни, глядя на спину максантийца. Кто знает, не являлась ли просьба Джонни, просьба чужеземца, дать ему проводника, способного провести к Леру, для максантийцев оскорбительной? Не было ничего удивительного в том, что такая мысль пришла в голову Джонни: он уже не испытывал чувства общности с максантийцами, обезопасенный от чар максантийского вождя расстоянием.

– Что ты хочешь получить за свою работу? – спросил Джонни.

Он ожидал, что туземец заикнется о чешуйке Леру, но тот проговорил:

– Я хочу получить от Леру его дар, как и ты этого хочешь, Человек-С-Неба.

– Раз ты прекрасно знаешь дорогу к Леру, ты что, не можешь получить от него этот самый дар без моей помощи?

Туземец с запинкой произнес:

– Я видел Леру два раза, видел тех, кто умерли после встречи с ним... Я один не смогу подойти к нему. С тобой смогу.

Не то чтобы слова туземца убедили Джонни в его искренности, и все же на его предложение он согласился. Сомнения сомнениями, а ему нужен был проводник.

Ночь Джонни и туземец, назвавшийся Орг-Гаром, провели у одного костра, только Джонни спал внутри контура инфрасигнализатора, а туземец снаружи.

Наутро туземец так уверенно повел Джонни по лесу, как будто и в самом деле хорошо знал дорогу к Зверю-В-Чешуе. За весь день Джонни не заметил ничего, что могло бы подтвердить его сомнения в честности туземца. Туземец вел себя как и положено хорошему проводнику, и к вечеру Джонни убедился,что путешествие по максантийскому лесу с проводником имело немало преимуществ по сравнению с путешествием в одиночку. Благодаря телепатическому зрению максантиец искусно избегал встреч с хищниками, так что тревога Джонни, а не израсходует ли он боекомплект еще до встречи с Леру, улеглась. И расстояние они прошли за день вдвое большее, чем проходил Джонни один, потому что им не приходилось об-

ходить глубокие овраги, искать проходы через буреломы и наощупь преодолевать заболоченные места.

На следующий день Джонни пришлось убедиться, что телепатическое чувство максантийца могло сослужить самому максантийцу и скверную службу.

Они пересекали широкую лесную лужайку. Ничто не предвещало опасности. Внезапно максантиец кинулся бежать.

Орг-Гар не сказал Джонни ничего, ровным счетом ничего, и Джонни было подумал, уж не является ли это бегство проводника его предательством, уж не заманил ли максантиец Джонни в ловушку.

Через несколько десятков шагов Орг-Гар упал. Подбежав к нему, Джонни перевернул его на спину и всмотрелся в лицо, не притворяется ли. Вряд ли туземец притворялся, слишком натурально он закатывал глаза, дрожал подбородком и все норовил уткнуться головой в грязь.

Джонни услышал слабый свист, донесшийся сверху. Он поднял голову.

Над лужайкой низко летела, часто взмахивая перепончатыми крыльями, ящерица с красной головой и красными пятнами по телу. Летела она прямо на Джонни. Это она свистела, раздувая горло мячиком. Размером ящерица была с журавля,

Джонни выстрелил в крылатую тварь из лучемета.

Опаленная, ящерица упала, напоследок взяв особенно высокую ноту.

Туземец долго приходил в себя. Когда он, прерывисто дыша, принял сидячее положение, Джонни спросил:

– Что случилось Орг-Гар? Мне показалось, ты кого-то испугался.

– Где глушаюка?

Джонни описал ящерицу и уточнил, не это ли животное имел в виду туземец под словом «глушаюка».

– Да, она... – пробормотал максантиец, передернувшись лицом. – Где она?

– Она не показалась мне такой уж крупной, – мягко заметил Джонни. – Или она плюется ядом?

– Нет, – туземец медленно встал на ноги и покачал головой. – Нет, она не плюется ядом. Так ты покажешь мне, где она упала?

– Изволь.

Джонни подвел его к обугленной ящерице. Туземец со злобой пнул «глушаюку» ногой. От ответов на дальнейшие вопросы Джонни он уклонился.

Поначалу Джонни расценил происшедшее как проявление душевной слабости Орг-Гара, но немногим позже, вечером этого же дня, он понял, что не все так просто.

Едва Джонни задремал, заняв место внутри контура инфрасигнализатора, как его разбудил звонок чувствительного прибора. Он вскочил, хватаясь за кобуру игломета.

У костра Орг-Гар боролся с гигантской сороконожкой, и в отличие от виденных Джонни раньше не имевшей на спине хитинового панциря. Наверное, это был какой-то другой вид. В пылу

схватки бойцы приблизились к шнуру инфрасигнализатора, и поэтому прибор сработал.

Максантийцу удалось оторвать от себя сороконожку. Он с усилием швырнул ее на землю, затем быстро извлек что-то из внутреннего кармана своей куртки. Вещица блеснула у него в руке, Джонни показалось, что это зеркальце. Через секунду зеркальце полетело на землю. В следующее мгновение сороконожка кинулась на максантийца.

Джонни попытался прицелиться. Это было непросто, кольца сороконожки так и мелькали, а тут еще темнота. Пока Джонни примеривался, Орг-Гар разорвал хищнице пасть.

Повторно оказавшись на земле, сороконожка не стала возобновлять атаку. Тяжело ворочая израненным телом, она медленно уползла в траву.

Максантиец поднял с травы свою вещицу.

Джонни подошел к проводнику и увидел у него в руке яркую чешуйку. Прежде, чем максантиец успел спрятать ее во внутренний карман куртки, Джонни попросил:

– Дай посмотреть.

Орг-Гар нехотя протянул чешуйку Джонни.

Это была настоящая чешуйка Леру, часть покрова Зверя-В-Чешуе, максантийского божества, а не какой-то ящерицы. Как же отличалась она от той, которую подарил Джонни лингвист! Та, бывшая у Джонни, ночью казалась не ярче черепицы, эта же в слабых отблесках костра переливалась всеми цветами радуги, словно сама радуга была вплетена в ее узор, а сверху эту радугу посыпали алмазной пылью. «Так вот почему вождь не дал мне проводника», – подумал Джонни. Ту-

земцы обманули лингвиста, всучив ему вместо чешуйки Леру чешуйку ящерицы гаутании, и лингвист, сам того не ведая, ввел в заблуждение Джонни. Джонни предложил вождю чешуйку гаутании в обмен на проводника, и теперь понятно, почему его предложение отвергли.

Что же касается слов вождя, что-де к Леру нужно идти в одиночку, то это, вероятно, было не более чем любезностью, маскирующей отказ предоставить проводника. Вождь не хотел озлоблять Человека-С-Неба, но и помогать ему не хотел, не видя для себя в той помощи корысти.

Джонни уже сомневался, в самом ли деле при встрече с вождем он испытал удивительное чувство единства с максантийцами, как ему казалось. Если же этого чувства не было, то и силы-то никакой сверхъестественной в вожде максантийцев тоже не было.

А вот сам Леру, вероятно, существовал. Немыслимо, чтобы такая прекрасная чешуя покрывала тело смертного существа.

– Это чешуйка Леру, так? – уточнил Джонни и, получив утвердительный ответ максантийца, спросил: – Откуда она у тебя?

– Отец отдал мне ее перед смертью.

Джонни вернул чешуйку туземцу, а свою, фальшивую, закинул в кусты.

Утром они продолжили путь.

Этим днем Джонни увидел впереди невысокие горы, поросшие лесом. По мере приближения к горам максантиец стал все чаще останавливаться. Во время таких остановок, судя по его сосредоточенному виду, он напрягал свое телепатичес-

кое чувство. Несколько раз они резко сворачивали в сторону, хотя никакого препятствия Джонни не видел. Пройдя сколько-то, они опять поворачивали к горам.

В полдень Джонни и Орг-Гар вступили в ущелье.

Здесь максантийские слизняки попадались на каждом шагу, однако они были не такими крупными, как лесные, поэтому на путников нападать они не пытались. Наоборот, при приближении Джонни и максантийца они торопливо втягивали ложноножки в свои студенистые тела. В воздухе мелькали гигантские стрекозы. Шустрые рогатые ящерицы сновали меж камней.

Два часа максантиец вел Джонни по ущелью. Джонни уже подумывал, а не сделать ли им привал, как туземец остановился, насторожился, будто прислушиваясь, и вдруг кинулся бежать.

Джонни, бросившись за максантийцем, приготовился увидеть в воздухе ящерицу в красных пятнах. Вероятно, ящерица глушаюка излучала особое биополе, вызывавшее у телепатов максантийцев приступ животного страха такой силы, что с ним невозможно было совладать.

На этот раз максантиец держался дольше, упал он только через четверть часа быстрого бега.

Запыхавшийся Джонни наклонился над проводником. Тот был без сознания.

Джонни положил палец на спусковой крючок лучемета и осмотрелся. Однако, странно, что глушаюки нигде не было видно. Небо над ущельем было совершенно чистым, даже стрекозы куда-то исчезли.

Тут он услышал топот. Впечатление было такое, словно по ущелью, с той стороны, откуда они пришли, мчался табун.

Не успел Джонни сообразить, что же предпринять, как в точности такие же звуки послышались с противоположного конца ущелья.

Самое разумное было сойти с тропинки, но куда? Ущелье было очень узким, а горы, образовавшие его стены, в этом месте поднимались вверх почти отвесно. Разве что вот эту каменную глыбу можно использовать. С ее вершины обзор будет лучше, да и высота ее в какой-то мере послужит защитой.

Джонни затащил на камень максантийца и взобрался на приплюснутую вершину камня сам.

Шум, доносившийся с обоих концов ущелья, быстро усиливался. Два табуна неминуемо должны были столкнуться. Если только это не был один табун, одна стая, разделившаяся на две группы, охотясь. Дичью же, зажатой в клещи, были они, Джонни и максантиец.

Справа вдалеке показалось облако пыли. Когда оно подкатилось ближе, Джонни различил в пыли своих преследователей.

Это были ящеры в рост человека. Они бежали на двух задних лапах, громко топоча, и очень быстро. В их удлиненных пастях поблескивали мелкие, игольчатые зубы. В такт своим движениям ящеры взмахивали хорошо развитыми передними лапами, совсем как заправские бегуны.

Эти ребята охотились, вне сомнения, уверился Джонни и нажал на спусковой крючок.

Струя пламени ударила в первую шеренгу бе-

гущих. Джонни быстро развернулся, и вовремя. С противоположной стороны тоже показались ящеры. Огненная спица рассекла надвое коричневые тела. Запахло паленым.

Обе ватаги замедлили движение, затем замерли. Скучившись, ящеры принялись издавать негромкие гортанные звуки. Огненный меч еще несколько раз прошелся по их рядам, остудив охотничий азарт, и хищники кинулись в паническое бегство.

На этот раз Джонни пришлось потрудиться, чтобы привести в чувство своего проводника. Будь это человек, Джонни вспрыснул бы ему под кожу антистрессовый состав, но кто его знает, подходили ли земные лекарства для максантийцев. Джонни и брызгал максантийца в лицо водой, и хлопал по щекам, – ничего не помогало. Только когда Джонни поднял его ноги кверху, чтобы кровь пролила к мозгу, максантиец зашевелился – не то потому, что кровь *прилила к мозгу, не то из-за* неудобства позы.

Остаток дня они шли в молчании. Орг-Гар как будто стыдился своего обморока, между тем Джонни не испытывал к нему ни презрения, ни унижающей жалости. К Джонни пришло понимание, почему максантийцы стремились к этому Леру. За свои телепатические способности они расплачивались обмороками в самые неподходящие моменты. Леру же наделял их способностью управлять своим телепатическим чувством, властью, когда надо приглушать его, чтобы оно своей яркостью не ослепляло сознание. И вместе с тем, Леру был страшен максантийцам, страшнее яще-

рицы глушаюки, потому как сам по себе он излучал смертоносный страх. Так думалось Джонни, но было ли так на самом деле?..

Впервые Джонни увидел Леру через неделю после того, как они вышли из ущелья. Однажды туземец, на ходу неторопливо рассказывавший Джонни об одном растении, из плодов которого на Максантуме получали синюю краску и которое во множестве росло вокруг, вдруг застыл с открытым ртом. Изумление и восторженность отразились на его лице. Рукой он показал Джонни, что его заинтересовало.

На далеком пригорке Джонни увидел существо, ящера, чешуя которого блестела драгоценными каменьями. Ящер был страшен с виду, тем более страшен, что слишком уж напоминал человека – развитым черепом, отсутствием хвоста, да и стоял он на задних лапах.

– Это Леру, – прошептал туземец.

И только он сказал это, как Зверь-В-Чешуе исчез, скрылся за пригорком. Джонни надеялся, что они сойдутся с Леру через несколько минут, как только доберутся до пригорка, но туземец развеял его надежды. Орг-Гар объяснил, что Леру подпускает к себе вплотную только вблизи своего жилища, до которого ходу еще два дня. Преследовать же Леру нет смысла. Зверь-В-Чешуе мог развить скорость гораздо большую, чем человек или максантиец.

В полдень они сделали привал. Не успели они перекусить, как максантиец, морща лоб, поднялся.

– Что такое? – спросил Джонни.

– Сюда идут. Иное племя. Идут без оружия, – отрывисто отозвался проводник.

В самом деле, вскоре к ним подошли два старых максантийца. Орг-Гар и старики приветственно похлопали друг друга по плечам, после чего один из стариков, тот, который пониже, обернулся к Джонни:

– Человек-С-Неба, в нашей деревне твой брат.

– Ты должен увидеть его, – сказал другой старик.

«Брат... Должно быть, квазиантрополог, о нем в поселке говорили, что он ушел в экспедицию», – быстро соображал Джонни. Он спросил:

– Этого хочет мой брат или этого хотите вы?

– Твой брат еще не знает о тебе.

– Значит, этого хотите вы. Зачем вам нужно, чтобы я встретился с ним?

– Ты должен увидеть его, – сказал один старик.

– Он болен, – добавил другой.

– Хорошо, – молвил Джонни, поправляя кобуру игломета.

Чтобы не сковывать себя дополнительным весом, Джонни заявил Орг-Гару, что его заплечный мешок понесет он, максантиец. Старики запротестовали в два голоса. Они стали настаивать, чтобы Джонни проследовал в деревню без проводника. Это Джонни насторожило, но Орг-Гар развеял его опасения, сказав, что таков обычай, среди максантийцев не принято входить в чужие селения без особого на то повода.

Сопутствуемый старыми максантийцами, Джонни направился в деревню. Проводник остал-

ся на месте их стоянки. С собой Голд прихватил аптечку.

Деревня находилась неподалеку. Деревенские улицы были полны народу, что Джонни счел за добрый знак, видимо, максантийцы не видели в нем опасности для себя. Его сначала провели в резиденцию вождя, как две капли воды похожую на ту, где Джонни успел побывать.

Вождь, обрюзгший мужчина средних лет, высокопарно приветствовал его. В знак уважения к Джонни максантийский вождь изъявил желание провести землянина к его «брату» самолично.

Пока Джонни вели в конец деревни, число сопровождавших его максантийцев сильно увеличилось. Максантийцы чем-то сильно встревожены, подумал Джонни, глядя на свою «свиту». Хотя они и не попрятались по домам, когда он вошел в деревню, – они боялись его. Боялись его или чего-то, связанного с ним.

Остановившись у одного из домиков, смотревшегося немного почище остальных, максантиец знаком предложил Джонни войти.

Внутри Джонни увидел человека, вытянувшегося на покрытой куском ткани соломенной циновке. Кругом было чисто, рядом горкой лежали местные овощи. Не похоже, что это тюрьма, заключил Джонни,

Он приблизился к незнакомцу.

Несомненно, это был человек, а не какой-то гуманоид сегунтиец или еще кто. Кожа человека отливала нездоровой желтизной. Его грудь, плечи и руки покрывали гноящиеся язвы. Нижняя

челюсть у человека отвалилась, как у покойника, хоть подвязывай, но он был жив, его грудь ритмично двигалась.

Джонни окликнул человека. Тот повернул голову, и на Джонни уставились глубоко запавшие глаза-уголья.

– А, с Земли... – прошелестел больной губами. – Кто ты, человек?

– Я Джон Голд, ищу Зверя-В-Чешуе. Что случилось с вами?

– Я тоже... тоже искал Леру... Теперь мне конец... Это максантийцы привели тебя ко мне, Голд? Да, все правильно... Передай Наблюдателю, они не виноваты. Никто не виноват. Я сам...

– Я могу вам помочь, мистер...

– Робертсон, я квазиантрополог... Помочь мне ты не можешь, это я помогу тебе. Леру существует, но... лучше его оставить в покое. Возвращайся на Землю, Голд...

– Это он ранил вас?

– Да. Там, в кратере... Леру существует, но чепуха, что он наделяет бесстрашием... И чепуха, что он – бог, не верьте... Я думаю, это все метеорит, они на метеорите сюда прилетели, Леру и кроваво-красная петинья... Прилетели, теперь живут здесь. У них симбиоз, понимаете? Обычная жизненная форма, не больше...

– Мистер Робертсон, у меня есть радиосигнализатор. Я подам сигнал, и за вами прибудет гравилет. Вас заберут в поселок. А пока давайте я сделаю вам укол.

Джонни полез в аптечку за инъектором.

– Ты думаешь, Голд, у меня нет аптечки? А сигнализатор, вон он валяется... Он исправный, заметь...

– Вы подали сигнал, но за вами не прилетели?

– Нет, я не подавал сигнала. Зачем?.. Смерть не страшна, Голд. Умереть не страшно... Или ты думаешь, мне страшно гнить здесь?.. Нет, нет...

Квазиантрополог впал в забытье.

Вождь с беспокойством посмотрел на Джонни.

– Вы не виноваты ни в чем, – проговорил Джонни. – Мой брат сам пожелал умереть.

Максантийцы, с облегчением воспринявшие его слова, всей толпой проводили его до края деревни. Отойдя от максантийцев на несколько шагов, Джонни оглянулся.

Они смотрели ему вслед.

– Где найти Леру? – громко спросил он.

Переглянувшись со стариками, вождь махнул рукой, показывая направление:

– Там, в колодце неба.

– В колодце неба?

– Да. Там живет Леру.

Несмотря на то, что Леру обитал поблизости от деревни, не было похоже, чтобы кого-то из своих соседей он наделил бесстрашием. Так рассуждал Джонни, возвращаясь к месту, где его дожидался проводник. Да и наделял ли вообще Леру бесстрашием? Вот квазиантрополог получил от Леру не бесстрашие, а смерть. Конечно, это же противоречило легенде о Леру, которая говорила, что одних Леру милует, а других убивает. Где только увидеть воочую того, кому Леру оказал свою милость. Были ли такие?

Джонни вспомнились последние слова квазиантрополога. Тот пробормотал, что не боится смерти. Уж не этим ли суррогатным бесстрашием наделял Леру пришедших к нему?..

В смущении Джонни подошел к Орг-Гару. Наскоро утолив голод, они продолжили путь, и Джонни спросил:

– Место, где живет Леру, называется «колодец неба»?

– Да, так.

– Почему?

– Старики рассказывают... Когда Леру вырвал из руки Мераскеса цветок петиньи, Мераскес в отместку обрушил на него небо. В этом месте образовался провал в земле, «колодец неба»... Леру выжил, не смерть была ему карой бога. Он получил цветок, он получил бессмертие, он сам стал богом, но он должен вечно жить в этой яме, откуда ему позволено выходить только на короткое время.

«Возможно, – подумал Джонни, – квазиантрополог прав, семя этого странного существа, так называемого Леру, занесено на Максантум гигантским метеоритом».

Остаток пути Джонни и максантиец преодолели без происшествий. Леру больше не показывался, крупные хищники тоже не жаловали их своим вниманием.

«Колодец неба» представлял собой громадную яму, можно сказать, впадину диаметром в несколько километров, всю заросшую кустарником и чахлыми деревцами. Дно впадины было местами заболочено.

– Надо спуститься, – сказал максантиец, и Джонни поразился, как изменился его голос.

Не без труда они нашли спуск. Оказавшись на дне, они, перемазанные глиной, не спеша побрели по дну ямы, зорко присматриваясь. Под ногами хлюпала вода. Вскоре им преградили дорогу колючие кусты, стоявшие непроходимой стеной. Джонни и Орг-Гар двинулись вдоль зарослей, ища проход.

Здесь Джонни во второй раз увидел Леру.

Зверь-В-Чешуе стоял совсем близко, в нескольких шагах. Максантиец замер, замер и Джонни.

В лапе у Леру (или в руке?) был кроваво-красный цветок.

Джонни двинулся к Леру.

– Нет, я...дай мне первому! – Максантиец ухватил землянина за рукав, и столько волнения было в его голосе, что Джонни позволил ему опередить себя.

Протягивая вперед руки, максантиец приблизился к Леру.

Леру взмахнул цветком.

Несколько раз он наотмашь хлестнул по рукам и плечам Орг-Гара своим цветком. И кинулся бежать.

Орг-Гар, оставшийся стоять на месте, завопил диким голосом, как будто на него плеснули кипящим маслом.

Максантиец упал до того, как Джонни подбежал к нему. Джонни окинул его беглым взглядом. На теле Орг-Гара вспухли кровавые полосы, вероятно, этих мест Леру коснулся цветком пе-

тиньи. Злость вспыхнула в груди Джонни, и он кинулся догонять Леру.

Они бежали, пробиваясь сквозь кустарник. Они бежали, прыгая через гниющие стволы поваленных деревьев, через лужи и острые шиповатые кустики ортохитона. Джонни разодрал колючками одежду, с ног до головы вымазался в грязи. А Зверя-В-Чешуе все же не догнал.

Потеряв Леру из виду, он повернул назад. Тревожась за состояние максантийца, он вернулся к месту, где оставил его, довольно быстро.

Орг-Гар был мертв. У него из горла торчал его собственный нож, рука сжимала костяную рукоятку.

Джонни насупился. Почему максантиец убил себя? Или он не перенес боли от ран, нанесенных ему Леру, или сок цветка петиньи, попав к нему в кровь, так подействовал на его мозг, что у него появилось непреодолимое желание умереть? И не из этого ли желания проистекало то самое бесстрашие, получаемое от Леру?..

Однако немногого стоит бесстрашие, которое не осенено великой целью, которое самолюбиво и от которого веет могильным холодом.

Хотя, кто его знает, возможно, все обстоит иначе, сказал себе Джонни. С чего это он так сразу решил, будто в цветке Леру заключается темная истина, а не светлая? Он принялся рассуждать о том, какое яблоко кислое и червивое, а ведь сам еще его не укусил.

Джонни не знал, какой способ погребения принят у максантийцев, но бросить тело своего проводника разлагаться в грязи он не мог. Вряд

ли Орг-Гар выразил бы желание превратиться в тлен в этом затхлом месте, и Джонни потратил два часа, чтобы вытащить труп из кратера. Он нашел сухой песчаный пригорок и оставил тело Орг-Гара там, пусть родной лес максантийца займется его погребением, а сам вернулся в обиталище Зверя-В-Чешуе.

Джонни нашел свои следы, местами четко отпечатанные на влажном грунте, и двинулся дорогой, которой от него убегал Леру.

Светило Максантума коснулось линии горизонта, собираясь уйти на покой, когда Джонни вышел на поляну, всю покрытую красными цветами. Поначалу он не придал этому цветочному ковру значения, мало ли какие растения породила природа Максантума, но как только он, пробуя носком, не болотистое ли место, нагнулся, взгляд его выхватил из однотонного ковра одинединственный цветок...

Это была петинья, цветок Зверя-В-Чешуе, его оружие и источник его милости, ключ, которым, как утверждала легенда, Леру мог в каждом разумном существе включить механизм бесстрашия.

Джонни так и стоял у края цветочного ковра, не смея коснуться его, пока не увидел легендарного бога.

Леру не спеша шел к Джонни, держа в лапе красный цветок.

Джонни нащупал кобуру игломета. Его не покидало ощущение, что не удара топором ожидала от него судьба, а какого-то умного, выверенного действия... И вихрем в голове землянина

пронеслась мысль: с Леру нужно сражаться его оружием.

Джонни нагнулся и сорвал цветок петиньи. Пожалуй, в данном случае было бы уместно слово «отодрал», то есть выдрал из земли: потянув за стебель, Джонни получил весь цветок целиком, надземную часть и корешки.

Все растение было одного ярко-красного цвета, включая стебель и корни. Как только Джонни распрямился, петинья своим стеблем обвила его кулак. Она сдавила кисть Голда, но не так, как сдавливают тиски, а как сдавливают друг другу руки друзья при встрече.

И Джонни ощутил тепло, исходившее от цветка, как будто это был пушистый зверек, а не безумное растение. Приятное тепло разлилось по всей его руке, в которой он держал петинью, а затем словно электрический разряд пробежал от цветка к его голове.

В следующую секунду Джонни показалось, что у него из глаз брызнули разноцветные лучи, в мгновение ока окрасившие окружающий унылый пейзаж в яркие краски. Вдруг он осознал, как жили и чего хотели деревья, травы и животные, близкие и дальние. И разум самого Леру распахнулся для него.

Леру не был пришельцем из космоса. В максантийской легенде содержалось больше правды о нем, чем в научной теории квазиантрополога: некогда Леру был максантийцем, который любил и который потерял свою любовь. И душа его захотела уединения. Он нашел этот кратер, где рос

цветок, принесенный на Максантум метеоритом. Петинья была существом особенным... Петинья вживалась в сознание прикоснувшегося к ней – и послушно исполняла волю прикоснувшегося, так Леру приобрел невиданное оружие. Но петинья могла не только вырабатывать яд: она разрушала преграды, установленные материальным миром для сознания, и владелец цветка приобретал способность соприкасаться своим сознанием с сознанием других существ.

Леру, однако же, не хотел ни с кем соприкасаться. Он желал только, чтобы его оставили в покое, потому он так безжалостно расправлялся с нарушителями его уединения. Из опустившихся в кратер выживали лишь те, кто успевал вовремя убежать, и те, кто находил в себе силы сорвать с поляны цветок петиньи. Сорвавший цветок приобретал способность соприкасаться сознанием с нематериальной субстанцией цветка, находившегося в руке Леру, и цветок Леру не в силах был убить прочувствовавшего его собственную суть. Вот только, чтобы сорвать цветок, требовалось немалое мужество, легендарный Леру был наказан Мераскесом за то, что самовольно завладел цветком бога...

Хотя Джонни и соприкоснулся своим сознанием с сознанием Леру, он так и не смог понять, каким образом Леру приобрел внешность Зверя-В-Чешуе. Скорее всего, сам Леру этого не знал. Наверное, все знала петинья, только спросить у нее Джонни не мог. В волнах тепла, исходивших от нее, не было и крупицы информации, так что даже трудно было предположить, что она разумна.

Леру остановился, как только Джонни распрямился с цветком в руке. Теперь он был бессилен против Джонни, как бессильна тьма погасить любой, пусть даже самый маленький огонек. Бросив бесполезный цветок, Леру потащился в кусты. Ему оставалось надеяться, что его и на этот раз, как уже бывало, добровольно оставят в покое.

Как только Леру скрылся за листвой, Джонни положил цветок на землю. Петинья немедленно углубилась корнями-присосками в почву и почти одновременно сознание Джонни стало обычным, человеческим.

Максантийцы были телепатами, поэтому даже после того, как они выпускали петинью из рук, у них сохранялась способность нематериального всепроникновения. Именно эта способность давала им бесстрашие, ибо познанное не страшно. Сознание Джонни было устроено иначе, и все же бесстрашие, то самое бесстрашие, за которым он прилетел на Максантум, у него осталось.

Петинья наделила Леру бесстрашием иным путем, не так, как она делала в отношении максантийцев. Сознание Джонни, сознание нетелепата, было обращено вглубь себя, в этом заключалась его сила, и эту силу использовала петинья.

Общаясь на нематериальном уровне с Леру, Джонни не только увидел Леру, но увидел в Леру себя. Как и у Леру, смерть отняла у Джонни его любовь. Но если для Леру продолжением была ночь отшельничества и злобы, Джонни сумел увидеть рассвет надежды. И правильно это было: пока жизнь не кончена, ничего еще не кончено. Тот

же, кто этого не понимал, становился Зверем-В-Чешуе. И еще одна истина запечатлелась в подсознании Джонни: как и сила Леру, любая сила имеет исходную точку, и там, в начале, она бессильнее новорожденного ребенка. И значит, ни одна сила не заслуживает того, чтобы ее боялись, потому как во глуби своей она боится сама. Та же сила, которая истинно сильна, не страшна.

Все это Джонни знал и раньше, а если и не знал, то мог бы осознать. Но теперь, после встречи с цветком петиньи, он понимал это иначе, бесконечно глубже и ярче. Теперь простые истины были не мыслями, но вцементированными в его подсознание стержнями, и в том, чтобы стало так, ему помогла петинья.

Выбравшись из кратера, Джонни активизировал радиосигнализатор. Вечером за нам прилетел гравилет. Джонни рассчитывал увидеть одного-двух полицейских, а увидел самого Чрезвычайного Наблюдателя.

Бросив презрительный взгляд на оборванного, грязного землянина, сегунтиец забормотал в микрофон автопереводчика. Джонни услышал ломаное:

– Вы обязательно покидать планету. Штраф, триста кредов, вы обязательно платить.

– Да, да, – сказал Джонни и улыбнулся сегунтийцу.

В поселок его доставили к утру. В этот же день он простился с Максантумом.

СТАРЫЙ НЕДРУГ

С замиранием сердца Джонни смотрел на обзорный экран. Там, на экране, неестественно гладкая поверхность Церба уносилась назад. Вдруг посреди глади вечности возник город, над которым ключом к времени, осью мира возвышалась величественная Круглая Башня.

На секунду экран затуманился. И показалось Джонни, что то не Башня – земная девушка. Лола стояла над городом. Лола ждала его. Лола молила его быть до конца мужественным и сильным. Сдавив руками подлокотники кресла, Джонни привстал. Страдание исказило его лицо. Он сморгнул, и видение покинуло экран, укатившись по его щеке горючей слезой.

И опять он видел Круглую Башню, много тысячелетий, а может и миллионы лет ждавшую достойного.

Он унял бешеное биение сердца. Теперь его не запугать, теперь не заглушить голос его воли звериным воем. Но хватит ли того, что он получил на Максантуме, для успешного прохождения Испытания? Или его постигнет неудача, как в прошлый раз?..

Космопорт «Цербийский» реконструировался. Тысячи рабочих облепляли громаду здания, как мухи облепляют медовый пирог, в воздухе мелькали транспортные гравилеты со специальным оборудованием, внизу горы строительных материалов налезали одна на другую. Руководствуясь указателями, Джонни по «тропинке безопаснос-

ти» двинулся к стоянке грави-такси. Ему пришлось обходить здание, поскольку центральный вход в космопорт был закрыт.

В проходе его спросили: «Который час?» Джонни посмотрел на наручные часы, замедлив шаг, – и в бок ему уперлось что-то твердое. Он скосил глаза. Это было дуло игломета.

– Иглы красные, – предупредил о смертоносности выстрела человек, задержавший Джонни невинным вопросом. – Спокойно. Останешься жив, если не задуришь. Иди к выходу.

Тесно прижимаясь к Джонни, словно хмельной друг или противоестественный любовник, незнакомый крепыш проследовал с Голдом на стоянку частных гравилетов. Ни одного стража порядка поблизости, с досадой отметил Джонни. Повинуясь приказу, он сел на заднее сидение темно-синего «викинга». Сухим щелчком прозвучал выстрел. Джонни потерял сознание.

Он очнулся в узкой комнате с низким потолком и голыми стенами без окон. Такие комнатки в домах добропорядочных граждан служили кладовыми. Он валялся на полу со связанными за спиной руками. Раздражающе ярко горела лампочка, висевшая на потолке.

Джонни поднялся, прислонился спиной к стене. Задвигал руками, насколько это позволяла веревка. Зубами ему не воспользоваться, раз руки у него связаны за спиной, как жаль.

Интересно, кому это он понадобился? Стал ли он случайною жертвой бандита, только и знавшего о нем, что у него – собственная яхта, и задумав-

шего потребовать выкуп с родственников за его жизнь, или же насильное водворение в эту темницу было как-то связано с его прошлой жизнью? Арагонские братья могли докопаться, что это он погубил их Великого Магистра, тем самым нанеся неотразимый удар братству. Или кто-то из братьев-арагонцев, соблазненный деньгами его умершего отца, решил разбогатеть за его счет?

Джонни недолго пришлось дожидаться ответа на свои вопросы. Не успел он утомиться стоять в одной позе, как в дверном замке провернулся ключ, и в каморку вошел Сэмюэль Эльм, вечный соперник Джонни по школе космодесантников, его недоброжелатель и завистник.

– Узнаешь, Голд? – Эльм ощерился в ухмылке. Когда-то, а ведь это было и не так давно, он пользовался немалым успехом у женщин, теперь же его вряд ли кто из трепетных созданий посчитал бы привлекательным. Он заметно обрюзг; хищное выражение его лица уже казалось выражением не силы, но безжалостности; красные глаза Эльма говорили не то о хроническом недосыпании, не то о любви к горячительным напиткам.

– Хорошая у тебя память, Эльм.

– Да, хорошая... Я никогда не забуду день, когда ты украл у меня право зажечь факел от Огня Земного Разума!

– Я не мог украсть у тебя то, что тебе не принадлежало, – рассудительно заметил Джонни. – Теперь скажи, что тебе нужно от меня? Тебе нужны деньги, ты беден?

Эльм задохнулся от возмущения. Его пленник

осмелился предположить, что он, Эльм, – презренный нищий, да еще таким издевательски соболезнующим тоном!

– Мне нужно... Что мне нужно? – Эльм покраснел, у него на шее задергалась жилка. – В тот день я поклялся когда-нибудь отомстить тебе. Время пришло, Голд. Я хочу увидеть в твоих глазах страх, я хочу, чтобы ты пополам согнулся от боли, я хочу, чтобы ты захлебнулся кровавыми слезами! Вот чего я хочу... и это будет! Это будет!

Эльм забегал по комнате, бросая на Джонни быстрые взгляды, полные злобы и желчи. Какая-то грязная мысль кипела у Эльма в голове. Внезапно остановившись, он спросил:

– Что, никак не можешь забыть свою потаскушку Харт? – На скулах Джонни запылал румянец. Эльм язвительно продолжил: – Вижу, ты не забыл ее. Это ради нее ты здесь, да? Ради своей грязной Лолы, заезженной сучки из публичного дома? Жаль, что плесень Арлама сгноила ее, а не то хорошо было бы забрызгать ее кое-чем на твоих глазах!

Сыскное агентство «Носач» неплохо потрудилось на Сэмюэля Эльма, и Эльм собирался припомнить еще кое-какие подробности о прошлой жизни Джонни, но не успел. Мышцы Голда взорвались яростью, он налетел на Эльма и сбил его с ног.

В каморку немедленно вбежали два плечистых молодца. Наймиты Эльма следили за его разговором с Джонни в глазок, готовые в любую минуту прийти на помощь своему хозяину. Со связанными руками Джонни не мог противосто-

ять двоим. Кровь не остановила охранников, его били до тех пор, пока Эльм, отдышавшись, не подал знак оставить его в покое.

Услав охранников обратно в коридор, Эльм проговорил, тусклыми глазами глядя, как медленно, опираясь о стенку, встает на ноги Джонни:

– Пожалуй, мне все же стоит воскресить ее, чтобы ты увидел, как я заткну горлышко ее бутылки. До тебя дошло, сосунок? Я стану Властелином Галактики, я, а не ты!

Эльму показалось, что в глазах Джонни мелькнула тревога. Улыбнувшись, Эльм приблизился к Голду вплотную и, испепеляя его взором, отчеканил:

– Да, я, я, я получу Корону Мира! Планеты и звезды, люди и чудовища, все будут повиноваться мне одному! И ты, Голд...

Джонни перебил:

– Никогда ты не получишь Корону Мира. Или ты думаешь, Хранитель испугается, если ты наставишь на него игломет? Или ты надеешься, что слюной бешеного кобеля можно затопить Круглую Башню?

– Если я не получу Корону Мира от Круглой Башни, я возьму ее сам. Ты не веришь мне? – Эльм захохотал. – Он не верит мне! Смотри же, слизняк!

Глаза Эльма страшно блеснули. Дрожа от злобы, он поднял руки – и на виду у Джонни произошло то, что люди, жившие несколькими столетиями раньше, несомненно, назвали бы чудом.

Между ладонями Эльма заплясал электрический разряд. Стены каморки осветились ярким све-

том, какой бывает при вспышке молнии. Джонни на несколько мгновений почти ослеп. Когда же зрение вернулось к нему, он увидел в воздетых руках Эльма длинный меч.

Меч слегка светился. Странные красноватые знаки пробегали по его лезвию, рождаясь у рукояти и исчезая у острого кончика. Эльм взмахнул мечом. Острое лезвие со свистом разрезало воздух.

– Он даст мне Корону Мира, – вскричал Эльм, потрясая удивительным оружием. – Тебе хочется знать, фокус это или нет? Ты узнаешь это. Да, да, ты узнаешь, как я его получил, только... кхе... не надейся, тебе не попасть в то место, где растут такие игрушки! А хоть бы ты и попал, второго такого меча ты там не найдешь!

Пыжась от злобной радости. Эльм принялся рассказывать:

– На распределении в Службе Космической Разведки я взял маршрут 93, с тем же коэффициентом сложности 230, как и у тебя. Тебе повезло, ты вынырнул из подпространства там, где надо, а я... я попал в пространство Глота, когда выныривал у своей звезды. Пространство Глота дало мне его! (Эльм взмахнул мечом.) Я прорубил им выход в наш мир, и я прорублю им дорогу к Короне Мира! Если Хранитель или Башня вздумают препятствовать мне, я отсеку им руки!

Джонни слушал Эльма с нарастающим беспокойством. Агентам, нанятым Эльмом, не удалось выяснить, что о пространстве Глота Джонни знал не понаслышке, ведь он побывал там сам. В пространстве Глота, он видел только джунгли из пле-

сени, откуда было там взяться мечу... Хотя, вспомнил Джонни уроки Луиса Аппера, другие, побывавшие в пространстве Глота, рассказывали о нем иначе, каждый по-своему, то есть пространство Глота всякий раз представлялось другим. Наверное, для Эльма пространство Глота было миром средневековых замков, рыцарей и рыцарского оружия. Странно только, что Эльму удалось вынести оттуда меч, вернее сказать, удалось вернуться в натуральный космос со способностью призывать из пространства Глота к себе на помощь чудесное оружие. Объяснения этому Джонни не видел, ему лишь вспомнилась одна особенность пространства Глота, его способность каким-то образом сопрягать желания и опасения разумного существа, находившегося в нем, с тем, что происходило в нем самом.

Так уж сказать, причины, по которым у Эльма в руках оказалось удивительное оружие, сейчас были не столь важны, рассудил Джонни, куда важнее был сам факт обладания Эльмом этим оружием. Очевидно, Башня устояла бы против любого внешнего воздействия, то есть против любого воздействия, исходившего из мира Башни, из натурального космоса. Но если это воздействие будет исходить из другой реальности? Обладала ли Башня силой противостоять такому оружию?..

«А ведь и я мог бы раздобыть такое оружие, — подумал Джонни. Путь в пространство Глота трудно найти, но ведь он не был закрыт. Вот только Джонни стоило поразмыслить об этом раньше.

Но даже если бы он завладел этим оружием, что с того? У него на душе стало нехорошо. Разве

он приставил бы чудесный меч к горлу экзаменатора, проводившего в Башне Испытание? Если бы он желал власти над миром, может, у него что-то и получилось бы. Но ведь он хотел не невиданной власти, он хотел вернуть в этот мир Лолу. Интуитивно он чувствовал, что мечом тут ничего нельзя сделать. Если что-то и могло разорвать оковы неизбежности, то уж не сила принуждения и не сила страха.

Эльму до Лолы не дотянуться, этого не стоит бояться. Но вот захватить власть над Галактикой Эльм, пожалуй, смог бы, во всяком случае, теоретически такая возможность существовала. Власть нередко брали силой, об этом свидетельствовала вся человеческая, да и не только человеческая история. Если же Эльм станет Властелином Галактики, задача Джонни вернуть к себе Лолу значительно усложнится.

Эльм молчал, любуясь мечом и искоса поглядывая на Джонни. Вот оно, его недруг как будто стал пропитываться страхом. Чтобы еще больше усилить впечатление, Эльм прорычал:

– Эта твоя Башня – трухлявая развалина перед моим мечом! Ее стены рухнут, вздумай она помешать мне! – Воспаленными глазами он обвел каморку. – Я расправлюсь с ней вот так!

Он нанес удар мечом по стене. Меч рассек стену словно она была бумажная, почти не встречая сопротивления.

Одного разреза Эльму показалось мало. Он вихрем пронесся по комнате, пластая стены мечом, а кое-где не пощадил и потолок. Посыпалась

известка. Местами, там, где разрезы, сходясь, ограничили отдельные участки, каменная кладка обвалилась.

С блистающим мечом, с лютой ненавистью в глазах, с плечами в известковой пыли Эльм остановился перед Джонни. Он медленно занес меч над его головой, наслаждаясь своей безнаказанностью.

Джонни молчал.

Эльм сделал вид, что сейчас ударит.

Джонни не шелохнулся.

С недовольной гримасой Эльм кинул меч на пол. Чудесный меч растаял в воздухе, не долетев до пола.

– Что скажешь теперь, жалкий слизняк? – прошипел Эльм.

– Если верить Хранителю, а причин не верить ему нет, Властелин Галактики сможет повелевать кометами, планетами и звездами. Вероятно, схожая сила охраняет Корону Мира, – Джонни говорил медленно, как будто больше рассуждая про себя, чем возражая Эльму. – Ну, и что ты сможешь поделать? Твой меч разрубит несколько кирпичей, а ты уверен, что стена, за которой находится Корона Мира, кирпичная?

– Я смог этим мечом пробить дорогу из пространства Глота в натуральный космос. Можешь не беспокоиться, что бы там ни стояло у Короны Мира, я справлюсь с ним! Посмотрим, как ты взбеленишься, когда увидишь Корону Мира у меня на голове!

– Пришли мне сюда стереовизор, чтобы я уви-

дел твой триумф с самого начала! – усмехнулся Джонни.

– Ты все увидишь, – зловеще пообещал Эльм и вышел.

Наверное, прошло довольно много времени, прежде чем дверь в каморку опять открылась: Джонни изрядно проголодался, да и жажда начала мучить его. На этот раз он увидел не Эльма, а двоих охранников, избивавших его,

Джонни отконвоировали в небольшой дворик. Оказывается, его держали в одной из комнат-кладовок частного двухэтажного дома, огороженного решеткой, таких домов на Цербе было тысячи. В дворике стоял гравилет, тот самый темно-синий «викинг». Джонни затолкали в машину. Он ожидал усыпляющего выстрела, но вместо этого ему развязали руки. Разминая затекшие запястья, Джонни усомнился про себя, что развязывание ему рук было послаблением, скорее, в этом состоял один из элементов программы, в которой его принуждали участвовать? И верно, не успел «викинг» взлететь, как Джонни под ребро ткнулось дуло лучемета. В прошлый раз это было дуло игломета... Ему давали понять, что при попытке к бегству он получит в грудь плазменный заряд, а не безвредный для жизни укол снотворной иглой.

Молодчик с рыжими усами, занявший место водителя, повел машину к Круглой Башне.

Когда они подлетели к белоснежной громаде и Джонни увидел черневшую у ее подножия толпу, дожидавшуюся Претендента, он забеспокоился. Уж не сегодня ли Эльм осмелится?..

«Викинг» опустился на отведенную для гравилетов площадку неподалеку от башни. Охранники коротко предупредили Джонни, что он не должен играть на их нервах, если хочет дожить до ближайшего вечера. Сжав его с обеих сторон, они пошли к Башне. И на ходу Джонни не переставал ощущать давление дула лучемета.

Возможно, в толпе многие бы заметили некую странность в том, как передвигается троица мужчин (всякому охота поглазеть на сиамских близнецов), но в это время толпу занимало другое. К башне чинно двигалась нарядная процессия, и, войдя в толпу вместе со своими «заботливыми опекунами», Джонни, как ожидал, увидел Эльма.

Сэмюэль Эльм шагал с надменным каменным лицом и с пустыми руками. Ни к чему демонстрировать его меч глупой толпе, он призовет его там, наверху, у Храма, когда он ему понадобится. Белый атласный плащ колыхался за плечами Эльма, в такт шагам вздрагивало его обрюзгшее лицо. Он, разумеется, знал, что в толпе находился его заклятый враг, каким он представлял себе Джонни, но он не стал искать Джонни глазами. В эти минуты Эльм даже не вспомнил о нем, доставленном к Башне по его приказанию, дабы он при виде триумфа Эльма испытал в полной мере муки завистника. Приближение решающего момента заставило Сэмюэля Эльма сосредоточиться только на себе и на Башне, на их предстоящей схватке.

У ворот башенной ограды процессия остановилась. Мутным ручьем потекли никому не нуж-

ные официальные слова. Когда чиновники закончили болтать, Эльм прошел за ограду и ступил на лестницу Башни. Он стал подниматься.

Башня молчала. Знала ли она, какой необычный претендент восходил на ее вершину? Догадывалась ли, что теперь не Претенденту, а ей самой предстояло держать экзамен ни на жизнь, а на смерть?..

Эльм добрался до вершины невредимый. Что это, Башня не чувствовала, кто шагал по ее белым ступеням, или Эльм казался ей ничтожеством со всей его дерзостью, или она слишком презирала его, чтобы поторопиться с ударом? А может, душа Башни впервые за тысячелетия содрогнулась от страха, ощутив силу существа, двигавшегося на встречу с ней?..

Достигнув верхней площадки Башни, Эльм скрылся из виду. Однако за его передвижениями возможно было наблюдать, глядя на громадные стереовизионные экраны, вмонтированные в окружавшую Башню ограду.

Претендент некоторое время стоял у храма. Вероятно, он о чем-то говорит с Хранителем. Или он замер в смятении перед решающим мгновением? Затем он поднял руки, и над его головой блеснула молния. Вряд ли кто-то из толпы, кроме Джонни и людей Эльма, сумел разглядеть в гаснущей вспышке длинный меч, поскольку Эльм быстро прошел в храм.

Джонни затаил дыхание.

Спустя короткое время вверху загрохотало. На экранах хорошо было видно, как волна огня вы-

плеснулась из храма. Когда отзвуки взрыва утихли вдали, огонь угас.

Так свершалось не раз при испытании, и всякий раз взрыв означал одно: гибель Претендента.

Когда в толпу упал обгоревший по краям белый атласный плащ Эльма, в его смерти не осталось сомнений.

Толпа зашумела, со вкусом обсасывая происшедшее.

Джонни облегченно вздохнул. И как только он мог усомниться в силе Хранителя и Башни? Как можно добыть мечом то, что держалось не силой мечей, а положением дел, самим существованием мира?

Кстати, теперь тупое рыло лучемета не давило ему под ребро.

Джонни с облегчением обнаружил, что охранников Эльма нет рядом с ним. Они оставили его в покое, они скрылись, и это понятно: смерть хозяина освободила их от служебных обязанностей.

Кошелек оказался у Джонни в кармане: Эльм не стал крохоборничать, ему хотелось унизить Джонни, подавить его душевно, а не разжиться деньгами за его счет.

До своего патрона, Всепланетной Строительной Корпорации, Джонни добрался на таксолете. Пройдя по знакомому коридору к кабинету мистера Делла, он без стука толкнул дверь.

Мистер Делл что-то писал за столом. Оторвав голову от бумаг и увидев Джонни, он расцвел улыбкой.

– Мистер Голд? – Делл встал из-за стола, по-

дошел к Джонни и крепко пожал ему руку. – Наконец-то! Как только мне стало известно, что вы приземлились в «Цербийском», я весь в ожидании. Я ждал вас еще вчера. Что-то произошло?

Для Джонни не имело никакого практического смысла рассказывать о происшедшем, и он пренебрежительно махнул рукой:

– Так, со старым приятелем встретился. Надеюсь, наш договор остается в силе, компания и впредь будет помогать мне?

– Конечно, мистер Голд. Кстати, советом директоров решено на будущий год удвоить финансирование проекта «Башня». Естественно, речь идет только о перспективных направлениях осуществления проекта, о сотрудничестве с перспективными партнерами. Относительно вас, судя по вашему виду, мы можем быть спокойны. Ведь вам... удалось?

– Да, удалось. Я виделся с Леру и получил от него то, что хотел.

– Прекрасно! Наша компания предоставит вам прекрасные условия для подготовки к Испытанию, мистер Голд. Бассейн, специальная диета, массажистки... Вы получите все. Когда вы отправитесь в Башню?

– Думаю, тянуть не стоит. Как скоро вы сможете оформить документы?

– За два дня.

– Значит, через два дня я войду в Башню.

– Эти два дня вы проведете в лучшем номере нашей гостиницы, – Делл стал набирать номер видеофона.

– Мистер Делл, позвольте спросить...

– Да, мистер Голд?

– Вы говорили прошлый раз, что вы работали с одним Претендентом, которому, как и мне, удалось получить от Леру его дар. Этот человек... что с ним произошло? Он отказался от повторной попытки пройти Испытание?

– Нет, – Делл погрустнел.

– Значит, он во второй раз вошел в храм Башни. и... что?

– Он... Мистер Голд, поверьте, вам не стоит интересоваться успехами и неуспехами тех, кто когда-либо находился под нашей опекой. Эта информация решительно ничего вам не даст. Вы знаете ответ Хранителя на вопрос «что должен уметь Претендент, чтобы получить Корону Мира?» Хранитель ответил: «Достойному достаточно уметь ходить». Большинство специалистов толкуют ответ Хранителя следующим образом. У каждого Претендента свой путь к Короне Мира. Одним, чтобы пройти весь путь, необходимо получить дар Зверя-В-Чешуе, другим требуется совершенно иное. Вы понимаете мою мысль? Если кто-то, с пользой для себя побывавший на Максантуме, не прошел Испытание, это еще не значит, что Испытание не пройдете вы. Вполне возможно, чтобы пройти Испытание вам хватит силы цветка Леру, тогда как другому для прохождения Испытания надо было бы овладеть другой силой.

Из пространной речи Делла Джонни, следуя за служащим в отведенный ему номер, вывел одно существенное заключение; тот человек, обладавший силой цветка Леру, во время повторного Испытания был убит Башней.

Прошло два дня.

Пока мистер Делл оформлял бумаги, Джонни казалось, что время тянется очень медленно, теперь же, когда он шел Претендентом в торжественной процессии, направлявшейся к Башне, эти два дня представлялись ему двумя мгновениями. Не успел он оглянуться, не успел осознать, как же необходимо ему пройти Испытание – и нет их, двух мимолетных дней.

И так же горланила толпа, как и когда он впервые шел к Башке, и так же толпа замолчала, едва он приблизился к круглым ступеням. И небо было то же, и земля, то есть не земля, а гладкая, устилавшая Церб поверхность, и Круглая Башня так же возносилась над городом, над миллионами разумных существ, с любопытством и трепетом глазевших на нее из своей суеты. Другим был только он, Претендент, землянин Джон Голд. Тогда, в прошлый раз, он готов был войти в храм Башни как смельчак бросается в огонь, без раздумий и без сожалений. Тогда в любом исходе он видел победу и благо для себя: и в возложении на свою голову Короны Мира, и в своей смерти. Теперь – иное. Теперь Джонни всеми силами хотел вернуть в мир Лолу. Не уничтожить свою боль, а Лолу вернуть. Теперь он готов был уклоняться от ударов Башни, отступать, чтобы затем опять кинуться на твердыню древней мудрости и своей настойчивостью доказать, что его сила воли, его твердость, его целеустремленность, его презрение к тленным благам равняют его с

теми, кто воздвиг среди просторов Галактики бессмертный знак своего божественного могущества.

Джонни сосредоточенно зашагал по ступеням. Он будет бороться за Корону Мира до конца. Что бы с ним ни случилось, он не ударится в панику и не остолбенеет от страха. Ради Лолы ему достанет сил бросить вызов безжалостному времени и равнодушному пространству, бренной материи и самой древней мудрости Башни.

Хранитель не остановил его ни единым словом и на этот раз. Означало ли это, что Хранитель считал для себя унизительным говорить с ним? Или же Хранителю непосильно было говорить с его скорбью и его отвагой?..

Джонни вошел в храм. Без всякого трепета он просмотрел пляску призраков. Когда пыль осела, раздался низкий утробный гул, как будто зародившийся в чреве Церба. Джонни обрадовался. Сейчас он покажет себя, сейчас он покажет, что он ДОСТОИН.

Вскоре звук, делаясь все более высоким, бешено забился о стены храма. Этот звук способен был вызвать ужас у любого, но не у Джонни. Казалось, каждая клеточка бедного человеческого тела Претендента болезненно вибрировала, но над телом стоял дух, сила высшая, чем страх или боль. Эта сила, укрепленная живительным теплом кроваво-красной петиньи, была желанием Джонни вернуть Лолу в мир людей, и эта сила не дала боли и страху опуститься в его подсознание.

Внезапно в храме наступила тишина, и из-под пола хлынула вода. Или даже нет, сам пол стал

водной поверхностью: Джонни как был в красивой одежде Претендента, рухнул в воду. Он мощно загреб руками, стремясь удержаться на поверхности среди водоворотов.

Вода быстро поднялась под самый потолок. Проходы между колоннами, служившие выходом из храма, хотя внешне и оставались свободными, воду не пропускали. Джонни стал захлебываться.

Как же немного надо человеку, чтобы умереть!

И как много надо, чтобы жить.

Джонни нырнул, нет ли там, на дне, какого-нибудь люка, через который можно было бы выпустить воду. Доплыть до дна Голду воздуху не хватило. Или в преподнесенной ему Башней водной чаше не было дна?

Он стал тонуть.

В глубине водной бездны возник мощный поток. Он вынес из храма теряющего сознание Претендента и кинул его на ступеньки Башни.

Влекомый волною, Джонни покатился по ступенькам. Он остался лежать на площадке между десятой и девятой сотней ступенек, волна же покатила дальше, на глазах исчезая, словно лестница впитывала ее через невидимые поры.

С трудом повернувшись на бок, Джонни закашлялся. Его стало рвать водой. Спустя долгое время он сумел встать на ноги.

Оглянувшись на храм, он медленно стал опускаться вниз.

Джонни не удивился бы, откажи ему Всепланетная Строительная Корпорация в дальнейшей помощи. Однако произошло прямо противоположное его опасениям, компания поместила его в до-

рогую лечебницу, и мистер Делл не переставал уверять его в необходимости дальнейшего сотрудничества. Вероятно, его вторую неудачу в компании расценили как второе везение, он ведь остался в живых, так что его репутация перспективного партнера только укрепилась.

Через несколько дней, когда Джонни окончательно пришел в себя, у него состоялся важный разговор с Деллом.

– Я не знаю, как мне быть, – проговорил Джонни угрюмо. – Что еще я могу предложить Башне?

– Давайте порассуждаем, мистер Голд, – Делл обхватил рукой подбородок. – Благодаря вашему визиту на Максантум вы научились держать в узде собственное тело, это неплохо. Что плохо? То, что ваше тело по-прежнему остается телом простого человека, не больше. Вы способны вытерпеть любую бель, вы не закричите, если вас станут жечь огнем, но сможете ли вы не гореть в огне? Разумеется, на такое вы не способны, и в огне вы сгорите, и в воде утонете. Последнее башня убедительно продемонстрировала.

– Еще бы не утонуть, окажись на дне аквариума без скафандра. Я ведь человек, а не робот.

– Не обязательно состоять из винтиков и гаечек, чтобы усовершенствовать свое тело.

– Все, что я мог со своим телом сделать, я сделал. Все же у меня за плечами школа косморазведчиков, и до этого я не был неженкой.

– Я и не собираюсь вас уверять, что вы благодаря правильной тренировке сумеете легко переносить 100-градусную жару и 50-градусный хо-

лод, или что вы можете научиться жить под водой без скафандра, было бы желание. Ничего этого не даст никакая тренировка. Это дает человеку одна вещица... семечко трилистника бледноцветного.

После минутного молчания Джонни произнес:

– Я так и думал, что вы предложите мне слетать на Трабатор.

– У вас есть какая-то другая идея?

– Нет. Я сам думал об этом. Я постоянно думаю об этом, когда вспоминаю Башню. Видно, без семечка трилистника мне в самом деле не обойтись. Только вот получить его, пожалуй, будет посложнее, чем встретиться с Леру.

– Давайте обговорим, какую помощь вам сможет предоставить компания. Я имею в виду реальную помощь, как понимаете, компания не в состоянии купить вам семечко трилистника.

– Разумеется не в состоянии.

– Итак, денежное содержание. На Трабаторе вам придется...

Поздно вечером с десятью тысячами кредов наличными, с запасом топлива и продово́льствия Джонни взял курс на Трабатор.

СЕМЕЧКО ВСЕЛЕННОЙ

ЛЕГЕНДА ТРАБАТОРА

Превратился в маленькую точку, а затем растаял в космической дали Элизион. Немногим позже Орракс затерялся в россыпи звезд, видимых на обзорном экране «Ласточки». Наступило время нуль-перехода.

Переход прошел благополучно. Тридцать два часа полета отделяли Орракс от Эсканьола, так что у Джонни было время осмыслить, что же он хотел получить на Трабаторе, седьмой планете Эсканьола, и наметить план действий.

О трилистнике бледноцветном и уникальных свойствах его семечка было известно давно, более столетия. За это время земная наука (а Трабатор находился под властью Земли) совсем немного продвинулась в понимании удивительного

явления, каковым являлось само существование трилистника. Вероятно, поэтому вокруг трилистника и его семечка сложилось немало легенд и ходило немало сплетен. Некоторые сведения излагались в книге «Трилистник Трабатора: мифы и факты», любезно подаренной Джонни мистером Деллом.

Одна из этих легенд отчего-то особенно запала в сердце Джонни. За время пути он не раз перечитывал похождения бедного мусорщика с Плутона. В примечании сообщалось, что, по мнению некоторых специалистов, ключ к разгадке тайны трилистника следовало искать именно в этой легенде, основанной на реальных происшедших около полувека назад событиях.

ЛЕГЕНДА О РИЧАРДЕ НОРМАНЕ И О СЕМЕЧКЕ ТРИЛИСТНИКА БЛЕДНОЦВЕТНОГО

Каждый раз, когда в 8.00 в уши Ричарда Нормана вгрызалась истошная трель будильника, первым в нем пробуждалось дикое желание затопать ногами, запсиховать и разнести вдребезги весь завод и городок при заводе, а лучше — всю планету. Приступ бешенства длился недолго. По мере того, как сладостные пары сна развеивались, благоразумие все более вытесняло безрассудство, и весьма обещающее начало заканчивалось бессильной воркотней.

В 9.00 Ричард Норман, сорока лет, убежденный холостяк и не дурак выпить, становился у конвейера в костюме СЗ, средней защиты. В костюме средней защиты Ричард Норман проводил весь свой

рабочий день, как и остальные рабочие цеха переработки электронных отходов мусороперерабатывающего заводишка на Плутоне. Заводишко именовался гордо: «Имперское Утилизационное Предприятие № 77». Всего на Плутоне, этой мусорной свалке Солнечной Системы, было триста сорок мусороперерабатывающих заводов и заводиков.

Вечера Норман проводил в ресторанчике «Нимфузории Плутона». Из-за обильного стола он шел в бардак при ресторанчике, где до утра никогда не задерживался, следующим утром он просыпался на своей койке в дешевой гостинице для рабочих.

И была у Ричарда Нормана мечта: нализаться и поджечь завод. Это, как ясно из вышеизложенного, была его утренняя мечта. И еще была у него мечта: набить морду дураку-начальнику, брезгливому лысачу. Кулаки у Нормана наливались тяжелой злостью, когда он слышал начальственную нудню: «Дик, от тебя опять несет как от падали. Пьете всякое дерьмо, лишь бы забалдеть, а ты нюхай тут». А третья мечта у Нормана была такая: очутиться на Земле, пробраться в императорский дворец и в какой-нибудь зеркальной зале облегчиться, и чтобы принцесса поскользнулась. Об этой своей розовой мечте Ричард Норман рассказывал в подробностях всем подряд, вспоминая о ней после третьей стопки.

Так день сменялся днем. Кто-то в поисках хорошего заработка приезжал на Плутон, кто-то уезжал, а Ричард Норман с места не двигался. Жил как пил — на черный день не копил, знай себе пропускал денежки меж пальцев. Так и жил Ричард Норман один-одинешенек, так и умер бы — в питейном зале, душном костюме средней защиты у му-

сорного конвейера, или, в лучшем случае, на широких бедрах проститутки, — если бы не СЛУЧИЛОСЬ.

Было так: Нормана временно перевели на мусоровоз водилой, взамен заболевшего Гарри Вислоносого. Норман должен был транспортировать с приходивших на Плутон грузовых космических кораблей-мусорщиков их груз, то есть мусор, на свалку. В космопорту на Плутоне подавляющее большинство звездолетов было неказисто с виду, откуда же взяться глянцу у кораблей-мусорщиков, поэтому когда однажды среди неуклюжих громад с рябой от попаданий метеоритов обшивкой Норман увидел судно экстра-класса, он изумленно поднял брови и выплюнул слово, которое в данном случае выражало его крайнее изумление, однако при иных обстоятельствах это слово приняли бы за ругательство.

На обшивке новенького лайнера не было ни царапины, вероятно, на корабле действовала сверхдорогая противометеоритная установка типа «Щит Урании». Судя по отсутствию выпуклостей топливных баков, на лайнере был установлен компактный грави-двигатель двенадцатого поколения. О внутреннем обустройстве корабля можно было составить представление и не совершая экскурсию по нему: очевидно, там, внутри, в глаза била расточительная роскошь с вкраплениями лучших электронных новинок.

Норман, ради любопытства, подъехал к лайнеру почти вплотную, и тут ожиревшее сердце Ричарда заколотилось так, как оно ни разу у него не колотилось ни в минуты пьяной злобы, ни в минуты торжества разнузданной похоти.

По борту судна шла четкая, без старомодной вычурности, надпись: «РИЧАРД НОРМАН».

Так называлось судно.

Так назывался этот прекрасный, волшебный лайнер.

«РИЧАРД НОРМАН». Что могло быть нелепее, и дьявольски сладостнее, в наготе своей очевидности, и жесткосерднее в своей явной ошибочности?

Норман так и застыл с раскрытым ртом и выпученными глазами. Когда, спустя немало времени, к нему вернулась способность двигаться, он вылез из кабинки водителя и подошел к чудо-лайнеру, чтобы прикоснуться к нему.

И долго Ричард Норман, мусорщик, водил пальцем по холодной обшивке, не в силах объять своим умом короткую надпись, золотом на черном: «РИЧАРД НОРМАН»...

Норман не заметил, как рядом с лайнером опустился гравилет представительского класса. Из машины вышли двое, молодой мужчина в белом костюме с цветком в петлице и женщина в вечернем платье. Еще что-то там было третье, наверное, шофер. Все трое двинулись к трапу, по которому можно было подняться к входному люку лайнера. Норман стоял как раз у трапа, и шофер что-то закричал ему, вероятно, гнал прочь.

Норман пришел в себя. Тем не менее шофера он не послушался, вместо этого он подскочил к молодому джентльмену и, преградив ему с дамой дорогу, хрипло спросил:

— Сэр... чей это корабль, сэр?

— Это мой корабль, — с оттенком недовольства отозвался молодой джентльмен. — Я — Арчи Норман, президент компании «Атом-Сервис». Что вам угодно, мистер?

Мусорщик молчаливо ткнул пальцем в карточку со своим именем и фамилией, висевшую у него на груди.

— Он тоже Норман! — удивленно воскликнула женщина.

— Полагаю, вы не из тех Норманов, чей родовой склеп — на Гестии? — холодно спросил Арчи Норман. Гестия, одна из планет Альфы Девы, входила в состав Земной Империи, она была третьей по уровню развития после Земли и Лукки.

— Я с Земли, — тихо сказал мусорщик.

— Вот все и объяснилось, дорогая, — улыбнулся своей спутнице молодой джентльмен. — Этот человек — мой однофамилец, полный тезка моего отца. Извините, мистер Норман, мы спешим.

Мусорщик не поторопился уступить дорогу, и у него перед глазами возникло дуло игломета. Сопровождавший Норманов человек, до этого злобно косившийся на мусорщика и только что не рычавший, хмуро бросил ему:

— Оглох, что ли? Проваливай? Господа спешат.

Ричард Норман сам не знал, что с ним делалось. Странная обида закипала у него в груди. Он не пошевелился, и охранник грубо оттолкнул его, повинуясь безмолвному приказу своего хозяина. Толчок был что надо, Норман едва устоял на ногах.

На лайнере происходившим снаружи заинтересовались. Входной люк отодвинулся, и по трапу стали опускаться два астронавта с решительными лицами. Норману пришлось бы совсем скверно, если бы молодой джентльмен не остановил жестом своих подчиненных. Ни к чему тратить столько сил на ничто-

жество, едва не полетевшее вверх тормашками от легкого толчка.

Ступив на трап, молодая женщина неожиданно обернулась. «Подожди, Арчи», — бросила она блистательному джентльмену. Она подошла к Ричарду Норману и сунула ему в руку несколько мятых кредиток. Арчи Норман наблюдал за этим с брезгливым выражением лица. Через минуту леди и джентльмен скрылись на борту своего прекрасного лайнера.

Норман и не заметил, как у него из руки выпали пестрые кредитки благородной леди.

Вскоре на лайнере заработали грави-турбины, и звездолет тихо стартовал. Лайнер уже исчез в вышине, а Ричард Норман все смотрел в бесконечное вечное небо, и впервые за долгие годы, а может, и за всю его жизнь, небо отражалось в его глазах.

В этот же день Ричард Норман взял расчет. Никаких накоплений он не имел, так что всего у него на руках оказалось восемьсот двадцать кредов. Со всею суммой в кармане он отправился в знакомый ресторанчик.

На этот раз Норман не стал требовать выпивки. Чтобы хозяин не придирался, он взял бутылку освежительного. Напрасно шлюхи вертели подле него своими пахучими частями — он не замечал их. Положив большие руки с набухшими венами на стол, он сидел неподвижно и молчаливо, пока в питейном зале не показался Малютка Бегунок.

Малютка Бегунок, маленький юркий мужичонка, неисправимый оптимист и столь же неисправимый неудачник, держал мелочную лавку напротив

ресторанчика. Торговля у него шла ни шатко, ни валко, он едва концы с концами сводил, однако мечты имел грандиозные. Малютка Бегунок между делом скупал у рабочих всякие замысловатые штуковины, встречавшиеся в мусоре (надо сказать, выносить что-либо с мусоропереработки воспрещалось, бросившаяся в глаза яркая вещица могла оказаться пропитанным ядом клапаном, отработавшим свое, или же, к примеру, перегоревшим радиоактивным предохранителем). Неудачник надеялся, что однажды ему принесут какую-нибудь антикварную вещь, отправленную в мусор невеждой, он купит ее за бесценок, продаст за бешеные деньги и на этом разбогатеет. Таково было последнее занятие Малютки Бегунка, ранее же в поисках своего счастья он исколесил весь космос. Он побывал во множестве передряг, на его глазах создавались громадные состояния из ничего, о чем он, будучи под хмельком, имел обыкновение пространно рассказывать. Когда же его спрашивали, отчего он, столь искушенный жизнью, так мало преуспел, он, прищурившись, говорил: «Удача, ребята, баба дюже скользкая, ее так просто не ущипнешь и не улестишь. Ну, да ничего, как она ни ломается, все одно моя будет!» В этом месте собутыльники всегда пропускали по маленькой.

— Бегунок, жарь сюда! — махнул рукой Ричард Норман.

Мужичонка подошел.

— Садись, — Норман толкнул ногой стул. — Говоришь, ты всякое повидал? Вот и расскажи мне, как разбогатеть, только чтобы сразу.

Малютка Бегунок улыбнулся. Не так уж часто его приглашали потрепать языком, куда чаще ему

предлагали заткнуться. Подсев к столику Нормана, он сказал:

— Много есть способов разбогатеть, Дик. Я одно время на поясе Сатурна промышлял, была у нас артель, двадцать старателей, и кораблишко при нас, в складчину купили. Там, на поясе батурма-то, иные ребята в год по миллиону кредов закалачивают. Тит Вильсон и Гарольд Смит, так те сейчас вообще в больших богачам ходят, они по глыбе титана нашли. А иной раз и расплющит кого, между глыбами шнырять это не мутовку облизывать. Кому как повезет, короче.

— Тебе не больно-то повезло. Дальше давай, еще какие способы есть?

— Про казино на Прокторе слышал? Говорят...

— Это не по мне. Ты дело говори.

— Ящерицу Зур ловить, вот тебе дело. По сто тысяч за шкурку...

— Ста тысяч мне мало, а пока на этих ящерицах вторую сотню заработаешь, они тебе голову отгрызут.

— По миллиону платят за игластого однозуба. Только...

— Мне нужно миллионов пятьдесят, и кучкой.

Подумав, Малютка Бегунок произнес:

— Значит, остается только Трабатор. На Трабаторе водится такой сорнячок, трилистник бледноцветный. Семечко трилистника бледноцветного стоит сто миллионов кредов.

— Чтобы его достать, нужно нырнуть с головой в соляную кислоту?

— Риска загнуться тут нет. Просто уж очень редко оно попадается, это семечко. На Трабаторе

старателей миллионы, а семечек за год, может, и с десяток не находят.

— Ты знаешь, как попасть на Трабатор? Где он находится-то?

Малютка Бегунок сказал. Заказав говоруну выпивку за свой счет, Ричард Норман покинул ресторанчик.

Через десять дней Ричард Норман сошел с борта космического лайнера, совершившего посадку на Трабаторе. Спутниками Нормана было немало старателей, так что к окончанию пути он уже имел представление, о трилистнике, о семечке трилистника и некоторых порядках, заведенных на планете трилистника.

Уникальной особенностью семечка трилистника, обусловливавшей всю его ценность, являлась способность преображать тело человека, съевшего его (и не только тело человека: на представителей семи гуманоидных рас семечко трилистника оказывало схожее воздействие). Изменения, происходившие в теле человека, съевшего семечко трилистника, были столь велики, что этот человек отныне так и назывался: ПРЕОБРАЖЕННЫЙ. Преображенный мог находиться в среде с температурой 100 градусов выше нуля по Цельсию или пятьдесят градусов ниже нуля без ущерба для своего здоровья и сохраняя почти обычную подвижность; кожа Преображенного выдерживала радиацию подобно скафандру ВЗ, высшей защиты; мышечная сила Преображенного и его выносливость в несколько раз превышали силу и выносливость хорошо тренированого бойца; только большие дозы смертоносных ядов, в десятки раз превы-

шавшие средние смертельные, могли вывести Преображенного из строя. И по всем другим параметрам физические возможности Преображенного значительно превосходили физические возможности нормального человека. При этом внешность своего избранника семечко трилистника не меняло, однако, если семечко проглатывал пожилой человек, к нему как бы возвращалась пора зрелости, он начинал выглядеть не старше сорока-пятидесятилетнего. Внешние дефекты семечком трелистника также успешно устранялись.

Высокая потребность в тех благах, которые несло семечко трилистника, с одной стороны, и его большая редкость, с другой стороны, диктовали высокую цену. Преображенных трилистником нанимали в охрану большие боссы, в них испытывали постоянную нужду спецслужбы, наконец, большой спрос на семечки трилистника обеспечивался тем, что среди состоятельных людей имелось немало желающих омолодиться и не то что укрепить свое здоровье, но перевести его на иной качественный уровень, предоставляемый семечком трилистника.

Поскольку семечки трилистника бледноцветного имели столь уникальную ценность, торговлю ими монополизировало государство. Трабатор принадлежал Земной Империи, стало быть, оборот семечек трилистника находился в ведении казначейства Земной Империи. Старателям предписывалось сдавать найденные семечки в расположенный на Трабаторе филиал казначейства по строго определенной цене, пятьдесят миллионов кредов за штуку. На официальном рынке семечки продавались по сто миллио-

нов кредов за штуку, на черном рынке разброс цен был большой, просили от шестидесяти до девяноста миллионов кредов за штуку.

Ричард Норман покинул пассажирский лайнер с тремя сотнями кредов в кошельке — это было все, что осталось у него после приобретения билета до Трабатора. Сто кредов он заплатил за старательскую лицензию (выдача лицензий была организована прямо в космопорту), затем, хмурясь, выслушал нудную скороговорку клерка, расписался в толстом журнале и вышел в город законопослушным старателем.

В те времена семечко трилистника искали не особо мудрствуя, как ищут грибы в сухую погоду, делая ставку на упорство. Старатели проникали в дебри папоротникового леса, забирались далеко в горы, спускались в глубокие расселины, исследовали запутанные пещеры-лабиринты. На Трабаторе трилистник рос повсеместно, так что и семечко трилистника можно было найти где угодно.

Ричард Норман решил поискать семечко трилистника на вершинах древних гор. Наверное, близость к небу горных вершин сочеталась в его сознании с величием его мечты и трудностью ее осуществления.

Из оставшихся у него двухсот кредов половину он потратил на приобретение альпинистского снаряжения. Пройдя короткий инструктаж в магазине, Норман отправился в горы. То есть он отправился к ближайшей горе, совсем рядом с городом. На нее он положил глаз с первых же минут своего пребывания на Трабаторе.

Норману было невдомек, что все горы в округе регулярно прочесывались старателями на гравилетах, снабженных мощными оптическими системами. Не

заметил он и перемигиваний продавцов, всучивших ему залежалый товар, за последние три года они не продали ни одного альпинистского комплекта, желавшие попытать счастья в горах покупали различные грави-установки и на грави-тяге забирались как угодно высоко.

Четыре дня ушло у Нормана на восхождение. За это время не раз и не два к нему подлетали молодчики на гравилетах. Одни смеялись, стараясь приблизиться к нему так, чтобы он мог видеть их сальные лица; другие предлагали ему бросить валять дурака и воспользоваться их любезностью (они посадят его в свою машину и опустят вниз); третьи, самые игривые, зеркальцем пускали ему солнечного зайчика в глаза или выдумывали еще что-нибудь ради смеха. На исходе четвертого дня Норман перевалился через самый верхний каменный карниз. Он был на вершине горы.

Трилистник рос и здесь, только тонкие волоски куда обильнее покрывали его листья, похожие на трехпалые лапы, нежели листья трилистника, росшего внизу. Норман с бьющимся сердцем стал шарить взглядом по зеленой ботве, особенно внимательно всматриваясь в цветоножки, так назывались толстые зеленые стебельки, заканчивавшиеся утолщением, на котором в минуту откровения и появлялось семечко трилистника.

Сделав всего несколько шагов, Норман увидел на одной из цветоножек блестящую коричневую «шапочку».

Норман ничуть не растерялся. В глубине души у него была уверенность, что на вершине горы он непременно найдет семечко трилистника. Вот если

бы он не нашел семечко, тогда бы, наверное, его отчаянию не было предела. Но ведь он нашел его. Нашел!

Он сковырнул семечко с зеленой цветоножки и сжал его в кулаке.

Итак, у него в кулаке сто миллионов кредов. Правда, из этой суммы ему причитается только половина, если же он сумеет продать семечко подпольному торговцу, немного больше половины. Норману пришло на память предостережение клерка, вручившего ему лицензию старателя. Любезный клерк несколько раз повторил, что участников незаконной сделки с семечком трилистника ожидали десять лет каторги на болотах Нивьеры, кишащих гигантскими москитами, а семечко конфисковывалось.

Вообще-то и пятьдесят миллионов кредов получить совсем неплохо. Только как вот опуститься вниз?

Норман посмотрел вниз, и у него закружилась голова.

Привлечь к себе внимание какого-нибудь гравилетчика, пусть снимет его отсюда? А если гравилетчик каким-то образом догадается, что он нашел семечко трилистника, разве гравилетчик сумеет удержаться от алчных и злобных мыслей?

В конце концов, не последнее же это семечко трилистника на Трабаторе!

Норман быстро, чтобы не передумать, сунул коричневое семечко себе в рот.

Через пять минут он уже опускался вниз. Надо же, восторгался он, как это может быть легко, опускаться вниз по почти отвесной скале. Его мышцы не чувствовали усталости, тело казалось невесомым. В веревке не было необходимости, не говоря про

другие альпинистские приспособления. За время спуска он дважды падал в бездну, удерживаясь на скале в самый последний момент. Эти падения казались ему прохладным ветерком для его души. Норман знал, что даже в самом худшем случае результат его падения был бы тот же, каким он был бы, будь Норман пылинкой, смахнутой со стола,

Новость о том, что безвестному старателю улыбнулось счастье, разнеслась по городку еще до того, как Норман опустился на землю. Гравилетчики обо всем донесли: заметив человека, спускавшегося с горы так дьявольски ловко, они живо смекнули, что произошло. Не успел Норман преодолеть и половины спуска, как у того места, где его спуску предстояло завершиться, собрались старатели, репортеры, местные шалопаи. Полицейские тоже не оставили новость без внимания.

Дать интервью прессе Норману не удалось: как только он ступил на землю, полицейские окружили его двумя рядами. Норман не сделал ни единого резкого движения, тем не менее в его тело впилось три десятка снотворных игл.

Очнулся Норман в камере-одиночке. На его руки и ноги были наложены прямо-таки средневековые оковы. Наручникам полицейские не доверились, помятуя о том, что они имели дело не с простым человеком, а с Преображенным трилистником.

На другой день Норману предъявили обвинение: вместо того, чтобы сдать семечко в казну, он беззаконно съел его, тем самым лишив казну пятидесяти миллионов кредов комиссионных.

Судебная волокита тянулась месяц. Казалось, преступление Нормана было налицо, но не все ду-

мали так. Да, закон обязывал передавать найденные семечки трилистника в казну, однако ответственность предусматривалась лишь в случае продажи старателем семечка на сторону. Такая ситуация, чтобы старатель съел семечко трилистника сам, в законе вообще не рассматривалась. Составителям закона не пришло в голову, что кто-то был способен отказаться от десятков миллионов кредов ради не очень-то нужных в повседневной жизни способностей. Действительно, некоторые проглатывали семечко и становились суперагентами служб охраны или государственных спецслужб, но проглатывали они не то семечко, которое сами нашли, и не то, которое сами купили, а то, которое было куплено для них государством или каким-нибудь миллиардером.

После продолжительных дебатов в суде Норман все же был освобожден «за отсутствием в его действиях состава преступления».

Выйдя из тюрьмы, бывший мусорщик отверг лестные предложения наняться в супериспытатели или в супертелохранители. Обновив свое альпинистское снаряжение, он отправился в горы.

Четыре месяца Норман лазил по горам, с успехом штурмовал неприступные для заурядного альпиниста вершины, и все без толку. Разговоры об его удаче постепенно стали смолкать. Однажды у Нормана, с пустыми руками спустившегося с горы, не выдержали нервы. Он в ярости кинулся топтать росшие вдоль обочины кусты трилистника бледноцветного, он вырывал растения с корнем, разрывал зеленые стебли руками, неистовствуя. И вдруг перед самыми глазами он увидел коричневое зернышко трилистника бледноцветного.

Поборов искушение сунуться к подпольному торговцу, Норман отнес зернышко в казначейство. Экспертиза заняла три дня, после чего удачливому старателю выдали чек на пятьдесят миллионов кредов.

За пятнадцать миллионов кредов Норман купил новенький космический лайнер и нарек его «Ричардом Норманом». Совершив покупку, Норман с Земли прямиком отправился на Гестию — на собственном корабле, разумеется.

На Гестии он выяснил, что суммарный капитал тех надменных Норманов, что так бесцеремонно обошлись с ним в космопорту Плутона, не превышал тридцати миллионов кредов. Ричард Норман ударился в бизнес. Успех сопутствовал ему и здесь, а главное, он сумел за пять лет разорить своего основного конкурента, Арчи Нормана, дотла.

Когда Арчи Норману стало ясно, что, промедли он, и долговой тюрьмы ему не избежать, он решился удрать с Гестии. В порту стоял его заложенный-перезаложенный лайнер «Ричард Норман», который должен был через несколько дней отойти банку, однако, пока что все считали лайнер его собственностью, и Арчи Норман со своей женой кинулись в порт.

Через портовые пропускные пункты Норманы прошли без затруднений. Они уже подходили к лайнеру, и тут у Арчи Нормана упало сердце: рядом с его лайнером опустился полицейский гравилет.

Вышедший из гравилета страж порядка, лениво катая во рту жевательную резинку, дождался, пока Норманы доплетутся до него, и пробасил:

— Этот корабль не может покинуть порт, мистер.

— Что за шутки! Это мой корабль, я распоряжаюсь...

— Предметы залога должны оставаться на Гестии, таков закон.

Арчи Норману терять было нечего (во всяком случае, так ему показалось), и поэтому он замыслил пойти на тягчайшее правонарушение. Раз этот полицейский не догадался прибыть в космопорт на пару минут позже, что ж, тем хуже для него.

Норман вынул из кармана радиотелефон и быстро набрал номер. Услышав отзыв, он рявкнул в трубку:

— Курт, ты? Помоги мне!

Немедленно входной люк лайнера отодвинулся, и на трапе показался Курт Олгви, капитан корабля «Ричард Норман», старейший служащий и доверенное лицо Арчи Нормана.

Арчи Норман потащил свою леди к трапу в обход полицейского. Курт Олгви имел представление, в каком положении находился его хозяин, более того, накануне Арчи Норман прорабатывал со своим капитаном план побега, так что ситуация никак не могла удивить капитана «Ричарда Нормана». Арчи Норман каждую секунду ждал выстрелов: если бы полицейский вздумал силой воспрепятствовать его побегу, верный Курт обязан был усыпить полицейского парой снотворных игл.

Полицейский загородил дорогу беглецу;

— Туда нельзя, мистер Норман.

«У Курта, что, игломет заело?» — раздраженно подумал Арчи Норман и взглянул на капитана лайнера.

В руках у Курта Олгви никакого оружия не было, он и не думал стрелять в полицейского. Кровь бросилась Норману в лицо: Курт Олгви, верный Курт,

предал его. И все же банкрот не разразился бранью, подходящие словечки замерли у него на устах: только сейчас он разглядел человека, выдвинувшегося из-за спины капитана космического судна, человека, которого он поначалу принял за рядового члена экипажа.

Гельвеция, супруга Арчи Нормана, с силой сжала руку мужа-неудачника: и она узнала этого человека.

Ричард Норман стал медленно опускаться по трапу. Он торжествовал. Чтобы устроить эту сценку, ему пришлось потрудиться. Прибыв в космопорт затемно, больше часа он убеждал Курта Олгви в совершенном финансовом крахе Арчи Нормана и бесперспективности его поддержки. Окончательно убедить Олгви в своей правоте Ричарду Норману удалось при помощи пачки новеньких ассигнаций. Затем бывший мусорщик сел на телефон, каждый шаг Арчи Нормана отслеживался его людьми, действия которых координировались с действиями полиции.

— Вы свободны, сержант, — бросил Ричард Норман полицейскому, заканчивая свой триумфальный спуск. Козырнув, тот зашагал вразвалку к полицейскому гравилету.

Каменея лицом, Преображенный трилистником долго разглядывал стоявшего перед ним бывшего богача, бывшего сильного человека. Арчи Норман с потерянным видом зябко вздрагивал, гордость не позволяла ему просить о снисхождении, да и о чем он мог бы просить человека, возвышавшегося над ним? Разве Ричард Норман разрешил бы ему покинуть Гестию на лайнере, который через четыре дня должен был перейти в собственность банка, чьим владельцем являлся Ричард Норман?

Гельвеции не было дела до расчетов мужчин. В противоположность своему мужу, она воспрянула духом, узнав в человеке, появившемся рядом с капитаном, Ричарда Нормана, того самого работягу с Плутона. Мгновение, и она обхватила его руку холодными ладонями с мольбой:

— Сэр, если у вас есть сердце, помогите нам... Мы не родные, да, но ведь мы Норманы... Сэр, помните, я помогла вам тогда...

— Это вы о тех нескольких кредах, мэм?

Миссис Норман смешалась.

Вырвав свою руку из ее тисков, Ричард Норман сказал:

— А пожалуй, вы правы. Норманы должны помогать друг другу. Так и быть, мистер и миссис Норман, я позволю вам покинуть Гестию. И даже передам вам в пользование этот корабль. Только сейчас произведем одну операцию.

Норман сказал несколько слов в трубку радиотелефона, и к лайнеру подлетели три неуклюжих гравилета-ремонтника, приписанных к порту. В считанные минуты название корабля было смыто специальным растворителем, после чего рабочие нанесли на обшивку корабля новую надпись: «Ричард Норман».

— Только этот не тот Норман, не ваш отец, — пояснил Ричард Норман, обращаясь к Арчи Норману. — Этот Ричард Норман — это я, вот так. Не вздумайте ничего сделать с надписью. Теперь прощайте.

Несмотря на недвусмысленный жест Преображенного, Арчи Норман не шевельнулся. Он вышел из состояния оцепенения только, когда жена потя-

нула его за рукав. Старческой неуверенной походкой он проследовал за Гельвецией на борт лайнера.

Сомкнувшись за кормой «Ричарда Нормана», небо отразилась в глазах бывшего мусорщика второй раз за его жизнь.

Дав убраться поверженному недругу, Норман ощутил пустоту в груди. Он был богат, он мог удовлетворить самые вздорные свои желания, но что с того? Не богатства он искал в жизни. А что же ему было нужно от жизни, что?..

Несколько недель Норман провел в тягостном безделье. У него было все, что только мог пожелать себе человек, кроме одного — цели. И цель себе он в конце концов избрал.

Никому еще не удавалось найти семечко трилистника трижды. Норман задумал совершить рекорд: трудность поиска семечка была достойным соперником силе его воли.

На собственном корабле Норман отбыл на Трабатор.

Пять лет Норман прочесывал тростниковые и папоротниковые леса, опускался в пропасти, карабкался на вершины гор. Случалось не раз, что он предавался буйству, подобному тому, давнему, когда второе семечко трилистника возникло перед ним. Между тем семечко все никак не попадалось ему на глаза. Судьбе как будто вздумалось указать Норману на то, что он — ничтожество, а вот она, судьба, может повернуть, как хочет. И чем дольше длились его поиски семечка, тем больше возрастало в нем желание найти, наконец, семечко.

Однажды Норман набрел на долину, всю заросшую трилистником. Эта долина отнюдь не была ка-

ким-то неизвестным, незнакомым людям местом: взору Нормана предстали спины сотен старателей, высматривавших заветное семечко. Над долиной низко летали десятки гравилетов, на которых были установлены специальные поисковые приборы (полученная информация проходила компьютерную обработку, в случае обнаружения семечка компьютер немедленно подавал сигнал). До этого Норман сторонился людских скопищ, теперь же он подумал: а почему бы нет? Может, именно в этой долине где-то пряталось его счастье.

Через час поисков Норман громко захохотал и распрямился в полный рост. В руке у него было что-то темное.

— Вот оно, семечко! — крикнул он. — Я нашел его, все-таки нашел!

Старатели стали распрямлять спины один за другим. Не сговариваясь, они двинулись к счастливчику — кто бегом, кто неровным шагом, — и многосотенной толпой окружили его.

Вообще-то, в местах, пользующихся вниманием старателей, власти устанавливали полицейские посты, однако в этой долине полицейских не было. Трудно сказать, были ли тому объективные причины, или единственной причиной такой непредусмотрительности была безответственность чиновников.

Позже полицейские все же заглянули в эту долину, но установить, кто же стрелял в тот день, им так и не удалось.

Выстрелом из лучемета шея Ричарда Нормана была рассечена наискось. Десяток смертоносных игл не смогли бы умертвить его, Преображенного три-

листником, но против струи плазмы даже его сверхплоть не смогла устоять.

Тело Нормана и его голова упали на трехпалые растения. Старатели кинулись к трупу как свора гончих кидается к оступившемуся оленю. Смерть, безусловно, не остановилась бы, прибрав единственный колосок, если бы в развитии ситуации не произошел неожиданный поворот.

Один из старателей, самый шустрый, сумевший добраться до кулака Нормана раньше всех, яростно забранился. Тут все увидели, что предмет, извлеченный этим шустряком из руки Ричарда Нормана, был всего-навсего коричневым камнем, который за семечко трилистника можно было принять только сослепу.

Так зависть слепит глаза, лишает разума. Эти свойства зависти общеизвестны, удивительно, отчего Ричард Норман, всякого насмотревшийся в жизни, рискнул устроить столь неуместную шутку, поднять с земли камень и объявить во всеуслышание, что он нашел семечко трилистника. Уж не было ли это своеобразным способом самоубийства?

Старатели не стали рассуждать о причинах странного поведения одного из них. Как только истина вышла наружу, одни, питавшие надежду в этот день, наконец, заполучить семечко, разочарованно и злобно завыли, другие, а таковых оказалось большинство, с облегчением перевели дух. Составлявшие большинство старатели быстро смекнули, что сбыть такое семечко, добытое через кровь, было бы очень непросто, не менее трудно, чем отстоять свое богатство в окружении двуногих хищников.

Однако же, от трупа лучше держаться подальше, спохватились и те, и другие. Спустя короткое время рядом с обезглавленным Норманом остался только один человек, жалкий неудачник Том Горемыка. Ему-то и досталось семечко трилистника бледноцветного. Это семечко возникло на его глазах: над одной из цветоножек воздух сгустился, миг — и в этом месте затрепетали коричневые лепестки, которые немедленно сжались в семечко счастья.

У Тома Горемыки хватило смекалки не поднимать шума. Спустя неделю он благополучно сбыл семечко перекупщику, минуя казну, за шестьдесят миллионов кредов. На этом счастливая полоса для него кончилась, последующие события явились печальным подтверждением правильности его прозвища: разбогатевший в одночасье бродяга заплыл жиром на ресторанной кухне, обрюзг, заблудился между аперитивами и десертными винами, спился окончательно и умер от апоплексического удара после очередного возлияния.

Таков конец истории о Ричарде Нормане, мусорщике, и семечке трилистника, но этим концом не ограничивалась ее глубина. Вскоре после гибели Ричарда Нормана выяснилось, что в случае, если убийство старателя происходило в момент, когда семечко трилистника находилось в его руке, семечко теряло свои необычайные свойства и на глазах ссыхалось, превращалось в нечто похожее на камень вулканического происхождения. Для многих это открытие послужило бесспорным доказательством того, что Ричард Норман в далекой долине все же нашел семечко трилистника. Это оно, семечко, было в его руке, а не поднятый с земли камень, он и не думал

шутить со старателями. Так Ричард Норман был назван молвою единственным, кому семечко трилистника далось трижды.

Молва молвою, но было ли так? Правду знали только сам Норман да еще трилистник, но никто не слышал ни разу, чтобы трилистник заговорил, а мертвого Нормана нет смысла о чем-либо спрашивать.

Захлопнув книгу, Джонни всякий раз думал не о странности людских судеб и не о том, каким глупцом был Норман, с таким усердием тешивший пустую гордость. Раз Норману удалось трижды, или, если не считать сомнительности третьего раза, дважды найти семечко, рассуждал Джонни, верно, в подходе Нормана к поиску семечка было то, что неплохо было бы уяснить. Но где оно, что оно есть, дважды принесшее Норману удачу?..

До Трабатора Джонни так и не решил для себя эту загадку.

Когда он вышел из главного здания космопорта «Альпийский» в город, он поразился. Везде, где не было асфальтового покрытия, рос трилистник – вдоль пешеходных дорожек и электромобильных дорог, у оград домов, и даже в клумбах вместе с красивыми красными и синими цветами, хотя там, должно быть, его пололи как сорняк. Или это не трилистник? Джонни окликнул человека в форме служащего космопорта. Оказалось, он не ошибся, вокруг рос тот самый трилистник бледноцветный из легенды о Ричарде Нормане.

Но если это трилистник, почему же не видно охочих до семечка, почему же не видно, чтобы кто-то ползал между островками сочной зелени с протертыми на коленях штанами, высматривая свое счастье?

Вероятно, подумал Джонни, старатели искали свое счастье далеко за городом – в девственных лесах, в горах, в каменистых пустынях. Но до сих пор не была найдена какая-нибудь статистически значимая закономерность, где следует искать трилистник, так почему бы его не поискать на улицах города? Что толкало людей тащиться на край света в поисках семечка, тогда как трилистник рос буквально у порога? Была ли это интуиция, или в основе этого лежала слепая вера в то, что в чужом краю все лучше, и кусок слаще, и семечки трилистника попадаются на каждом шагу?

Или он не видит старателей на улицах города, потому что уже никто этим промыслом не занимается? Кто его знает, может, трилистник в последние годы вообще перестал производить семечки, тем самым сделав поиски безнадежным занятием.

Джонни передумал брать таксолет. Он двинулся по улице с желанием встретить что-то, что вдохнуло бы в него веру в успех его предприятия.

Вскоре он убедился, что его опасения были напрасны, старательский промысел на Трабаторе ничуть не был свернут, а значит, усердие старателей время от времени приносило желанные плоды. Свидетельством этому было процветание околостарательского бизнеса, о чем ясно говорили

попадавшиеся на каждом шагу рекламные щиты: «Вы хотите найти семечко? Медитация повысит ваши возможности в десятки раз», «Страхование старателей», «Комплектование старательских артелей», «Все для старателей», «Новейшие и эффективнейшие медитативные приемы для старателей».

Джонни пришел на память один раздел из книги, подаренной ему мистером Деллом, в котором перечислялись способы, используемые на Трабаторе старателями настоящего времени. Помимо древнейшего способа, когда вооружившийся терпением старатель лазил в зарослях трилистника с утра до вечера, в поисках семечка использовались медитативные приемы; некоторые старатели изучали специальные молитвы, будто бы способные пробудить семечко; иные же, ученого склада, пытались воздействовать на трилистник различными излучениями и раздражающими веществами. Фирмы, предлагавшие обучать тому или иному способу поиска семечка, конечно, уверяли в эффективности своего способа, но было ли это так? В одной сказке королю, любителю драгоценностей, мудрецы предложили несколько способов, как собрать звезды в мешок, однако почему-то никто из мудрейших не догадался воспользоваться собственным способом.

Впрочем, найти семечко трилистника и сорвать с неба звезду – вещи по возможности своего осуществления неодинаковые, вспомнил Джонни о тех немногих счастливчиках, которым все-таки удавалось найти на Трабаторе семечко трилистника бледноцветного.

Один из рекламных щитов нижней планкой касался земли. На этом щите красовалась реклама «технических новинок», предлагаемых старателям некой торговой фирмой. Перечень этих «новинок» растянулся через весь щит из конца в конец. Бегло пробежав его глазами, Джонни увидел у самой земли, где ее касался щит, несколько розеток трилистника.

Джонни сосредоточил взгляд на одном из растений. От корня отходили солнечными лучами трехлопастные листья, давшие название растению: три налитых соком стебля достигали пояса взрослого человека; на стеблях попарно сидели зеленые цветоножки, на которых и являлось семечко старателю.

Внезапно безоглядная детская вера в чудо розовой дымкой затуманила разум Джонни. Вот сейчас оно возникнет перед ним, семечко трилистника... Он нагнулся, всмотрелся в зеленую цветоножку. Сейчас над ней загустеет воздух, и в его клубах затрепещут лепестки цветка, чудесного цветка, а потом...

Нет, так и не появился коричневатый цветок, Джонни ждал его пока не затекла поясница, потом медленно распрямился.

И пошел искать гостиницу.

Он остановился в «Первой удаче», в средненьком номере за три креда в сутки, тридцать кредов вперед. «Будете искать семечко, сэр?» – спросил портье с улыбкой, выдавая ключ. «Сэр найдет семечко», – заверил Джонни к пошел к лифту.

Ему нужно как можно больше узнать о Трабаторе, подумал Джонни, устраиваясь в номере,

ведь семечко так просто не найдешь, кто его знает, сколько ему придется находиться здесь. Остаток дня он уделил просмотру стереовизионных передач – развлекательные он не смотрел, его интересовали только информационные.

«На Трабаторе старателю рады все», – с этой фразы начинался каждый выпуск местных новостей. И об этой радости трабатийцы старались заявить как можно громче, в чем Джонни убедился в первый же день своего пребывания на Трабаторе. Все каналы стереовидения были заполнены разнообразной рекламой, по большей части незамысловатой, типа отслюнявливания банкнот на фоне жизнеутверждающей фразы: «Это дал мне Трабатор!» или рассуждений удачника: «Вот уж не думал, что мне повезет. Сколько раз не везло, а тут...» Немало было и скрытой рекламы старательского дела. Речь экономиста: «Официально регистрируется по десять находок семечка ежегодно. А сколько семечек минует официальные каналы, а, друзья? (Доверительный смешок.) По расчетам нашего центра, от семидесяти до ста семечек трилистника ежегодно вывозятся с Трабатора нелегально. Теперь подумайте сами, такое ли уж это безнадежное дело, поиски семечка, как в том уверяют лентяи и нытики».

Пробежав по стереовизионным каналам, Джонни узнал некоторые детали околостарательского бизнеса. Избравшим медитативный путь поиска семечка свои услуги предлагали более ста школ медитации, из которых большинство принадлежало человекообразным уроженцам Данто-са, планеты системы Альфы Центавра. Дантий-

цы обладали особой врожденной способностью волевым усилием отрешаться от действительности. Тексты молитв, якобы способных побудить трилистник к порождению семечка, предлагались как отдельными «святыми отцами», так и сектами, и даже Церковь Будущего Завета, являвшаяся проводником официальной земной религии, не избегла этой суеты. Многие фирмы торговали маршрутами, следуя по которым будто бы скорее всего можно было найти семечко. Немало фирм занималось комплектованием старательских артелей: тут и подборка снаряжения, и выбор маршрута, и расчет психологической совместимости старателей в группе.

Какой же путь избрать? – задался Джонни вопросом, отключив стереовизор. Вступить в какую-то артель? Естественно, когда семечко ищут несколько человек, вероятность его нахождения в несколько раз возрастает. Но, найдя семечко, старатели всегда продают его, да иначе его и не разделишь. Однако Джонни не нужны были деньги за семечко, ему нужно было семечко, причем все семечко целиком. Выучить какую-то молитву? Если трилистник способен слышать, вряд ли для него важно, какие именно слова и в какой последовательности произносились, ведь в молитве главное – чтобы слова мольбы исходили из самого сердца. При надобности он, Джон Голд, и без посторонней помощи найдет слова для мольбы. Заняться медитацией? Но разве он сможет часами отрешенно строить какие-то иллюзии, возводить воздушные замки, позабыв о Лоле?..

Единственный путь вырисовывался перед

Джонни – путь одинокого старательства, путь терпения и лишений.

Итак, он будет искать семечко один, подытожил Джонни. В таком случае, почему бы ему не начать искать семечко прямо сейчас и здесь, в Нью-Канторе, столице Трабатора, благо трилистник рос повсюду как сорняк?..

И Джонни начал искать семечко. Он вставал рано утром и до вечера бродил по городу, заходил на пустыри, там трилистник рос стеной, присматривался к растениям, росшим на обочинах. Вскоре он убедился, что старатели отнюдь не игнорировали городской трилистник, немало типов с потерянными лицами и пустыми глазами шаталось по улицам и закоулкам столицы Трабатора. Можно было подумать, что все, кого постигла неудача в горах и на полях Трабатора, стекались в столицу продолжать стараться. Завидя такого старателя, Джонни хмурился. Неужели и его глаза когда-нибудь станут похожи на погасшие уголья?..

Прошло две недели. За это время Джонни познакомился со всеми своими ближайшими соседями, чьи номера находились в том же крыле здания и на том же этаже, что и его номер. Среди соседей Джонни большинство были мелкие и средние торговцы, которых Трабатор интересовал лишь как место, где собирались существа со всей Галактики, чтобы тратить деньги на прихоть, называемую поиском семечка трилистника бледноцветного. Среди этого меркантильного «болота» ярко выделялись двое, два старателя, дантиец Ом и землянин Мак Ранкен.

Дантиец Ом пытался выйти на семечко посредством медитации, специфическим для его соплеменников способом. Как-то раз Джонни увидел его сидящим на земле неподалеку от гостиницы, и перед глазами у него качался ветром трилистник. Позже он пояснил суть своего метода: «Мне почти удалось стать этим трилистником, на нематериальном уровне, разумеется, и сделать этот трилистник собой. Потом, когда мы полностью сольемся, мне стоит только породить в себе семечко – и я увижу семечко перед своими глазами». Как понял Джонни, не алчность побудила Ома прибыть на Трабатор, но стремление самоутвердиться.

А вот землянином Маком Ранкеном управляло вполне прозаическое чувство, желание разбогатеть. Он был на Трабаторе во второй раз. Первый его визит закончился полным провалом, он растратил все свои деньги и был вынужден вернуться на Землю. На Земле напористому Ранкену удалось уговорить какую-то фирму, промышлявшую в видео-бизнесе, профинансировать его следующую поездку на Трабатор. Ранкен обязался поделиться с фирмой в случае успеха, а в худшем случае предоставить фирме подробный видео-материал о старательстве на Трабаторе, который послужил бы основой для создания соответствующего документального фильма. Сейчас Мак Ранкен занимался тем, что формировал старательскую артель и разрабатывал маршрут поиска семечка.

Словом, все окружение Джонни и происходившее с этим окружением были крепко связано с

трилистником и его семечком. При этом трилистник являлся для Джонни каждодневной обыденностью, тогда как семечко жило в мире мечты,

Находившись по городу за день в поисках семечка, к концу дня Джонни сильно уставал. Это была не столько мышечная усталость, сколько нервная, усталость от нервного паренапряжения. Сколько раз за день ему мерещилось семечко в зарослях трилистника! Сколько раз он досадовал, не обнаружив его там! Когда же начинало темнеть, ему оставалось с тоской думать, вот, мол, еще один день прошел впустую. Усталый, Джонни шел в ближайший ресторанчик поужинать.

Однажды в ресторанчике к нему подсел старичок – мятая шляпа, блестящие глаза, нос-мухомор в синюшных пятнах, подрагивающие руки. В ином месте сказали бы: «еще один собирает на чекушку», здесь же, на Трабаторе, старик являл тип старателя-неудачника. Но руки у него подрагивали, разумеется, не от старательского азарта.

– Чего надо? – буркнул Джонни.

– Я Пол Макер, с Земли. Ты тоже с Земли, сынок?

– Да. С Земли.

– Я так и понял, поэтому и подошел к тебе. Кто же еще поможет землянину, как не соотечественник?

Джонни полез за кошельком.

– Нет, нет, – с щербатой улыбкой бродяга придержал его руку. – Ты не понял меня, это я помогу тебе, а не ты мне. Ты ведь старатель, так? Я видел, как ты разглядывал трилистник у порога, в луже нечистот.

– Ты прав, отец, я ищу семечко трилистника.

– Значит, ты не откажешься узнать верный способ, как его найти.

Бродяга подождал, пока Джонни отреагирует.

– Говори, – бросил Джонни, зевнув.

– Этот способ вот в чем... Да, я забыл сказать тебе. Моя тайна стоит сто кредов.

Все же за кошельком Джонни пришлось слазить. Бросив на стол бумажку в один кред, он проговорил:

– Валяй, я жду.

Бродяга взял бумажку двумя пальцами и с сомнением повертел ее перед глазами. Посмотрев на собеседника, он, однако, не стал ни удивляться вслух, ни возмущаться.

– Так и быть, выложу тебе свой секрет почти задаром, – сказал бродяга. – помнишь историю про того парнишку, Ричарда Нормана? Ты, конечно, думаешь, что эта история про удачу, что все дело в удаче. Нет, я скажу тебе, нет! Эта история не про удачу, а про... любопытство. Кумекаешь? Старик постучал себя по лбу. – Путь к семечку трилистника, вот он: возбуди в трилистнике любопытство к себе, и трилистник выпростает на свет семечко, свой глаз... тут и хватай его! Норману следовало поступить в третий раз наособицу, не так как в первые два, тогда бы он и в третий раз положил к себе в карман семечко трилистника. Ну а что это такое может быть, чем привлечь внимание трилистника... Сам придумай, чем.

Джонни заинтересовался словами бродяги. В последнее время, когда день заканчивался и он

бросал последний взгляд на заросли трилистника, он все больше тревожился. Вдруг все бесполезно, семечко ему не найти? В эти минуты он почти всегда возвращался в мыслях к легенде о Ричарде Нормане, пытался разгадать ее загадку. Почему Ричарду Норману удалось дважды найти семечко? В чем был его метод выхода на семечко, не осознанный им самим? Вариант разгадки, предложенный бродягой, заслуживал внимания.

– Но трилистников на Трабаторе миллионы, если не миллиарды корней, – проговорил Джонни в раздумье, обращаясь не то к бродяге, не то к самому себе. – Раз Ричард Норман сумел удивить своим безрассудством одно из растений, когда он полез с плохоньким снаряжением на скалу, почему бы ему тем же самым образом не удивить и второе, третье растение?

– Он не мог удивить тем же самым приемом еще один трилистник, потому что трилистник на Трабаторе один, – отозвался бродяга. – Он один, только у него много тех, этих самых растений, которые мы видим. Поговори со старыми старателями, сынок, они тебе подтвердят, что я правду говорю.

Задумчивый Джонни передал бродяге честно заработанную бумажку достоинством в десять кредов.

На другой день Голд прошел на задний двор гостиницы, где среди роз и анютиных глазок росло немало трилистников. Когда он шел на задний двор, он думал, что найдет чем удивить трилистник, привлечь его внимание, когда же он увидел у самых своих ног зеленые розетки... Он не знал,

что и делать. Что ему, встать на голову, или начать кувыркаться, или еще что?

Нет, видно, его судьба – просто искать семечко. Искать, и все. Искать, верить и ждать.

Постояв, Джонни ни с чем ушел с заднего двора.

День прошел как обычно, то есть закончился безрезультатно, как и прошлые дни. В номер Джонни вернулся затемно. Когда он стал готовиться ко сну, в дверь постучали. Джонни пошел открывать,

За дверью стоял пожилой мужчина невысокого роста со смуглым лицом и печальными глазами, несомненно, землянин. На его руках, обнаженных до локтей, курчавились черные волосы,

– Мистер Джон Голд? – учтивым тоном спросил незнакомец.

– Да, это я, – сказал Джонни.

– Вы прибыли сюда искать семечко?

– Да. И что?

– Я не могу говорить в коридоре. Вы позволите мне пройти в номер?

– Пожалуйста, – разрешил Джонни после небольшой паузы.

Подождав, пока Джонни закроет за ним дверь, незнакомец сказал:

– Я хочу предложить вам одно предприятие, мистер Голд.

– Я вас слушаю, мистер...

– Мистер Спич.

– Мистер Спич. Что это за предприятие?

– Это касается семечка. Я знаю способ, как его получить. Вы можете...

– Если ваш способ надежен, почему бы вам самому не разбогатеть на продаже семечка? Воспользуйтесь своим способом, и...

– У вас не будет никаких материальных затрат. Я не предлагал вам купить мою методику – я предлагаю вам стать моим партнером, принять участие в моем деле, в деле добывания семечка.

– Ничего не получится. Партнерство подразумевает дележ, а я не хочу ни с кем делить семечко.

– Мое дело верное, так что мы сможем добыть два семечка, одно для вас, другое для меня. Вам хватит одного семечка?

– Да, мне хватит одного семечка. – Джонни заинтересовался. – Валяйте, рассказывайте, на что вы хотите меня подбить.

После минутной паузы Спич сказал:

– Трилистник любит смелых, тех, кто настолько бесстрашен, что способен пойти на любое безрассудство ради семечка. Вот вам тайна семечка, мистер Голд, тайна, над которой столько лет ломают головы: семечко дастся всякому, кто достигнет предела бесстрашия, возможного в нашей жизни.

– Значит, по-вашему, прояви я бесстрашие, и семечко...

– И семечко покажется вам. А там останется только сорвать его с цветоножки и положить в карман. Мы сможем взять с Трабатора по семечку, если поможем друг другу все это организовать.

– Что организовать?

– Вот это проявление бесстрашия. Вы думае-

те, это так просто, выказать перед лицом трилистника предельное бесстрашие?

– И как вы это себе представляете? – Джонни приготовился внимательно слушать.

В словах Спича ему почудилось рациональное зерно. Он и сам уже начинал думать, что только нечто чрезвычайное смогло бы дать ему в руки семечко трилистника. Правда, немало счастливчиков уверяло, что ничего особенного ими не делалось чтобы заполучить семечко, просто искали они его и нашли, но ведь они могли и скрытничать или не заметить особенное в привычном.

– Метод мой прост и непрост, – смуглолицый кашлянул, прочищая горло. – Нет ничего притягательнее вида смерти. Надо убить, чтобы увидеть семечко. («Ах, вот оно что», – подумал Джонни.) Убей, и вознесешься над миром. Только убийство должно быть необычным, иначе трилистник не заинтересовать. Да, да, я знаю, что вы скажете мне сейчас, многие пытались убивать, а прок вышел у единиц. Это потому, что убивали грубо, как мясники, трилистник же – материя утонченная, его без пикантностей не улестишь. Вот в этом и есть мой способ. Во-первых, она, то есть наша жертва, должна быть девственницей. Во-вторых, перед тем как убить, ее надо будет...

Какая-то сила подхватила Джонни, и то, что он делал дальше, куда более управлялось этой силой, чем его сознанием.

Джонни схватил Спича за воротник, раскрыл дверь, вытащил его в коридор, протащил его волоком один лестничный пролет, после чего, повинуясь непреодолимому желанию от Спича из-

бавиться, толкнул его в загривок так, что тот полетел вниз считать ступени.

Голд вернулся в номер. На другое утро он встретил в коридоре Мака Ранкена. Ранкен остановил его.

– Вчера тут крутился один тип, паук с волосатыми лапами, – сказал Ранкен. – Если он подойдет к тебе и попытается заговорить, сразу давай ему в зубы. Он из старателей-стервятников, слышал про таких? Они верят, что если на тот свет кого-то отправить, и чтобы рядом с трилистником это было, то сразу семечко увидишь. Короче, грязью занимаются, а распишут так, будто в святой воде зовет полоскаться.

– Мною этому пауку-стервятнику не полакомиться, – произнес Джонни.

Скитания по городу в этот день для Голда закончились так же безрезультатно, как и в предыдущие дни. Вечером, примерно в то же время, как и накануне, в дверь номера Джонни постучали. «Если это Спич, вызову полицию», – подумал Джонни, направляясь к двери.

ЧЕРЕДА СМЕРТИ

Дверь открывалась внутрь номера. Открывая дверь, Джонни почувствовал некое давление на дверь снаружи, как будто стучавший хотел, чтобы дверь открылась как можно быстрее, и в нетерпении помогал Джонни рукой.

Вместе с дверью в номер к Джонни ввалился человек, сидевший прислонившись спиной о дверь на полу в коридоре.

Красная лужа сразу бросилась Джонни в глаза.

Бог мой, не живой человек это был, а труп.

Джонни не пришлось теряться в догадках, чей это был труп. Он ожидал увидеть Спича, стервятника Спича, старателя, видевшего в кровавых оргиях единственно верный способ овладения семечком, – и вот он, Спич, валяется у ног Джонни, только не живой, а мертвый. Надо сказать, мертвец выглядел неважно. Шея у него была рассечена, что называется от уха до уха, обрубки сосудов и рассеченные мышцы вызвали бы приступ тошноты у кого угодно.

Не притронувшись к Спичу, Джонни вернулся в номер. Первым делом он позвонил в полицию, затем сообщил портье о происшедшем. У бедняги портье аж язык отнялся, и Джонни пришлось несколько раз переспросить, хорошо ли тому слышно.

Повесив трубку, Джонни подошел к двери и, стараясь не ступить в кровавую лужу, выглянул в коридор.

Не было похоже, чтобы Спича тащили по коридору: кровавой дорожки нигде не было видно. Спича убили у двери номера Джонни? Но если бы это было так, Джонни услышал бы какой-то шум, а он ничего не слышал. Да и, если бы убийство Спича произошло только что, Джонни застал бы его агонию, а ведь он увидел уже вполне состоявшийся труп. Скорее всего, труп подняли на этаж в мешке. Убийцы действовали быстро, что-

бы их не заметили, извлекли труп из мешка, посадили на пол спиной к двери номера Джонни, постучали в дверь. Постучав, убийцы немедленно удалились. Вот только откуда эта кровавая лужа? Или убийцы не только труп подняли на этаж в мешке, с ними была и банка с кровью?...

Подъехал лифт. Из лифта вышла и направилась к Джонни целая делегация: впереди – лысый старичок портье и управляющий гостиницей, кудрявый мужчина средних лет, позади них шагали три человека в униформе гостиничных служащих.

Управляющий гостиницей, мистер Оберс, представившись Джонни, поинтересовался:

– Так вы вызывали полицию?

– Да, я же сказал портье. Эй, что они делают?

Служащие, приблизившись, дружно взялись за труп и затащили его в номер Джонни. Ничьего соизволения они не спрашивали, убрав труп с видного места, они извлекли из карманов толстые голубоватые салфетки и принялись собирать ими кровь.

– Позвольте войти в ваш номер, мистер Голд? – спросил управляющий.

Они втроем вошли в номер Джонни – сам Джонни, портье и мистер Оберс.

Управляющий сказал:

– Возможно, нам не следовало бы в интересах следствия трогать труп, но, согласитесь, все же коридор гостиницы – не морг и не свалка. Вы не обратили внимание, мистер Голд, кроме вас еще кто-то из наших гостей видел ЭТО?

– В коридоре было пусто, когда я раскрыл дверь. А так... кто его знает.

– Я бы очень попросил вас не распространяться об этом. То есть полиции мы с вами обязаны рассказать все, а вот приятелям и приятельницам... Конкуренция в гостиничном бизнесе на Трабаторе очень велика, если про этот труп станет известно публике... Я понимаю, мистер Голд, что прошу вас пойти на определенные ограничения. Что вы думаете о том, чтобы перейти в номер более высокого класса без доплаты?

– Меня устраивает этот номер.

– Возможно, вы предпочли бы принять от администрации гостиницы компенсацию за вашу сдержанность в иной форме? Сто, двести, триста кредов? Назовите сумму.

– Успокойтесь, мистер Оберс, я не болтун.

– Значит, сделаем так: вы будете жить в этом номере сколько пожелаете за счет гостиницы.

– Это очень любезно с вашей стороны. – «Человек рвется расстаться со своими деньгами, зачем же ему мешать?» – подумал Джонни. – Надеюсь, я вас не разорю, не век же мне торчать на Трабаторе.

В номер без стука вошли четверо полицейских. Один из них козырнул:

– Лейтенант Шон. Что тут у вас стряслось?

Лейтенант, конечно, сразу заметил труп, и тем не менее обратился с вопросом к Оберсу. Мистер Оберс пустился в объяснения. Спич всему городу был известен, знал его и мистер Оберс. Разумеется, из гостиницы Спича всегда гнали. Неудивительно, что этот негодяй кончил перерезанным горлом. Зачем трогали труп? Иными словами, зачем убрали труп с видного места? Обязанность

Оберса – заботиться о репутации гостиницы. Если же он что-то нарушил, то готов заплатить штраф.

– Значит, вы, мистер Голд, первым увидели труп? – спросил Шон.

– Не знаю. Но как только я увидел его, я сразу позвонил вам.

Пока лейтенант Шон беседовал с Оберсом и Джонни, его спутники не бездействовали. Черные головки датчиков обнюхивали углы, мигали глазки приборов, красные и синие лучи лазеров-следопытов считывали информацию с окружавших предметов и заносили ее на нейротронные диски. Потом все хитроумные приборы были убраны в два маленьких чемоданчика, в большой чемодан на колесиках поместили труп. Чемоданы понесли и покатили к лифту.

Шон, к этому времени успевший задать Джонни несколько вопросов, предложил ему проехать в участок для более детального разговора.

В полицейском участке Джонни не много прибавил к сказанному ранее. Да и были у него со Спичем всего две встречи, первая – с живым Спичем, вторая – с мертвым. Беседа в участке для Джонни закончилась тем, что с него взяли подписку о невыезде из Нью-Кантора в течение десяти ближайших суток, после чего Шон подписал ему пропуск. «Довольно либерально», – думал Джонни, возвращаясь в гостиницу. В каком-нибудь другом месте его непременно упекли бы за решетку. Все же труп полицейские увидели в его номере. Вернее, либерализм тут не при чем. Его отпустили, потому что слишком уж никчемным человечишкой был этот Спич, чтобы всякого по-

дозреваемого в его убийстве немедленно заключать в тюрьму.

В холле гостиницы к Джонни обратился портье:

– Мистер Голд, мистер Оберс просил напомнить вам, что вы пообещали проявлять сдержанность.

– Я не болтун, я сказал уже. Что еще надо от меня мистеру Оберсу? Чтобы я у него на глазах отрезал себе язык?

В свой номер Джонни вошел с ощущением встретиться там с чем-то неожиданным. Но нет, на этот раз интуиция как будто подвела его: все вещи были на своих местах, и трупом не пахло.

Джонни разделся и лег в постель. Ему надо было бы сразу и заснуть, ведь большая часть ночи прошла, и завтра он должен был искать трилистник с семечком, а не слоняться по городу со слипающимися глазами. Убийство Спича мешало – будоражило, отгоняло сон.

Почему именно в дверь номера Джонни постучался убийца? Почему Джонни, а не кто-то иной, был избран убийцей тем, кто должен был сообщить об убийстве в полицию? Впрочем, возможно, вовлечение Джонни в это неприятное дело произошло совершенно случайно. Убийца даже не знал, кто живет в номере, к двери которого он привалил спиною труп. Все это – стук в дверь, труп у двери, – могло быть лишь жестокой шуткой убийцы. Убийца сделал так, предвкушая, как завизжит на всю гостиницу женщина, если дверь откроет она, мужчина же со страху непременно напрудит в штаны. Спич, темная личность, оче-

видно, общался со всякими маньяками, так что эта версия вполне имела право быть. Если же выбор двери убийцей Спича не был случайностью... Джонни не имел врагов на Трабаторе, да он почти никого и не знал на этой планете, как же могло получиться, что кому-то захотелось ввязать его в историю с убийством?..

Джонни заснул, словно в липкое болото провалился. Снов ему не снилось, проснулся он позже обычного. Ночной отдых и дневной свет притупили остроту впечатлений от происшедшего накануне. Теперь Джонни почти был уверен в том, что его недавнее свидание с трупом – чистая случайность.

После завтрака в ресторане при гостинице он собирался отправиться колесить по городу в поисках семечка. Надо же, как дело повернулось: еще недавно он ломал голову, что лучше: оставаться ли ему в Нью-Канторе или попытать счастья за городом, теперь же на одну головную боль у него стало меньше благодаря недавнему неприятному событию. Во всяком случае, в ближайшее время он не мог покинуть город, ведь он дал в полиции подписку о невыезде.

На Трабаторе, как и на Земле, было разрешено ношение иглометов с парализующими и снотворными иглами, под запретом находились только красные иглы, иглы с нанесенным на них смертельным ядом. Перед тем, как выйти из номера, Джонни не забыл опустить в карман игломет с полной кассетой снотворных игл.

Подойдя к двери, Джонни замер.

Из-под двери растекалась кровавая лужа.

Кровь Спича служащие гостиницы убрали с пола у него на глазах. Значит, это была другая, новая лужа крови.

Джонни рывком распахнул дверь.

Трупа нигде не было видно, зато ему бросилось в глаза другое: от лужи крови шли кровавые пятна к мусорной урне.

Джонни, стараясь не запачкаться, подошел к мусорной урне. Ах, вот оно что... Он вынул из урны расплющенный тюбик из-под красной краски.

Неподалеку хлопнула дверь. Мимо него проковыляла толстуха с маленькой сумочкой. Джонни блаженно улыбнулся ей. Увидев лужу, она вздрогнула и остановилась, посмотрела испуганно на Джонни. Тот непринужденно помахал пустым тюбиком. Толстуха недовольно хмыкнула, мол, что это еще за шуточки, и с надменным выражением лица направилась к лифту.

Джонни наклонился, взял на палец красного вещества и поднес к лицу. Несомненно, это была красная краска, а не кровь.

По телефону связавшись с портье, Голд попросил прислать к нему уборщика. Вскоре лысоватый мужчина с флегматичным лицом горького пьяницы насухо вытер пол у двери номера Джонни. Пятно, однако же, на месте красной лужи осталось.

В этот день Джонни никак не мог сосредоточиться на поиске семечка, мысленно он то и дело возвращался к обеим красным лужам, к Спичу и его трупу, появление второй красной лужи говорило о том, что первая красная лужа и труп Спича появились у двери номера Джонни не случай-

но. Кто-то заинтересовался им, думал Джонни, нащупывая игломет в кармане, и этот «кто-то» явно не относится к числу его доброжелателей.

Вечером, возвращаясь к себе в номер, Джонни в холле гостиницы повстречал Мака Ранкена. Тот, видимо, ожидал кого-то, прохаживаясь по холлу со скучающим видом.

– Привет, старик. – Ранкен с силой пожал Джонни руку. – Еще не решил, куда податься? Слушай, а не махнуть ли тебе со мной? Я подобрал неплохих ребят.

– Мне нужно все семечко целиком, – сказал Джонни.

– Ишь, какой жадный. И двадцатой доли семечка тебе хватит, чтобы обеспечить себя на всю жизнь.

Джонни вежливо улыбнулся. Семечко нужно ему, чтобы стать Преображенным трилистником, для чего он должен проглотить все семечко, а не одну кожуру. Объяснять это Ранкену он не стал. Тот вовсе не нуждался в его объяснениях.

– Смотри, как знаешь, – произнес Ранкен. – Имей в виду, мы покидаем Нью-Кантор завтра.

Тем более он не мог присоединиться к группе Ранкена, подумал Голд, дожидаясь лифта. Ранкен со своей артелью отправляется на поиски семечка завтра, а с него взяли подписку о невыезде.

Поднявшись к себе в номер, Джонни наскоро разогрел еду. Только он потянулся за ложкой, как услышал животный страшный стон, донесшийся со стороны коридора. Он кинулся к двери.

В коридоре никого не было – никого, кроме человека, лежавшего на полу. Не успел Джонни

сорваться с места, как кругом захлопали двери, так что Джонни добежал до лежавшего на полу человека далеко не первым.

То, что это Мак Ранкен, Джонни понял в первую же секунду, как только выглянул в коридор.

Затылок Ранкена был раздроблен. Из крошева костей и мозга сочилась кровь.

Истерично завизжали женщины. Кто-то побежал звонить в Службу Скорой помощи. Два или три сердобольца засуетились у тела, пытались делать искусственное дыхание, совали в рот Ранкену сердечные таблетки.

Джонни, приблизившись к Ранкену, не стал метаться и кричать. Будучи некогда неплохим квадистом, он повидал немало смертей на арене, раздробленные черепа были ему не в диковинку. Голду было известно, что когда вот так расползался мозг, никакая клиника, никакой врач не могут ничем помочь. Такого бедолагу, конечно, можно было бы подключить к аппарату «Сердце-Легкие», да что толку, это был бы живой труп без чувств и без мыслей. На такой случай многие квадисты, вступая в лигу, письменно оформляли распоряжение: «Если мне... прошу не использовать аппаратуру поддержания сердечно-легочной деятельности».

В квади-лиге считалось, что при таком ранении гуманнее всего помочь несчастливцу умереть. И помогали.

Вскоре оказалось, что медицина Трабатора не чуждалась гуманизма земной квади-лиги, прибывшие люди в белых халатах были категоричны: «Труп. Полицию вызвали?»

Кто-то побежал звонить в полицию, а кто-то стал уверять, что пострадавший еще дышит. Седовласый доктор внимательно вгляделся в лицо Ранкена, пощупал пульс, велел сделать какую-то инъекцию. После этой инъекции отпали всякие сомнения в смерти Ранкена.

Полицейские прибыли быстро. Джонни опять увидел лейтенанта Шона, видно, специализировавшегося на происходивших в этой гостинице происшествиях. На этот раз Шону не пришлось ворчать, что труп тронули с места: мистер Оберс, видя, что уже ничего не скроешь, самолично оборвал двух истеричек, призывавших перенести труп Ранкена с пола на стоявший в коридоре диван.

Расследование, проведенное лейтенантом Шоном по горячим следам, увы, не дало ему повода немедленно арестовать кого-то. Никто не видел, что раздробило череп Ранкена, все увидели его уже безжизненно растянувшимся на полу. Кто-то подал идею, что Ранкен поскользнулся на мокрой, только после влажной уборки, поверхности пола и при падении разбил себе голову без помощи чьего-либо злого умысла. Хотя все понимали, что заключение эксперта вряд ли подтвердило бы это, мистер Оберс громко объявил о своем незамедлительном распоряжении покрыть полы в гостинице специальным нескользким покрытием.

Удостоверившись, что сию минуту бежать по следу преступника не придется, лейтенант Шон переписал толпившихся в коридоре и велел всем разойтись по своим номерам, дожидаться его визита. Сейчас, только они закончат с трупом, он всех обойдет и переговорит с каждым.

Джонни ждал своей очереди говорить с офицером полиции больше часа. Шон как будто не торопился увидеться с ним с глазу на глаз. Не то полицейский не придавал особой важности их предстоящей беседе, веря в невиновность Джонни, не то тщательно пытался скрыть, насколько она для него значима. Впрочем, все это пустые домыслы, сказал себе Джонни, к чему ломать голову над тем, что должно вот-вот раскрыться.

Наконец появился полицейский.

– Второе убийство за одну неделю в одной и той же гостинице и даже на одном и том же этаже. Вряд ли это – случайное перекрещивание двух не связанных между собой цепочек событий, как вам кажется, мистер Голд?

– Вы можете продолжить перечень совпадений: добавьте, что оба убитых были мне знакомы.

– Оба были вам знакомы, но не с одним из них вы не были в ссоре, так ведь?

– Спича я прогнал, если хотите, можете назвать это ссорой. А с Ранкеном мы были хорошими соседями. За несколько минут до его смерти мы виделись в холле гостиницы и разговаривали вполне мирно, портье может подтвердить.

– О чем разговаривали? Вы должны понимать, мистер Голд, мои вопросы – не простое любопытство.

– Я вас понимаю. Ранкен предложил мне войти в его артель и сообщил, что завтра они отбывают из Нью-Кантора на поиски семечка.

– И вы?

– Я отказался. Знаете ли, мне нужно семечко целиком. Можете назвать это жадностью.

– Так, ясно. Мистер Голд, не слышали ли вы от Ранкена, что ему что-то угрожает? Не говорил ли при вас Ранкен, что он чего-то боится?

– Ничего такого я от Ранкена не слышал.

После минутной паузы полицейский сказал:

– Вы знаете, как со мной связаться. Если что-то вспомните, потрудитесь сообщить.

Полицейский ушел.

Джонни задумался. Оба трупа были обнаружены в непосредственной близости от него, вполне возможно, и оба убийства произошли рядом с ним, так не будет ли он следующей жертвой?..

Если предположить, что оба убийства как-то связаны с ним, продолжал рассуждать Джонни, значит, убийцей был один и тот же тип или одна и та же банда, но почему убийца (или убийцы?) выбрал жертвой таких разных людей, Спича и Ранкена? Спич был отвратителен Джонни, а Ранкену он симпатизировал, между тем рука убийцы настигла их обоих.

Устраиваясь в постели на ночь, Джонни положил игломет у изголовья.

Ночь прошла спокойно. Джонни проснулся полным сил, готовым встретиться с любой опасностью, – встретиться и, черт возьми, победить.

В ресторане он взял комплексный завтрак А-5. Комплекс для уроженцев Земли включал две свиные отбивные с грибным соусом, картофель, жареный на тресковом жире, большой кусок пирога с вишневым вареньем, тонизирующий безалкогольный напиток. Не успел Джонни испробовать свой завтрак, как к нему за столик подсел без всяких любезных околичностей старик Пол Маркер,

тот самый бродяга, продавший Джонни за десятку собственный секрет удачного поиска семечка: заинтересуй чем-то трилистник, он и выставит глаз-семечко, тут семечко и хватай.

На этот раз старик не пытался морочить Джонни голову дешевыми секретами.

– Пить хочу! – Он нагло вытаращил на Джонни красные воспаленные глаза.

– Хоть ты и старый человек, придется взять тебя за шиворот, – сказал Джонни. Для острастки он начал приподниматься, и старик тут же захныкал:

– Сынок, в горле пересохло, голова трещит... дай хоть глоточек...

Пол Маркер выглядел неважно: слезящиеся глаза, морщинистые руки в фиолетовых пятнах, подрагивающий в такт рыданиям кадык на худой шее. Джонни с отвращением кинул старику монету в полкреда. Маркер схватил монету, рассыпался в слюнявых благодарностях и заспешил к стойке.

Джонни думал, что отвязался от попрошайки и сможет спокойно позавтракать, да не тут-то было. Маркер вскоре вернулся к его столику с бутылкой в руке:

– Выпьешь со мной, а?

В другой руке Маркер держал две кружки, вероятно, взятые им со стойки, почти наверняка немытые. Откупорив бутылку, он плеснул дешевое пойло в одну кружку, потом в другую.

– Поехали!

Старик вылил содержимое кружки себе в

глотку и уставился на Джонни с ожиданием. Или Маркер принялся гипнотизировать стоявшую перед Джонни кружку, уже жалея о том, что налил Джонни, тем самым обделив себя?

Или старик совсем по другой причине вытаращил глаза?

Несомненно, тому была другая причина, стало ясно в следующую минуту, когда глаза у Маркера полезли из орбит и он повалился на столик. Маркер задергался в рвотных движениях, закашлялся, его вырвало на скатерть.

Пока Джонни подзывал официанта, Маркер упал на пол, цепляясь руками за скатерть и увлекая за собой все стоявшее на столе.

Когда старого забулдыгу перевернули на спину, он уже не дышал.

Происшествие привлекло внимание находившихся в зале, некоторые любопытные даже поднялись из-за своих столиков и подошли ближе. Метрдотель, пожилой мужчина с пышными бакенбардами, опередил их всех. Он живо скомандовал официантам убрать тело с глаз долой, сопроводив слова жестом, куда именно тело следовало убрать, после чего он обратился к зевакам:

– Принял лишнее дедушка, вот сердце и не выдержало. Не знал меры старичок.

Джонни зашагал за официантами, брезгливо понесшими тело старика к двери с надписью «служебный вход». Если бы Маркера можно было переместить, не дотрагиваясь к нему и пальцем, официанты, безусловно, воспользовались бы такой возможностью.

Перед тем, как пойти за официантами, Джонни поднял с пола бутылку, из которой Маркер налил себе и ему.

Оказавшись в служебном помещении, официанты бросили тело старика на пол. Несколько коротких ругательных фраз (никому не хотелось заниматься с трупом дальше) – и двое повернули назад, а третий, самый младший, потащил труп за ногу в конец коридора. Вошедшему в коридор Джонни официанты, возвращавшиеся в общий зал, не сказали ничего, только посмотрели на него недружелюбно.

Джонни дошел до конца коридора, там, за углом, он и увидел труп Маркера, брошенный мальчишкой-официантом у входа в подвал. Освободившись от неприятной ноши, мальчишка побежал на выход, бросив на Джонни быстрый взгляд.

«Зачем я потащился за трупом?» – спросил себя Джонни, глядя на безжизненное тело. Да, ему не хотелось, чтобы с трупом что-то сделали до прибытия полиции или чтобы труп исчез, но не стоило ли ему сначала вызвать полицию?

Послышалось негромкое покашливание. Джонни обернулся на звук. По коридору к нему приближался метрдотель, за которым шли два официанта.

Подойдя к Джонни, метрдотель спросил тоном, в котором сквозило неудовольствие:

– Это ваш приятель, сэр?

– Нет, но я хотел бы знать, отчего этот старик скончался. Вы вызвали полицию?

– Сразу же. Только, боюсь, полицейских вам придется ожидать долго. Не такой уж важной пти-

цей был Пол Маркер, чтобы они кинулись сюда сломя голову.

– Ничего, я подожду.

– Вы будете ждать здесь, у трупа? Не лучше ли вам вернуться в зал?

– Нет, спасибо.

– Как вам угодно, сэр. Сожалею, стула я вам предложить не могу, все стулья у нас заняты в общем зале.

Метрдотель со своими подчиненными удалился.

Полицейские и в самом деле прибыли нескоро. Старший в группе, рыжеусый сержант, выслушал Джонни не переставая катать во рту жевательную резинку. Бутылку, из которой пил Маркер, он небрежно сунул в полиэтиленовый пакет, после чего велел упаковать тело Маркера в специальный гроб-мешок. Несколько ловких движений, и полицейские повезли труп к черному выходу, через который можно было попасть на задний двор ресторанчика.

Джонни, ожидавший тщательного дознания, был разочарован. Сержанта он нагнал у труповозки:

– Извините, мне кажется, это убийство.

– Да. Бутылка – завзятый убийца.

– Вы не поняли меня. Понимаете, в этой бутылке, из которой пил Маркер, был яд. Там осталось на донышке. Понимаете, это уже третье убийство...

– Знаете что, мистер, обращайтесь со своими предположениями к лейтенанту Роже, 234-й полицейский участок. Он у нас ханыжками занимается, и этим тоже займется.

Труповозка, специально оборудованный электромобиль, покатила куда-то свой мрачный груз. Полицейские отбыли на служебном гравилете.

Джонни немедленно отправился в 234-й участок.

– Пол Маркер? – Бульдожье лицо лейтенанта Роже дрогнуло обвисшими щеками. – Бродяга Маркер, знаю такого. Я только что подписал бумагу на утилизацию.

– На...что?

– На утилизацию. Безродных бродяжек, если их смерть не носила насильственный характер, мы отправляем на фабрику утилизации городских отходов. Там оборудована специальная печь.

– Мне кажется его отравили. Я передал сержанту бутылку...

– Исследовали эту гадость, конечно. Очень много сивушных масел, а так ничего, пить можно. Вы же с ним пили и не отравились, сами видите.

– Я с ним не пил.

Лейтенант Роже уткнулся носом в какую-то бумажку, давая понять, что разговор окончен.

Джонни поехал в 77-й участок, к лейтенанту Шону. Роже занимался одними пьянчугами, немудрено, что он деградировал как полицейский, а вот Шон как будто был в неплохой форме.

По счастью Шон оказался на месте.

– Мистер Голд? Вспомнили что-то?

– Нет. Думаю, вам будет интересно услышать одну новость.

– Еще один труп?

– Вы догадались.

Джонни рассказал Шону все, что знал о Поле Маркере, начиная с их знакомства и кончая словами лейтенанта Роже про утилизацию.

– Это интересно, – резюмировал Шон. – Не беспокойтесь, я это не оставлю без внимания. – Он набрал код на панели видеофона. – Боб, один труп нужно вернуть с фабрики и на экспертизу отправить. Зовут Пол Маркер. Записал? Поезжай сейчас же. – Шон отключился.

– Нельзя ли позвонить на завод, сказать, чтобы там они с Маркером не поторопились? – спросил Джонни.

– Сегодня наш мусороперерабочик не работает, выходной.

– Понятно. А все-таки интересную игру они со мной затеяли, не находите? Кошке прямо-таки непременно нужно поиграться с мышью, прежде чем придушить.

– Вы хотите, чтобы я приставил к вам охрану? Иногда мы это делаем, но... фактов слишком мало, чтобы вам что-то угрожало, это домыслов много. Вам же лично писем с угрозами не подбрасывали? Не угрожали по телефону или видеофону? Вы же ни у кого на Трабаторе не урвали жирный кусок? Или вы мне не все сказали?

– Я сказал вам все.

– Может быть, вы имеете заклятых врагов на других планетах? В конце концов, космические расстояния покорны не вам одному.

Джонни вспомнил про Арагонское братство.

– Враги у меня есть, но... До Трабатора я не

замечал за собой никакой слежки. И на Трабаторе я не засекал за собой хвоста, если не считать хвоста этих убийств.

– Видите, мне не с чем идти к инспектору-опекуну. Мы не можем назначить вам охрану, мистер Голд.

– Шут с вашей охраной. Постарайтесь хотя бы найти убийцу.

– Это уж как повезет, но стараться будем.

Теперь, после этих трех убийств, убийце пора было заняться его персоной, рассуждал Джонни, выходя из участка. Интересно, что это будет, острая бритва, удар молотком по затылку или яд в стакан?

Собственно, а почему он думает, что теперь убийца займется им?

Потому что круг его знакомых на Трабаторе исчерпался? Но исчерпался ли?

Джонни порылся в памяти. Он сразу вспомнил гуманоида Ома, уроженца Дантоса. Вероятно, хорошими друзьями после нескольких любезных разговоров они еще не могли стать, но уж хорошими знакомыми они стали.

Очевидно, Ому угрожала опасность не меньшая, чем Джонни, так что его следовало предупредить.

Ом оказался у себя в номере. Джонни торопливо поведал ему о своих злоключениях, мельком посетовал на бессилие полиции, а потом заикнулся про опасность, которая, как ему казалось, над Омом нависла.

Дантиец остался невозмутимым.

– Странно, – проговорил он, рассматривая узор на стене. – Очень странно...

– Да, это странно, – согласился Джонни. – К чему им было убивать Спича, Ранкена и Маркера, вместо того чтобы сразу заняться мной?

– Я не про это. Странно, что ты так взволнован, Джон? Ты рассказывал, ты ведь несешь в себе дар Леру?

– А, дар бесстрашия... Я и сейчас смогу пройтись по узкому карнизу над пропастью, голова у меня не закружится. Верно, это бесстрашие, этот дар Леру, совсем не означает бесчувствие.

– То есть внутреннее спокойствие Леру своим цветком не дает, я так и думал. Как говорил один наш мудрец, великий Урозбак, сосуд своего спокойствия нельзя слепить чужими руками. Но я отвлекся. Так ты говоришь, мне следует быть осторожным? Спасибо за совет, я им воспользуюсь.

– У тебя есть оружие? Я могу дать тебе игломет.

– Нет, не нужно. У меня есть оружие. А о том, что ты мне рассказал, я подумаю. Зайти ко мне завтра.

Джонни уходил от Ома немного успокоенным. С Омом таинственному убийце, похоже, не так-то просто будет совладеть. Семечко, семечко, дорого же ты стоишь!

И вместе с тем, семечко трилистника было всего лишь песчинкой на пути к его великой цели, подумал Джонни, вдруг мысленно увидев очертания дорогого лица.

За остаток дня он обследовал несколько пустырей. Бурьяном поднявшийся на мусорных кучах трилистник, как бы насмехаясь, так и лез в глаза. Семечка Джонни не нашел.

В гостиницу он вернулся с мыслями о Лоле. Как там она без него? Ей, наверное, холодно и скучно, а он все рыщет по Нью-Кантору в поисках неизвестно чего. Не лучше ли вернуться на Церб, во главе пышной процессии подойти к Круглой Башне, взойти на Башню, а там – будь что будет?..

Легкие пути, как известно, нередко кончаются тупиком.

Нет уж, он найдет это проклятое семечко!

Так Джонни и заснул, не переставая думать о Лоле.

Его разбудил какой-то грохот. Он поднял голову. Да это в дверь его номера стучали, стучали настойчиво и сильно.

Джонни, накинув халат, с иглометом в руке пошел открывать.

БЕЗУМНАЯ КАРУСЕЛЬ

Не дойдя до двери двух шагов, Джонни остановился. Что он может сделать со своим иглометом, заряженым снотворными иглами, если его встретят плазменными лучами?

Если что-то он и может сделать, то только при-

звав на помощь внезапность. Однако, какая уж тут внезапность, если он откроет дверь, ведь стоявшие за дверью только этого и ждут!

Позвонить портье или в полицию?

Допустим, дверь сможет продержаться, пока к нему на помощь не подойдут. Но полицейские или служащие гостиницы, спасая его своим появлением, вместе с тем спугнут убийц. Убийцы, конечно, поставили кого-то смотреть за лифтом и лестницей, так что они сумеют уйти неразгаданными.

Надо ему взглянуть на них, подумал Джонни. Тогда, даже если им удастся выбраться из гостиницы, они не уйдут далеко.

Джонни было известно, что на этаже, где располагался его номер, несколько номеров оставались свободными. Дверь его номера изнутри открывалась без ключа, таково было устройство замка и запоров, очевидно, подобным образом были устроены замки и запоры в соседних номерах. Если он по подоконнику, через окно, проберется в соседний номер и откроет дверь, то увидит, кто к нему так настойчиво стучится.

Он подошел к окну. Широкий подоконник достаточно далеко выдавался наружу, чтобы можно было, встав на него, шагнуть на точно такой же ближайший подоконник. Расстояние между окнами примерно равнялось ярду, сделать такой величины шаг не составило бы особого труда. Трудность подобного перемещения заключалась в том, что номер Джонни находился не на втором, а на двенадцатом этаже.

Любой смельчак задумался бы над задачей пройтись по жердочке на высоте двенадцатого этажа, но Джонни нес в сердце дар Леру. Без колебаний он влез на подоконник и легко сделал шаг.

Свет в этом номере был погашен, однако номер явно не пустовал. Через шторы до Джонни донеслись придыхания, стоны, отрывистые команды. В этом номере жил отставной полковник с молоденькой женой, на полигоне как раз начались учения, Джонни, кашлянув, переместился на следующий подоконник. Это окно он быстро миновал, здесь подходила к концу затянувшаяся за полночь вечеринка: Джонни расслышал вялую брань собутыльников и громкий храп вперемежку с сытым иканьем.

Третий номер, если считать по пути движения Голда, оказался пустым. Однако здесь по летнему времени окно было раскрыто, чтобы вновь прибывшие постояльцы не пожаловались на духоту, так что Джонни не пришлось разбивать стекло, чтобы проникнуть в номер.

Спрыгнув с подоконника, он подошел к двери. Негромко щелкнул замок. Джонни приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

Четверо полицейских оживленно переговаривались у двери его номера. Так это полицейские стучались к нему? Или это все же не полицейские, а натянувшие полицейскую форму убийцы?

Один из полицейских, с нашивками сержанта, забухал кулаком в дверь. Тут к полицейским подошел управляющий гостиницей. Джонни услышал, как мистер Оберс сказал:

– Я позвонил, санитарный гравилет будет через две-три минуты. По крайней мере, так сказали.

– Вряд ли ему понадобится помощь через две минуты, – жестко заметил один из полицейских, – парализующая игла в сердце, это верная смерть. Как у него хватило сил добраться до телефона, не понимаю.

Сержант протянул Оберсу ключ:

– Дверь не открывается. Может, вы попробуете?

Повращав ключ в замочной скважине, Оберс произнес:

– Значит, он внутри. Там, с внутренней стороны, на двери два засова.

– Придется ломать дверь.

– Подождите, сейчас слесаря подойдут.

В конце коридора показались два человека в синих комбинизонах, один из них нес открытый ящик с инструментами.

Пока они подходили, мистер Оберс вынул из кармана радиотелефон, набрал номер и проговорил в трубку:

– Генри, как пострадавший?

Когда Оберс опустил радиотелефон в карман, сержант спросил его:

– Что так?

Оберс был краток:

– Он умирает. – Управляющий повернулся к слесарям: – Том, Дик, вот вам задание. Надо открыть эту дверь, или снимите ее с петель, что ли. Ультразвуковые вибраторы вы прихватили?

«А ведь это в Ома стреляли», – молнией пронеслось в голове Джонни.

С неприятным холодком в животе он двинулся к полицейским.

Первым заметил его сержант. Полицейский напрягся, как пантера, приготовившаяся к прыжку. Напряжение сержанта передалось стоявшим рядом с ним людям: все головы повернулись в сторону Джонни. Полицейские, не спуская с него глаз, потянули руки к оружию, мистер Оберс смущенно улыбнулся.

– Джон Голд к вашим услугам, – громко сказал Джонни.

Голда доставили в полицейский участок. Его продержали в одиночной камере до самого утра. Он уже начал дремать, усевшись на полу (койки в камере не было), когда за ним пришли.

Его отвели в большую светлую комнату. Квадратный стол стоял посередине, за ним сидел невысокий плечистый мужчина в форме офицера полиции. Прищурившись, он бросил:

– Ты Голд? Садись. – Джонни сел. – Что скажешь, Голд?

– О чем вы меня спрашиваете?

– Зачем ты убил их, Спича, Ранкена, старого бродягу и дантийца Ома?

Джонни нахмурился.

– О чем вы говорите? Я не убивал их.

– Тебя видели, когда ты вышел из номера дантийца, и вслед за этим дантиец позвонил в полицию, с парализующей иглой в сердце позвонил.

– И кто же это меня видел?

– Люди почтенные видели, так что у суда сомнение в их искренности не возникнет, будь спокоен.

– А я утверждаю, меня не было в номере Ома вечером. Да, где-то в полдень я заходил к нему, но позже мы не виделись.

– Ты зря отпираешься, Голд. К твоему сведению, я не люблю, когда у меня играют на нервах.

– А я обожаю пиликать на нервах полицейских, лейтенант.

Следователь побагровел.

– Щенок! Продержим тебя пару дней без жратвы, посмотрим, что ты запоешь! – Полицейский вонзил волосатый палец в кнопку звонка. – Уведите!

Джонни вернули в камеру-одиночку.

Этот идиот и в самом деле готов был морить его голодом, лишь бы добиться от него признания в том, что он не совершал, вспомнил Джонни красные поросячьи глазки и бурое от злости лицо полицейского. Почему же следствие оказалось в руках у этого *недоумка, куда подевался* лейтенант Шон? Ах, ладно. Как ему выбраться отсюда, вот над чем лучше задуматься.

Окно в камере было такое, что через него не стоило и мечтать протиснуться. Стены, конечно, кулаками не пробьешь, об них только костяшки пальцев расплющить можно. Подкупить тюремщиков? А на что он их подкупит, если все его деньги и чековая книжка Имперского банка были изъяты полицейскими?

До самого вечера Джонни возбужденно про-

считывал варианты, как бежать из тюрьмы. Против ожидания, в течение дня к нему в камеру дважды заносили еду, хотя и весьма скудную.

Когда в окошке начало темнеть, к нему в камеру вошел лейтенант Шон.

– Мистер Голд, примите наши извинения, – проговорил полицейский. – Нами получены доказательства вашей невиновности.

Джонни готов был выругаться.

– Вы нашли настоящего убийцу?

– Пока нет. Зато мы знаем, что вы – не убийца. Это сказал дантиец Ом, а уж кому как ни ему знать, кто стрелял в него.

– Ом выжил?

– Он сказал это перед тем как умереть.

Дантиец перед смертью вспомнил о нем, а вот он не очень-то о дантийце тревожился, пока находился в тюрьме, укорил себя Джонни.

– Ом описал, как выглядел убийца?

– К сожалению, не успел.

– Интересно, а как же те свидетели, которые заявили, что видели меня, как я выходил из номера Ома, перед самым его звонком в полицию?

– Они ошиблись. Да они и не утверждали, что видели именно вас. Они сказали, что видели человека со спины, действительно, фигуру он имел будто бы вашу, и еще они видели, как он прошел в то крыло гостиницы, где находится ваш номер, но в этом крыле еще шесть номеров, из них два пустые. Убийце ничего не стоило пройти в пустой номер, подойти к окну, а там его поджидал гравилет.

– Значит, я могу прямо сейчас вернуться в гостиницу?

– Конечно. Только сначала подумайте, а не лучше ли было бы для вас остаться здесь на некоторое время? О, конечно, не в этой камере, мы поместили бы вас в комнатку получше. Вы пока пожили бы у нас, а тем временем убийца может объявиться. Охрану мы вам предоставить не можем, видите ли, это сложнее, чем оставить вас здесь.

– Следующим могу стать я, вы хотите сказать?

Шон неопределенно пожал плечами.

Джонни, подумав, проговорил:

– Я не могу остаться у вас. Я должен искать семечко, это главное. Да и не пристало мне дрожать за собственную шкуру. Если на меня нападут, попробую отбиться. Вы же вернете мне игломет и деньги?

– Безусловно. Вы хорошо подумали?

– Если я свободен, я хочу отсюда выйти, с моим иглометом и деньгами.

Полицейский более не стал тратить время на уговоры. Освобождение Джонни из-под стражи было оформлено немедленно, вещи ему вернули в целости, после чего он покинул полицейский участок.

В гостиницу Голд вернулся ночью. Его немного развлекло выражение лица старика портье, подавшего ему ключ. Портье, видимо, был уверен, что арестованный постоялец и есть главный убийца. Наверное, как только Джонни вошел в лифт,

старикан кинулся звонить в полицию, надо же сообщить, где находится сбежавший из тюрьмы убийца.

Оказавшись у себя в номере, Джонни разделся и повалился в постель.

Теперь, верно, ему придется всегда держать оружие при себе. А в город он станет брать с собой, помимо заряженного игломета, еще и полную кассету с иглами. У него была запасная кассета, как только он вселился в номер, он положил ее вон за тот кувшин с цветами. Интересно, а там ли она еще? Полицейские, конечно, обыскивали его номер, не захватили ли они ее с собой?

Запасная кассета со снотворными иглами лежала на месте. Полицейские, оказывается, были ребята честные. Если только они не заменили полную кассету на пустую.

Джонни взял кассету, поднес к глазам. С одной стороны кассеты было маленькое красное оконце, в котором светилась цифра, показывавшая, сколько игл находилось в кассете. Джонни увидел цифру «19». Как, в кассете только девятнадцать игл? Но он оставил в номере совершенно полную кассету, кассету с двадцатью иглами! Неужели полицейские способны на такие ребяческие проделки, облегчить кассету на одну иглу, чтобы он потом ломал голову, куда она делась?

Может, они и деньгами его распорядились столь же вольно? Да, бумажник ему вернули в полном порядке, но здесь, в номере, он оставлял бумажку в пятьдесят кредов, в одном укромном тайничке. Эти пятьдесят кредов ему пригодились бы, если бы его обворовали, тогда, во всяком слу-

чае, он смог бы сообщить о бедственном положении своему патрону, Всепланетной Строительной Корпорации.

В номере Джонни находился не действующий бог знает сколько времени камин, теперь выполнявший чисто декоративную функцию. Один камень в каминной кладке еле держался, за ним-то Джонни и устроил тайник.

Вынув камень, Джонни нащупал свернутую трубочкой бумажку. Он не удивился бы, если бы вместо банкноты в пятьдесят кредов эта бумажка оказалась бы куда меньшего достоинства, но нет, он развернул ту самую банкноту, которую и положил в тайник,

Джонни возвратил банкноту в прежнее укромное местечко, и потянулся к камню.

Откуда взялись эти бурые пятна на камне? Когда он последний раз лазил в тайник, на камне не было никаких пятен.

Кровь. Это следы крови.

Но он не давил этим камнем комаров, откуда же взяться на нем крови?.. Объяснения стали выстраиваться в голове у Джонни сами собой, как будто без его усилий.

Ом был убит выстрелом из игломета, причем дантиец принял смерть от парализующей иглы, попавшей ему в сердце, а не от смертельно ядовитой. И вот Джонни не досчитывается одной иглы в своей запасной кассете. Ранкену раздробили затылок – и Джонни обнаруживает у себя в номере на каминном камне бурые пятна, похожие на кровь.

Спичу перерезали горло, Маркера отравили.

Если кассета с недостающей парализующей иглой и камень в бурых пятнах находятся у него в номере, то почему бы ему не поискать у себя в номере бритву и флакон с ядом?

Убийцы хотели, чтобы обвинение в убийствах пало на него, поэтому они и соорудили эти улики. Однако же двух улик пока не достает, надо их обнаружить.

Джонни принялся методично обыскивать номер.

Он и в камин лазил, и под кровать, и каждый дюйм стены просмотрел, и даже каждую складку постельного белья прощупал. Ни бритвы, ни флакончика с ядом ему не попалось. Если орудия убийства нельзя найти внутри его номера, может, стоит их поискать снаружи?

Джонни влез на подоконник.

Над окном находился маленький козырек, защита от дождя, и вот на этом козырьке он и нащупал острое кривое лезвие.

На желтой костяной рукоятке кривого ножа пятнами бурела кровь.

Он положил все улики на стол: кассету без одной иглы (возможно, это даже была не его кассета, его кассету убийцы взяли с собой, а ему подсунули эту, неполную), камень в кровавых пятнах и кинжал не чище камня. Если бы только он умел вопрошать бездушную материю, уж наверное сейчас он получил бы ответ, кто преследует его!

Да, где-то находится флакончик с ядом, которым отравили Маркера. Где-то рядом. Надо поискать.

Поиски Джонни быстро закончились: дверь слетела с петель, и к нему в номер ввалились люди в полицейской форме. Игломет у него был под рукой, он нацелил его на дверной проем, но стрелять не стал, не стрелять же в полицейских.

Увидев человека с иглометом в руке, полицейские удержаться не смогли. Джонни не успел опомниться, как в него угодили две парализующие иглы и одна снотворная.

Джонни приходил в себя почти сутки. Получить в тело три иглы, снотворную и две парализующие, небось, покрепче будет, нежели трехкратный укус осы.

Следователь был другим, не лейтенант Шон и не тот раздражительный низкорослый крепыш. Лейтенант Бригс, так он представился.

По-спортивному подтянутый, гладко выбритый лейтенант Бригс создавал впечатление человека, хорошо знавшего свое дело и умевшего настоять на своем.

– Мистер Голд, вы знаете, в чем вы обвиняетесь?

– Нет.

– Вот, ознакомьтесь. Вы обвиняетесь в убийстве Спича, землянина, Ранкена, землянина, Маркера, землянина, Ома, дантийца, и Шона, землянина.

Джонни пробежал глазами листок. Невольно у него вырвалось:

– Как, лейтенанта Шона тоже убили?

– Вам ли не знать об этом.

А ведь он мог предвидеть это, – подумал Джонни с горечью. Убийцы уничтожали тех, с кем он контактировал на Трабаторе. Вполне логично, что после Ома наступила очередь Шона. Лейтенант Шон показался Джонни дельным служакой, не то что некоторые его коллеги, и теперь Шон был мертв.

– Я никого не убивал, – устало проговорил Джонни. – Лейтенант Шон знал это.

– Про вас правды он не знал, за что и поплатился. Вам придется сказать, куда вы дели палку, которой разбили ему голову. Но не будем торопиться, начнем со Спича. Как у вас оказался нож, которым вы перерезали ему глотку?

– Нож?

– Его обнаружили у вас на столе, тот самый нож, которым убили Спича. Экспертиза показала, что кровь на рукояти ножа – кровь Спича, так что не стоит отпираться.

– Этот нож я обнаружил на козырьке. Там, над окном моего номера, есть козырек... я увидел его впервые за несколько минут перед тем, как ваши ребята взломали дверь.

– Нет, так не годится. – Бригс встал. – Так не годится, мистер Голд. Я был уверен, что вы поймете следствие, а вы ничего не хотите понимать. Даже если вы будете продолжать отпираться до самого суда вас, несомненно, признают виновным. Я предоставлю суду неопровержимые улики: нож, камень в крови, кассету без одной иглы, и все это мы нашли в вашем номере.

– Не нашли, а взяли со стола. Я это не прятал, я сам, как только это обнаружил, хотел от-

нести все в полицию. Только флакончика с ядом я не смог бы вам преподнести,

– Вы про Маркера? И где же теперь этот флакончик с ядом?

– Откуда я знаю, где. Не убивал я их, говорю вам!

– Убивали, убивали. И Маркера вы же траванули, мистер Голд. Чего вы морочите мне голову какими-то флакончиками? Вы обделали дело просто: купили в аптеке барбадур, который старухи от бессоницы глотают, и угостили Маркера пивом с барбадуром. Кто не знает, что одна таблетка барбадура вкупе со стопкой алкоголя способны отправить на тот свет! В пиве алкоголя немного, поэтому Маркер не окочурился сразу, а только подумал, что не допил. Остальное многие видели. Вы напоили его в ресторане напитком покрепче, он и вытянул ноги. И зы как будто не при чем, он же подошел к вашему столику на своих ногах, вы не избивали его, и в его бутылке яду не обнаружили!

– Бред какой-то. Пожалуй, мне с вами не стоит ни о чем разговаривать. Вам и так все известно.

– Известно, да не все. Кое-какие детали придали бы делу убедительности. Вы все равно будете осуждены, мистер Голд, так почему бы нам не заключить мировую? Вы обрисовываете, как было, вы, разумеется, признаете себя виновным: а я обеспечиваю вам прекрасные условия проживания вплоть до окончания суда, Я вам устрою пансионат, ей богу!

– Я никого не убивал, – произнес Джонни раздельно.

– Опять вы за свое!

– Пугать меня голодом будете?

– Зачем же. У нас есть кое-что получше, чтобы заставить вас стать искренней. Мы посадим вас в кресло электродного психоанализа, тогда уж вы выложите все. Только с этого кресла редко кто встает без ущерба для своих умственных способностей.

Полицейский направился к двери.

Джонни подобрался – но, опережая его прыжок, на него уставилось черное дуло игломета,

– Потише, мистер Голд, потише, – проговорил следователь, пятясь к двери. Мы тут используем снотворные иглы «Плутон-МАКСИ», слышали про такие?

Смесь, нанесенная на иглы «Плутон-МАКСИ», попадая в кровь человека, вызывала не просто сон, но кошмарный сон. По статистике у одного из десяти во время такого сна не выдерживало сердце.

Бригс вышел из камеры.

Джонни, сидя на выдвижной койке, согнулся, уткнул лицо в колени.

Нелегкий выбор ему предложили сделать, стать слабоумным или признаться в убийствах, которые он не совершал. Выбраться бы отсюда... С ним осторожничали, вон как ему в нос иглометом тыкнули.

А те, кто все это подстроил? Почему им нужно было, чтобы его непременно убил суд? Учитывая ловкость, с которой они действовали, они вполне могли покончить с ним сами.

Бедняга Шон так оказался неосмотрителен!

Джонни попытался привести в порядок мыс-

ли. Сейчас главное – выбраться отсюда. Убедить в чем-либо тупоголовых полицейских вряд ли удастся. Значит, он должен использовать малейшую возможность, чтобы сбежать. Ему, видно, самому придется найти настоящего убийцу, иначе как ему оправдаться.

Дверь камеры опять заскользила, уходя в стену. Джонни ожидал увидеть то самое страшилище, кресло электродного психоанализа, но вместо этого к нему в камеру вошел аккуратный старичок – строгий костюм, черный галстук-бабочка, запах дешевого одеколона.

– Доктор Браун, тюремный психолог, – представился старичок и присел на сиденье, оставшееся выдвинутым из стены с визита следователя. – Три отравленные иглы – это многовато даже для крепкого человека, но вы выглядите отлично, мистер Голд.

Джонни обшаривал глазами старичка, ища выпуклость оружия, – и поймал проницательный взгляд.

Доктор Браун проговорил:

– Я безоружен, мистер Голд. Так что вы можете сделать со мной что угодно, учитывая ваше прекрасное телосложение и мою старость.

– Вам следовало бы подыскать более подходящую для ваших лет работу.

– Только не пытайтесь взять меня в заложники, мистер Голд: полвека назад, когда меня принимали на работу, я дал расписку, что ответственность за все происшедшее со мною во время выполнения мною служебных обязанностей ложится на меня.

– И за пятьдесят лет вам не пришлось пожалеть об этом?

– Эх, мистер Голд, сколько раз доктора вытаскивали меня с того света с переломанными костями, я и счет потерял!

– Вероятно, ваши работодатели считают, что ваш риск окупается вашим заработком.

– Что до моего заработка, так любой тюремщик получает вдвое больше моего.

– Какого же черта вы тут делаете?

– На моих плечах трое внуков да жена-инвалид, вот и приходится трудиться на старости лет. Дочь с зятем погибли где-то в горах, под обвал попали. Семечко искали, язви его... Ты, сынок – вы же простите старику такое обращение – ты тоже прилетел на Трабатор семечко искать?

– А то для чего еще. Приехал на Трабатор, и влип в историю. Эти ваши недоумки заладили одно: ты убил, ты убил... Да не убивал я никого! Это все подстроено!

Старичок психолог ласково сказал:

– То же и я думаю, сынок. Ты не убийца.

Джонни приободрился, и вместе с тем что-то насторожило его в таком легком признании старичком его правоты.

– Почему же вы, док, не скажете им, что я не убийца?

– Про это я толкую им, как только тебя доставили сюда.

– Если они не верят вам, зачем они вас здесь держат?

– Они верят мне, но...сомневаются. Я ведь могу ошибиться. Еще бы, попробуй доказать, что

твой подопечный действовал в состоянии умопомрачения, когда он вовсю изображает из себя здорового!

– То есть... что еще за умопомрачение?

– Это я про убийства, сынок. Спич, Ранкен, Маркер, Ом... А что, очень просто, у многих старателей мозги однажды съезжают набекрень, только каждый по-своему с ума сходит. Я ведь тоже был старателем, о, я знаю, что это такое, оказаться в неудачниках, трудиться день за днем, и все впустую! Все окружающие кажутся виноватыми, ну, и сорвешься с резьбы.

– Подождите, доктор Браун. Ни во сне, ни наяву я никого не убивал. Да, я знаю, у меня в номере обнаружили всякие вещицы: камень в крови, кассета без одной парализующей иглы, хорошо наточенный нож... Но это все мне подсунули! И Маркера я не угощал коктейлем с барбадуром!

Старичок, успокаивая, коснулся плеча Джонни.

– Я понимаю, сынок, тебе тяжело. Ты не виноват ни в чем, повторяю тебе. Все это проделки нашего сознания, нашего темного «я». Что поделать, так...

– Ом перед смертью сказал, что я – не убийца, что это не я стрелял в него!

– Я видел, как он умирал. Слова дантийца едва возможно было разобрать, один хрип... Да, он пробормотал что-то вроде «это не он», а кого дантиец имел в виду, мы уж не узнаем. Может, он говорил про портье или про управляющего гостиницей?

– Но лейтенант Шон сказал, что Ом говорил обо мне!

– Лейтенант Шон истолковал слова Ома в твою пользу, и многие приняли это толкование за истину. Шон умер, к сожалению. Мало кто теперь...

– Шона убили полицейские. Вы, вы убили его, потому что он хотел докопаться до правды! Вы и их убили, Маркера, Ома...

Психолог направился к двери. Перед тем, как выйти, он сказал:

– Психиатрическая лечебница в горах все же лучше кресла для электродного психоанализа. Хотя, кхе, если подумать, конец все равно один, после кресла ведь прямая дорога в ту самую лечебницу... Наверное, тут каждому лучше самому решить для себя, что предпочесть: стать ли слабоумным или остаться как есть. Вот ты и реши, сынок.

За психологом задвинулась дверь

ШЕЙЛА ТОБЕРС

Слова психолога раскаленными угольями терзали рассудок Джонни. А ведь такое могло быть, во всяком случае, возможно было вообразить то, о чем говорил старый хрыч. В школе косморазведчиков несколько занятий отводилось так называемым космическим психозам. Одиночество, неуправляемость ситуации, невозможность получить помощь со стороны – и у человека могло помутиться сознание, навсегда, надолго или на ка-

кое-то время. Иногда случалось, что человек периодами «отключался» и приходил в себя. В течение периода умопомрачения больной обычно напоминал сомнамбулу, но могло быть и иное, он мог оставаться активным и даже способным к элементарным рассуждениям. Неужели что-то подобное произошло и с ним, думал Джонни.

Он закрыл глаза и немедленно увидел Лолу. Он видел ее какое-то мгновение, и тут же ее лицо растворилось в заре, юности дня, и в весне, юности природы, развевающиеся волосы ее стали порывами ветра, а сама она – хороводом берез между бездною неба и зеленым ковром Земли. И хрустальный родник ее голосом прожурчал его имя...

Да разве могла быть она иной, не жизнью мира, а иной, не юностью и весной, а иной? Она не могла быть иной, и пока он говорил себе это, пока он знал это и верил в это, он не мог в злобе или в досаде убивать.

Он не убивал, находясь в сознании, но он-де безумный убивал? А с какой стати ему сходить с ума? Старик уверял его, что он сошел с ума, потому что ему не удалось найти семечко. Но разве семечко было его главной целью, разве ему были нужны деньги, или же разве сила Преображенного трилистником была ему нужна ради самой силы? Не сила, не богатство и не власть были нужны ему, хотя бы эта власть была властью над всей Галактикой. Он хотел встать рядом с Лолой, и взять ее руки в свои, и обнять ее. Если бы ему на роду было написано сойти с ума из-за неисполнения его желания, он сошел бы с ума значительно раньше, еще до прибытия на Трабатор. И прежде,

чем затуманить ему разум, безумие должно было сожрать его сердце, но ведь этого не произошло, образ Лолы, хранившийся в его сердце, по-прежнему светился жизнью и чистотой.

В конце концов, любое убийство, любое совершенное в городе злодеяние можно было приписать ему и пояснить, что это, дескать, он сделал в состоянии умопомрачения, поэтому он об этом не помнил. Нет уж, как бы ему ни дурили голову следователь с психологом, а Спича, Ранкена, Маркера, Ома и Шона он не убивал.

К этому времени в заделанном решеткой окне сгустились сумерки. Тускло засветилась лампочка на потолке, и в камеру Джонни вкатили столик с едой.

– Жрать, – буркнул тюремщик.

На несколько дней Джонни оставили в покое. К нему никто не заходил, его никуда не отводили, только дважды в день, утром и вечером, два тюремщика вкатывали к нему столик с едой, овощной похлебкой или жидкой кашей. Пока он утолял голод, один из тюремщиков всегда стоял у двери с ладонью на рукояти игломета, как будто была опасность, что за несколько минут, которые Джонни отводились на еду, он из ложки сделает плазменную гранату.

На пятый день заключения Джонни опять увидел старичка психолога.

– С недоброй я вестью, сынок. – Доктор Браун вздохнул. – Я было уверился, что ты не... что ты здоров. Но факты, факты... Нашлись люди, которые видели, как ты покупал в аптеке барбадур, отраву для Маркера.

– Мне нет дела до ваших свидетелей. Я знаю одно: я Маркера не убивал.

– Но ты не понимаешь...

Внезапно оборвав фразу, старичок развернулся и вышел.

С этого времени к Джонни зачастил следователь. Арсенал у следователя был обычный: напористость, бумажки со свидетельскими показаниями, какие-то фотографии... Его промучили неделю, и снова на несколько дней про него «забыли».

Психолог заглянул к нему в камеру под вечер.

Доктор Браун был весел.

– Не горюй, сынок, мне почти удалось убедить наших твердолобых, что ты был не в себе, когда делал это. Завтра тебя осмотрит медицинская комиссия. Тебе только и нужно, что сказать, будто ты иногда слышишь у себя в голове или там в зубе, или в пятке строгий голос. Голос толкает тебя на всякие мерзости. Конечно, тебя подвергнут кое-каким тестам. Так, ничего сложного. Покажешь, какая у тебя плохая память, только глупости не говори. Нужно иметь немалый опыт, чтобы правильно говорить глупости. *Про один тест* запомни. Тест называется *«лабиринт и яблоко»*, нужно пройти по лабиринту к яблоку. Ты немного посиди, а потом проведи линию прямиком через лабиринт к яблоку, без виляний по ходам.

– Если я сумасшедший, зачем вы мне все это рассказываете, док? – хмуро спросил Джонни. – Ваши яблоки и так попадут в какую вы хотите корзину, если я сумасшедший.

Психолог не смутился.

– Иногда у психических больных наступает полоса относительного здоровья, ее мы называем ремиссией. Такого больного от здорового трудно отличить. Сейчас такая ремиссия у тебя. Доктора, которые будут тебя освидетельствовать, не очень высокой квалификации... Они могут посчитать тебя здоровым, после этого я не смогу далее сдерживать Бригса, у которого руки чешутся вогнать тебе в мозг электроды, чтобы узнать всю подноготную этих твоих убийств. Или ты решил, что тебе легче будет в лечебнице, если ты станешь слабоумным? Или ты надеешься, что после электродного психоанализа ты, счастливец, не потеряешь разум? Но в таком случае тебя, как убийцу, казнят.

Джонни какое-то время рассматривал трещину на полу, потом вскинул глаза.

– Что-то уж больно вы печетесь обо мне, док.

– Я просто исполняю свой долг. Если человек нездоров, я должен сделать все, чтобы он не был осужден как преступник.

– Я не преступник и не сумасшедший, когда же вы это поймете?

Старичок с обиженным видом удалился.

Психолог и следователь, конечно, действовали заодно, подумал Джонни. Следователь, вероятно, не был уверен, что собранных им доказательств виновности Голда будет достаточно для суда, чтобы посчитать Голда виновным, и поэтому Джонни предложили сделку. Он перестает твердить, что не он убивал, ему же помогут притвориться сумасшедшим. Таким образом, с одной стороны, дело о серии убийств оказывается успеш-

но завершенным, с другой стороны, он, «сумасшедший убийца», избегает смертной казни.

Он отказался подыграть полицейским, что же теперь они предпримут? Они устроят ему электродный психоанализ? Но почему они тянут? Не потому ли, что уверены в его невиновности? Или потому что электродный психоанализ на Трабаторе запрещен, как он запрещен на Земле, им только пугают неучей вроде него?..

Когда стемнело, Джонни, как обычно, привезли ужин. Один из тюремщиков, красноглазый альбинос, очень уж любил пошутить. В его дежурство на передвижном столике всегда был какой-то непорядок: то ложку облепливали волоски, как будто ею только что терли за ухом линяющей кошки, то в супе плавал трабатийский таракан-рогач, насекомое с мизинец величиной, то в жидком чае барахталась немного меньшая по размеру муха. Так и сейчас: грязная салфетка, в которую, судя по всему, только что сморкались, одним концом утопала в каше.

Джонни отложил салфетку в сторону и взялся за ложку. Его кормили скудно, так что если бы даже посередине тарелки лежала вареная мышь, он бы собрал кашу по краям.

Едва Джонни начал есть, как у двери раздалось странное сопение.

За его едой наблюдал один из охранников, пожилой мужчина с мешками под глазами. Он стоял у двери, прислонившись к стене. Вероятно, это он издал горлом странный звук, похожий на всхлип, больше было некому. Тюремщику немоглось: когда Джонни взглянул на него, он подра-

гивавшими пальцами расстегивал воротник рубахи.

Вскоре в камеру вошел альбинос. К этому времени Джонни закончил ужин, он ел быстро, потому что знал, дожидаться его не будут. «Как оно сегодня?» – поинтересовался альбинос с усмешкой. Джонни ничего не ответил. Тюремщик покатил столик к двери.

Неожиданно пожилой тюремщик со стоном рухнул на колени, затем повалился на бок. Его лицо посинело.

Джонни барсом кинулся к упавшему тюремщику. Не успел альбинос, наполовину выкативший столик из камеры, и глазом моргнуть, как в руке у Джонни оказался игломет, оружие пожилого тюремщика. Альбинос только потянулся к своему игломету, а Джонни уже нажимал на спусковой крючок.

Альбинос, пораженный парализующей иглой, упал к ногам своего напарника, умиравшего от апоплексического удара.

Из камеры Голд попал в коридор, по обе стороны которого попарно располагались точно такие же двери, как и та, что вела в его камеру, числом в ряду до десятка. Один конец коридора представлял собой глухую стену, в другой стороне коридор кончался стальной дверью, чья поверхность в сильном свете ламп отливала синью.

Справа был пост, три стула и стол. На столе лежала колода карт. Заметив ручку выдвижного ящика, Джонни не мог не заинтересоваться его содержимым.

В ящике лежал лучемет «харди-блэк», дово-

льно старая модель. Джонни взял его и направился в конец коридора, к стальной двери, на ходу нацеливая лучемет на дверь.

Он остановился в нескольких шагах от двери. Струя плазмы ударила в сталь. Скоро Джонни убедился, что не ошибся. Синеватый отлив дверной поверхности ему сразу не понравился. Поток плазмы бил в одну точку, но сталь даже не покраснела в этом месте. Очевидно, дверь была сделала из новия, особого сплава, используемого при изготовлении обшивки космических кораблей. Плазменный луч ручного лучемета ничего с новием поделать не мог, здесь надо было бы орудовать лазерной пушкой.

Джонни, убедившись в невозможности его средствами расплавить материал двери, вернулся в свою камеру. Через двери, шедшие вдоль коридора, вероятно, можно было бы попасть в другие камеры, но вступить в контакт с их обитателями Джонни и не помыслил: массовость побега скорее была способна помешать успеху, чем содействовать ему.

Прутья решетки, перегораживавшей окно, оказались сделаны из куда более податливого материала, чем новий.

Джонни перерезал снизу и сверху три стальные стержня. Убрав их, он выглянул из окна.

Его камера, оказывается, находилась на первом этаже тюрьмы, это было хорошо. Плохо было то, что окно выходило не в какой-то сад, откуда можно было бы попасть на неконтролируемую тюремщиками территорию, но во внутренний дворик, с четырех сторон огороженный стенами с ре-

шетчатыми окнами. Вот почему прутья оконной решетки были из простой стали, а не из новия: тюремное начальство не опасалось побега заключенных через окна их камер, потому как дальше внутреннего двора-колодца никто из них убежать не смог бы. По разумению тюремного начальства не смог бы, а может, один какой-нибудь смог бы?..

Джонни перебрался в темный квадрат внутреннего двора.

Несколько десятков окон первого этажа смотрело в этот двор. Все они светились, кроме одного. В освещенные окна ему небезопасно было заглядывать, он мог напороться на случайный взгляд тюремщика. Его привлекло темное окно. В его камере горел свет, как, вероятно, и в остальных камерах, поэтому вряд ли он, загляни в темное окно, увидел бы там скромное убранство камеры. Также вряд ли он за этим окном увидит тюремщиков, с чего бы им сидеть в темноте. Или это все же камера, в которой нет узника? Но, возможно, темное окно было окном прачечной или кухни, откуда можно было бы черным ходом выбраться из тюрьмы.

Джонни направился к неосвещенному окну. С полдороги он повернул назад. В ящике стола вместе с лучеметом, который он прихватил с собой, лежал фонарик, должно быть, находившийся там на случай неисправности электропроводки. Он сходил за ним, и уже с фонариком подошел к темному окну.

Он посветил фонариком в окно – и сразу же погасил его. В зигзаге луча электрического света он увидел комнату со стандартным казенным уб-

ранством – койка, тумбочка, умывальник. Очевидно, это была камера, чуть-чуть лучше обставленная, чем его. И камера на пустовала: на койке лежала и спала девушка. Короткая стрижка, вздернутый носик, сочные губы... Девица была узницей, не иначе, а не монашкой и не институткой, раз она находилась в тюремной камере.

Джонни не было дела до девушек-узниц. С досадой он отвернулся от темного окна. Что же теперь ему ждать, пока какое-нибудь из освещенных окон погаснет?

За его спиной раздался женский голос:

– Эй, мистер! Мистер!

Он обернулся.

Девушка стояла у окна. Она смотрела прямо на него.

– Извините, я не спала. Вы напугали меня своим лучом. Хотя, спросите вы, чего мне здесь бояться?

– Говорите тише, – буркнул Джонни и вплотную подошел к окну, из которого выглядывала девушка. – Вам что-то нужно от меня?

Она смутилась.

– Ничего, только мне показалось... Вы ведь не из полицейских?

– Вы очень догадливы, я не из полицейских. Прошу вас, ложитесь спать. Я занят одним делом, позвольте мне довести его до конца, мисс.

– Миссис Тоберс. Шейла Тоберс. Если судить по вашей речи, вы недавно прилетели с Земли, мистер...

– Мистер Голд, – Джонни начал тревожиться, разговор затягивался. Кто знает, когда сме-

нялись тюремщики и не проверяют ли ночью посты. Возможно, его бегство будет обнаружено с минуты на минуту.

– А я на Трабаторе давно, – продолжала девушка с ноткой печали в голосе, не замечая нетерпения собеседника. – Мне было шесть лет, когда мы прилетели сюда с отцом. Он был старателем. Потом он умер. Два года назад я вышла замуж за Роя Тоберса, крупного торговца пряностями.

– Поздравляю, – Джонни все явственнее проявлял беспокойство. – Что я должен передать вашему мужу? И, пожалуйста, говорите быстрее. Иначе мне не удастся отсюда выбраться, и ваш муж не получит от вас весточки.

– Что передать Рою? Он умер месяц назад. Его казнили.

Джонни стало неловко.

– Мне очень жаль, миссис Тоберс. – Он почтил память неизвестного ему торговца пряностями короткой паузой. – А теперь я попросил бы вас прилечь на койку и считать до тысячи.

Как бы не услышав его, Шейла Тоберс задумчиво произнесла:

– И меня... меня тоже казнят. Послезавтра. Вы прочитаете об этом в газетах, все-таки не каждый день отправляют в газовую камеру офицера полиции.

Джонни, уже отходивший от окна, вернулся.

– Вы, миссис Тоберс, офицер полиции?

– Да, я окончила Терриганскую полицейскую Академию, работала в центральном полицейском Управлении Трабатора. В отделе контроля за нравственностью.

– Раз вы работали в полиции, то... Вам известно, как устроена эта тюрьма?

– Я была здесь четыре раза, когда работала в полиции. Расположение комнат и коридоров примерно я знаю.

– Вам не хотелось бы отсюда удрать?

– Хотелось бы. Если бы меня на воле ждал Рой. А Рой...

– Миссис Тоберс, простите, что я вас перебиваю. Если вы не хотите сами убраться отсюда, быть может, вы расскажите мне, как это сделать?

– Пожалуйста. Видите то окно? За ним – коридор, который вас выведет к одному из служебные входов в это здание. Что там вы прячете за спиной? Лучемет? Значит, у вас есть шанс справиться с охраной. Ограждения у тюрьмы нет, надеются на защитный купол, но он не помешает выйти отсюда. Его полярность установлена так, что он препятствует проникновению в тюрьму, а не выходу из нее. Он служит препятствием тем, кто вознамерился бы напасть на тюрьму, а узников, здесь считается, вполне оградят от побегов тюремные стены и тюремщики. Вам бы только попасть в лес, а там будет проще.

– В какой лес? Разве тюрьма находится не в Нью-Канторе?

– До Нью-Кантора отсюда полторы сотни миль. А вокруг – Олохонский лес. Городок Олохон расположен в трех милях отсюда.

– Это маленький город?

– Пятнадцать тысяч жителей.

– Значит, мне не стоит туда соваться. Как мне попасть в Нью-Кантор?

– На Трабаторе есть место, где вы будете в большей безопасности, чем в Нью-Канторе.

– И что это за место?

– Альпадские горы. Их еще называют Новые Альпы. Это к востоку отсюда. Там у старателей своя власть, свои судьи. Полицейские туда стараются не соваться. Конечно, альпадских старателей давным-давно вразумили бы, если бы семечко не находили там чаще, чем в других местах, и если бы это не объясняли тамошними вольными порядками.

– Как мне добраться до этих Альпадских гор?

Шейла Тоберс пустилась в подробные разъяснения. Чем больше Джонни слушал ее, тем больше понимал: один до Альпадских гор он не доберется.

– Вы не могли бы стать моим проводником к горам? – спросил он, оборвав девушку на полуслове.

– Вашим... проводником? Вы предлагаете мне покинуть тюрьму?

– А вам приносит удовольствие, что вы гниете здесь?

– Мне осталось недолго ждать. Послезавтра...

– Вы можете совсем не ждать. Да и почему бы вам не насолить полицейским, раз уж они так поступили с вами?

– То есть... чем насолить?

– Если вы поможете мне сбежать, у очень многих здешних чинов прибавится морщин. А может, кто-то и кресла своего лишится.

С лица Шейлы Тоберс медленно сползла отрешенная полуулыбка.

– Я выведу вас в горы, – просто сказала она.

– Отойдите к стене, я уберу решетку с окна,

Несколько движений плазменным лучом, и от решетки остались одни «пеньки» вверху и внизу оконного проема. Джонни помог девушке вылезти из окна, за что она шепотом поблагодарила его, оказавшись на каменной плите внутреннего двора.

Джонни поинтересовался:

– Офицеры полиции на Трабаторе, полагаю, иглометом умеют пользоваться?

– А вы как думаете?

– Смотрите, у меня есть одна вещица для вас. – Он протянул ей игломет пожилого полицейского. – Вы знаете, что надо делать, чтобы из этого отверстия вылетела птичка?

– Не насмешничайте. Экзамен по стрельбе из игломета я сдала с первого раза, пересдавать не пришлось.

Джонни все же не удержался от объяснения, как нужно пользоваться иглометом. Затем они подошли к окну, на которое указывала Шейла Тоберс.

Заглянув в освещенное окно, Джонни увидел коридор, уходивший вперед и там, впереди, поворачивавший налево. В коридоре никого не было.

Он принялся действовать лучеметом. В это окно было вставлено стекло, снаружи от которого располагалась решетка. Плазменный луч перерезал прутья решетки, после чего оконное стекло радужной массой сползло на подоконник. Подождав, пока стекло немного остынет, Джонни перебрался через подоконник в коридор и помог перебраться Тоберс.

Они пошли по коридору. Справа в коридор выходили двустворчатые двери. Внезапно из одной такой двери вышел полицейский с двумя пластиковыми бутылками и коробкой печенья в руках. Только он повернул голову в сторону беглецов, Шейла Тоберс выстрелила.

Полицейский упал, перед своим падением уронив на пол бутылки и печенье. Некоторое время у него беззвучно шевелился рот, ему, конечно, хотелось крикнуть, предупредить своих товарищей, но парализующий яд, нанесенный на иглу, действовал очень быстро, тем более, что игла попала ему в шею.

Перешагнув через полицейского, Джонни и Шейла Тоберс пошли по коридору дальше. Они подходили к повороту, когда из-за поворота показались двое полицейских. Видимо, поблизости находился пост, и постовые, услышав шум рухнувшего тела, вознамерились посмотреть, что там было такое.

Прежде, чем упасть, полицейские успели несколько раз выстрелить. Одному из них повезло, его подстрелила Тоберс парализующей иглой, другой упал разрезанный от плеча до пояса плазменным лучам. Джонни и Тоберс благодаря чистой случайности остались невредимыми.

Они остались невредимыми, но им приходилось действовать намного быстрее, чем раньше. Они побежали.

У выходной двери охранников не было, полицейские остались лежать в коридоре. Джонни и Тоберс выбежали из тюрьмы.

Вероятно, дверь находилась под прицелом ви-

деокамеры, потому что едва они выбежали из тюрьмы, по всему тюремному зданию зазвучала сирена, замигали лампочки сигнализации.

Прежде, чем кроны деревьев укрыли их, Джонни провел плазменным лучом по тюремным окнам, что усугубило поднявшийся в тюрьме беспорядок. Отовсюду понеслись крики полицейских, голоса команд.

Джонни и Тоберс побежали по лесу, девушка выступала проводником. Они пробежали не меньше мили, прежде чем над ними первый раз пролетел гравилет, ощупывая лес прожекторами. Они затаились под большим деревом, затем побежали дальше.

Полицейский гравилет еще несколько раз проносился над их головами, и тогда они замирали, сливались с темнотой. Спустя некоторое время им пришлось останавливаться по другой причине: Шейла Тоберс устала, она задыхалась, и Джонни вынужден был дать ей отдохнуть.

Рассвет застал их в глухом месте. Толстые лианы змеями переплетали живые и засохшие деревья, трухлявые стволы лежали на земле. Воздух был тяжелый, сырой, с гнильцой. Трилистник, однако, чувствовал себя в тени чащобы так же хорошо, как и на солнцепеке. Здесь его сочные листья были темно-зелеными. Стеною вставал трилистник из преющей листвы, пробивался сквозь кучи валежника, а отдельные растения росли прямо из трухлявых пеньков, расколов их на части.

Шейла Тоберс со слабым стоном опустилась на пенек.

– Все, больше не могу, – выдохнула она и добавила, как бы оправдывая свою слабость: – уже светло, дальше нам все равно нельзя идти, они могут нас заметить. На Трабаторе действует спутниковая система розыска «Аргус», слышали про такую?

– На Земле такая тоже есть.

– Так что торчать нам здесь до вечера. Ох, как я устала!

За время бегства они несколько раз меняли направление, и Джонни на всякий случай спросил:

– Надеюсь, мы не заблудились?

– Не должны. Если мы всю следующую ночь будем идти, к утру дойдем до Антрана, главного города тридцать седьмого сектора. Вообще-то, это даже не город, а просто большой поселок, увидите сами.

– Если город так невелик, нас легко смогут там выследить. Не лучше ли обходить города? В лесу много ягод, наверное, вы знаете съедобные...

– От голода мы в этом лесу не умрем, это так. Но ведь чем быстрее мы будем двигаться, тем вернее доберемся до Альпадских гор. Если идти до гор пешком, а это триста миль, мы и за месяц к ним не дойдем. Если же мы попадем в Антран... Начальник тридцать седьмого сектора, мэр Антрана, мой хороший друг. Он поможет вам быстро добраться до гор.

– А вы?

– Я останусь у него. Его зовут Пол Джеферс.

– Все-таки странно... Хозяин сектора, как я понимаю, не последний человек в здешней чинов-

ничьей иерархии, – ваш друг, и вы очутились в тюрьме? И вас даже...

– Приговорили к смерти. Это короткая история, если она вас интересует... Полгода назад в «Созвездии мечты», есть такой ресторан в Нью-Канторе, в ресторанной драке был убит Мак Опрон. Вы не знаете кто такой Опрон? Людвиг Опрон – Великий Наместник Трабатора, убили его сына, Мака Опрона. Мой муж убил. Не знаю, что там у них случилось. И моего мужа приговорили к смерти... Я, как это называется, воспользовалась своим служебным положением и помогла Рою сбежать из тюрьмы незадолго до дня казни. С Трабатора мы вылететь не смогли, один наш друг... один наш бывший друг нас предал. Нас задержали в порту. Роя уже казнили, а меня... Вы знаете.

Джонни насупился. Печальная история. Помолчав. он спросил:

– Миссис Тоберс, а вы уверены. что этот ваш другой друг, Пол Джеферс, кажется, так вы его назвали, вас не предаст?

– Пол не предаст. Он... *я знаю точно, он не* предаст.

– Придется положиться на вашу проницательность. Не скрою, мне возвращаться в тюрьму совсем не хочется. Меня обвиняют в убийстве четырех человек. Как это карается на Трабаторе?

– Как и на Земле. Трабатор хотя и обладает некоторой автономией, но все же это – земная провинция, здесь действуют законы Земли.

– Значит, следствие упорно тащило меня в газовую камеру. А почему, если нас вернут в тюрь-

му, наказать нас за побег не сумеют: и без этого побега нам обоим свернули бы шеи. Вот этим и будем утешаться.

– Вы не правы, мистер Голд. Если нас поймают, то приговорят к пяти годам каторожных работ на планете Тихвин, только через пять лет тихвинской грязи и комарья нас умертвят. Если мы выдержим эти пять лет: тихвинские комарики имеют обыкновение откладывать яйца в потные тела каторожников.

Шейла Тоберс, подняв высохшую ветку, принялась что-то чертить на земле, Джонни присел на соседний пенек. Каждый из них задумался о чем-то своем, а может, ни он, ни она ни о чем не думали: он застыл в сосредоточенности силы, она замолчала в состоянии безразличия ко всему и внутренней опустошенности?

Вдруг она спросила:

– И вы в самом деле убили четверых?

– Да. Всех вместе – одним щелчком.

– Вы шутите. А ведь я должна буду рассказать о вас Полу Джефферсу... Он в любом случае поможет вам, но ведь помочь можно по-разному.

– Хорошо, я скажу вам правду: я этих людей не убивал. Они и знакомы-то мне были едва-едва. До Трабатора мы не знались, а на Трабаторе я недавно, только второй месяц пошел. Кому-то, верно, понадобилось засадить меня в тюрьму и убить будто бы законно, вот и засадили. Только ума не приложу, кому это могло понадобиться. Постов я никогда никаких не занимал, наследства от меня никто не ждет...

– Может быть, месть?

– Очень странная месть, вы не находите, убивать людей, с которыми я был едва знаком, засаживать меня в тюрьму вместо того, чтобы где-то подстеречь и удовлетвориться единственным выстрелом?

– В самом деле, все это очень странно... Однако, я думаю, своего убийцу вы все же увидели бы, если бы остались в тюрьме. Раз он разыграл целый спектакль, только чтобы как следует помучить вас перед смертью, значит, он обязательно раскрылся бы в самый последний момент, возможно, у двери газовой камеры раскрылся бы.

– Я все же попытаюсь заставить его раскрыться где-нибудь в другом, более удобном для меня месте.

– Вы надеетесь разыскать его?

– Не оставаться же мне на всю жизнь беглым преступником. Я должен найти его, иначе как я оправдаюсь?

– Вам нужно оправдание?

– Мне нужно будет покинуть Трабатор после того как я найду семечко.

– И как же вы думаете преследовать убийцу, если вас самого будут за пятки хватать полицейские ищейки? Вы что, собираетесь совершать из Альпадских гор разведывательные рейды по окрестностям?

– Я чувствую, убийца не отвяжется от меня. В Альпадских горах мы встретимся.

– Предположим, вы встретились. А что, если этот ваш убийца – не один человек, а целая банда?

– В Альпадских горах я найду семечко. Оно поможет мне.

Шейла Тоберс промолчала, но по ее снисходительной полуулыбке легко можно было понять, о чем она подумала.

Вскоре усталость прошла, уступив место голоду. Повсюду под деревьями росла темно-красная ягода, похожая на ежевику, по заверению Тоберс вполне съедобная, и беглецы наелись ею вволю. Им предстояло идти всю ближайшую ночь, так что для них было бы неплохо за день как следует выспаться – и Джонни соорудил из веток два ложа, одно для себя, другое для своей спутницы. Крупных хищников в этих местах не водилось, сообщила Тоберс, и они улеглись на ветки нимало не заботясь о том, что на них могли устроить облаву и что ради безопасности им следовало бы спать по очереди.

Проснулся Джонни оттого, что кто-то несильно потряс его за плечо. Раскрыв глаза, он увидел ЕЕ. ОНА стояла рядом с ним на коленях и, лукаво улыбаясь, протягивала ему желтый плод величиной с крупное яблоко... О господи, Лола!..

Увы, остатки сна развеялись и девушка приняла свои истинные очертания. Это была Шейла Тоберс. Джонни невольно отшатнулся, так что потом ему пришлось извиняться.

Улыбка исчезла с ее лица. Она сухо сказала:

– Попробуйте, это – максатия. Хорошо утоляет голод.

Джонни взял желтый плод, куснул. Максатия была горько-сладкой на вкус. После нее Джонни захотелось пить. Словно догадавшись, о чем он подумал, Тоберс произнесла:

– Здесь неподалеку ручей. Пойдем, покажу.

Ручей находился недалеко, не там, где они собирали темно-красные ягоды, а в другой стороне, то-то Джонни тогда не заметил его. У самой воды росло большое дерево с желтыми максатиями на верхушке. Джонни подумалось, что неплохо было бы перед дорогой подкрепиться сочными плодами, и полез на дерево. Сбить максатии палкой не стоило и думать, слишком уж они были нежны.

Сорвав полдюжины плодов, он спустился вниз.

Тоберс уже не сидела на стволе упавшего дерева, а лежала, спиною к коре, – запрокинув голову, выгнув дугою грудь, разбросав ноги. Нет, она была одета. Она как бы упивалась этим днем, светом и теплом его, а кому-то могло показаться, что она и была центром этого мира, его светом и теплом.

Голд как был, в одежде, кинулся в ручей.

Выйдя из ручья он сел на нагретый солнцем валун и сидел на нем, пока не высох.

До самого вечера они не сказали друг другу ни слова. Когда сумерки загустели, он обронил:

– Смеркается. Пойдем?

– Пойдем.

Они подкрепились желтыми плодами и двинулись на восход зеленоватой трабатийской луны.

Время было за полночь, когда они вышли из леса. Вдалеке виднелись огни.

– Это Антран, – сказала Шейла Тоберс.

– Вы так уверены, что ваш знакомый поможет нам?

– Он не может не помочь нам: он любит меня. Что вы смотрите? Да, я вышла замуж за Роя То-

берса, но Пол Джеферс от этого не перестал любить меня. А вы, мистер Голд... у вас есть девушка?

– У меня была жена. Она умерла. Но это ничего не значит, мне всегда кажется, что мы только вчера виделись. Когда мы встретимся...

– Вы встретитесь? Как же вы можете встретиться, раз она умерла?

Джонни понял, что сказал лишнее.

– Мы встретимся с ней там, куда попадают люди после смерти, – схитрил он.

– Вы верите в загробную жизнь, мистер Голд? А я думаю, после смерти нас съедят черви, и на этом все кончится.

– Жить незачем, если думать так.

– А может, и вправду незачем жить?

За разговором они прошли половину расстояния до городка. Теперь Тоберс шла медленней, гораздо медленней, чем поначалу. У Джонни самого ноги налились усталостью, каково же приходилось ей, хрупкой девушке?

– Отдохнем? – предложил он.

– Кажется, это не Антран.

Он остановился.

– Я заблудилась, – произнесла Тоберс хрипло. – Мы... у нас... это какой-то другой город, точно другой.

– Возможно, Антран где-то рядом?

– Не знаю.

Подумав, Джонни предложил:

– Давайте сделаем так. Пойдем до того перелеска. Утром я схожу в город, вы подождете меня

в перелеске. Я узнаю, где мы находимся, и в какой стороне Антран, у кого-нибудь из местных.

Тоберс как-то вяло согласилась, пусть оно будет так. Они прошли немного, лучше сказать, немного проплелись. Девушка все сбавляла шаг, пока не остановилась.

– Мне кажется, Пол Джеферс может не помочь нам, – обрадовала она.

– Как так?

– Мы с ним не виделись давно, так что... всякое бывает. Знаете, лучше нам попробовать добраться до Альпадских гор на попутной машине. Трасса рядом. Слышите? – Из-за пригорка доносился рев машин.

– И что мы будем объяснять инспекторам на дороге? – угрюмо поинтересовался Джонни.

– Вы забываете, я офицер полиции. Говорить буду я, от вас потребуется только молчать.

Делать нечего, они двинулись к трассе. Как и следовало ожидать, водители не торопились останавливаться. Джонни и Тоберс пошли по обочине, как по каким-то приметам определила Шейла Тоберс, в сторону Альпадских гор. Шли они, поминутно останавливаясь, и Джонни сигналил рукой проезжавшим мимо машинам. Никто и не думал тормозить.

По ходу их движения справа от дороги показалась заасфальтированная площадка, где стояли четыре машины-контейнеровоза. Там же горел костер, у которого сидели несколько человек, видимо, водители отдыхали ради безопасности вместе.

Джонни и Тоберс направились к костру.

У огня сидели кружком пять мужчин. Джонни учуял запах мясных консервов. Подойдя к костру, он встал так, чтобы его было видно. Тоберс держалась на шаг позади него.

– Ребята, я старатель, отстал от своих, – проговорил Джонни, отвечая на испытующие взгляды. – Можно погреться у вашего огонька?

– Еще бы тебе не отстать. – Круглолицый Бородач одобрительно щелкнул языком. – И я бы на твоем месте обязательно отстал, приятель... Да вы садитесь, тепла не жалко. Есть хотите? Том, принесли ложки.

Сухощавый Том поднялся и шагнул в темноту.

Девушка вскрикнула. Джонни немедленно вскочил на ноги – и все же он опоздал среагировать должным образом. Том выстрелил, игла вошла Голду в шею, и сонная пелена накрыла его сознание.

Последним чувством Джонни была досада на свою непредусмотрительность.

ДВА ПРЕОБРАЖЕННЫХ

Где-то далеко возник высокий вибрирующий звук, возник и немедленно стал усиливаться, как будто его источник приближался к Джонни. Когда звон в ушах сделался невыносим, Джонни открыл глаза.

Звук сразу исчез. Перед глазами Голда долго

все было как в тумане, потом туман стал разреживаться, показался грязный потолок.

Он сел, с облегчением замечая, как начало проходить онемение в правой ноге. Сидеть ему приходилось на полу, а до этого он лежал на полу, потому что в комнате не было ни стула, ни койки.

Э, да это не та ли самая тюремная камера, из которой он так неудачно сбежал?

Джонни поднялся, подошел к окну. В самом деле, то была та самая комната: оконная решетка носила следы ремонта, из окна же он увидел знакомую картину, маленький внутренний двор.

Он вспомнил, как мастерски его с Шейлой Тоберс взяли. Полицейские не стали устраивать облаву с перестрелкой, не стали, растянувшись цепочкой, прочесывать местность, они просто устроили беглецам ловушку. Вероятно, таких ловушек (а возможно, и не только таких) в окрестностях тюрьмы было сделано несколько. Со спутника их могли засечь, когда они находились у ручья, и потом ловушки расставили по ходу их движения, либо ловушки были расположены по окружности, центром которой являлась тюрьма.

Интересно, хитрый старичок психолог опять будет уговаривать его прикинуться сумасшедшим, чтобы на нем повисли все четыре убийства, или совершенный им побег сочтут настолько весомым доказательством виновности, что его уже не станут ни о чем просить?

Странно, однако, что его не убили на месте. «Оказал сопротивление при задержании», и все... И завершенное дело о четырех убийствах можно сдавать в архив. Верно, настоящему убийце очень

уж хочется покуражиться над ним перед его казнью, и убийца обладает достаточным влиянием на полицию, чтобы обеспечить ему безопасность вплоть до самой казни. А могло быть и проще, возможно, он остался жив благодаря относительной автономии полицейских подразделений, а совсем не связи убийцы с полицией. В его смерти было заинтересовано следствие, но задержание сбежавших узников проводилось не следователем лично, а специальной командой, которой следователь никак не мог в лоб приказать убить беглецов.

Ужин Джонни не принесли, что он посчитал дурным знаком: скотину перестают кормить перед забоем. В некоторых тюрьмах имеют обыкновение расстреливать ночью. Уж не его ли эта ночь?..

Он вздрогнул. Ему почудилось, что кто-то позвал его со стороны внутреннего двора. Галлюцинации начинаются, этого еще не хватало... Когда Джонни во второй раз услышал свое имя, он не мог не подойти к окну.

Сквозь прутья решетки он увидел гравилет с открытым верхом, зависший на уровне подоконника, и человека в нем. В руке человек сжимал лучемет, и целился он прямо в окно. Целился прямо в него...

– Отойди в сторону, Джон, я разрежу решетку, – сказал человек спокойно, и тут только Джонни узнал его: это был дантиец Ом.

– Ом! Так ты...

– Жив, как видишь. Ты же предупредил меня, с какой стати меня убили бы? Той ночью на меня покушались, было дело, стрельнули из игломета.

Панцирь из унихрома не всяким лучом пробьешь, а не то что иглой... Это мы так договорились с полицейскими, представить меня убитым.

– Но почему они...

– Это не они. Не в государственной ты тюрьме, не понял еще? Они выдают себя за полицейских, но они не полицейские.

– Кто же они?

– Мегалийцы. Есть в системе Альтаира такая планета, Мегал... Мы заболтались. Отойди от окна!

Ом плазменным лучом рассек стальные прутья решетки, и Джонни перебрался в гравилет. Ом сразу же кинул машину вверх, только в ушах засвистело.

– Ты как будто похищаешь меня? Разве полиция не могла освободить меня иначе? – прокричал Джонни в ухо Ома.

– Нет, иначе было невозможно. Земля в округе – собственность Эспара, одного из властителей Мегала... Полицейским, только чтобы ступить на его землю, нужно иметь на руках разрешение Имперской Канцелярии. Переговоры с Землей начались, но.... Чиновники потребовали абсолютные доказательства, что Эспар держит тебя в плену; стереопленку, запись разговоров... Это тянулось бы... Они раскрыли купол!

Гравилет, набрав высоту, вдруг натолкнулся на какое-то препятствие, только одно мгновение бывшее невидимым. В следующее мгновение синеватое свечение разлилось куполообразно над владением мегалийца Эспара. Это свечение показывало контуры силового поля, излучаемого заработавшими в разных концах здания генерато-

рами. По защитному куполу пробегали искры, наиболее часто – в месте соприкосновения гравилета с защитным куполом. Эти искры, а также синеватая окраска купола указывали, что энергия защитного поля расходовалась на противодействие сторонней силе.

– Один из людей Эспара у меня на содержании, – прокричал Ом, стараясь голосом пробиться сквозь треск разрядов и гудение генераторов силового поля. – Он отключил защитный купол, он не должен был включать его, пока... Его разоблачили, или он с самого начала вел хитрую игру... Ничего, держись, у меня есть кое-что про запас!

Гравилет рванулся вперед, корпусом тараня защитное поле, из двигательного отсека повалил дым. По-видимому, там кроме гравитационного был размещен и химический двигатель.

Купол в месте соприкосновения с гравилетом ярко вспыхнул. Вспыхнул и прорвался в этом месте.

Гравилет пулей вылетел из купола.

Эспар, горбун с гладко выбритой головой (бритые головы были в моде у мужчин Мегала), зло смотрел перед собой.

Перед ним стоял старик в черном, тот самый, который в общении с Джонни выдавал себя за тюремного психолога. Старик говорил твердым голосом, без капли вкрадчивости, с которой он разговаривал с Джонни:

– Господин, не надо предаваться отчаянию. Ваша жена, воплощение чистоты, и не думала подчиниться порочному чувству, это был всего-навсего маленький каприз, игра, развлечение. На будущее вам не следует держать ее взаперти, пусть она привыкнет к свежему воздуху, тогда он не сможет опьянить ее. Итак, вы должны ее простить, а с землянином следует продолжить. Сейчас в вашем присутствии напряжение поля трилистника достигает двухсот двадцати единиц, совсем немного осталось до трехсот.

– А тебе не кажется, Момнон, что трабометр покажет триста, как только я убью их обоих?

– Убийство беззащитных – признак слабости, а трилистник не любит слабых, это вы знаете.

– Это-то я знаю, но я не уверен, что убийство – признак слабости. Сколько раз по моему слову убивали, Момнон? И напряжение поля трилистника всегда повышалось.

– Да, но эти, которых убивали, не в четырех стенах находились, у них была возможность сохранить себе жизнь, только они не сумели ею воспользоваться. Кроме того, до этого по вашему слову убивали не ради самого убийства: тот, ради кого убивали, всегда оставался жив.

– И сейчас я убью их не ради убийства, а ради себя. Убью, потому что таково мое желание. И уж я-то останусь жив!

– Как вам будет угодно, господин. – Момнон опустил глаза, чтобы владетельный Эспар не сумел прочитать в них презрение.

– Можешь идти, Момнон, – проговорил горбун, лучше сказать, приказал. Обычных слов типа

«мой верный друг» или «мой старый соратник» он на этот раз не произнес.

С раздражением на сердце вышел Момнон из роскошного кабинета главы клана андроудов. Он направился к себе. Стоявшие в коридорах охранники вытягивались и отдавали ему честь, шедшие навстречу мегалийцы сторонились и терпеливо ожидали, когда он пройдет, – он не замечал ни тех, ни других. Он в тысячный раз слал проклятия негодяю, подсказавшему Эспару, что тотде сможет избавиться от своего горба, если проглотит Семечко, и в тысячный раз клял старинный обычай, по которому власть в клане передавалась исключительно наследственным путем. По сути этот обычай обрекал то один клан мегалийцев, то другой на годы подчинения недалекому, ленивому или развратному владыке, а ведь иной раз эти «замечательные» качества совмещались в одном лице.

Коварство этого совета, поданного Эспару, заключалось в его кажущейся несомненной ценности. Эспар мечтал быть Первовластным Господином Мегала, а не просто одним из полутора сотен глав мегалийских кланов. Его отец был Первовластным, как же ему не сделаться Первовластным? Первовластный Господин Мегала избирался главами кланов.

«Если бы не горб...» – сетовал Эспар. Косметическая операция являлась слишком низменным способом избавления от физического дефекта, способом, не заслуживающим уважения, тогда как нахождение семечка трилистника и получение от него физического совершенства считалось знаком

блистательной избранности. Кроме того, была еще Виолана. Жена Эспара, взятая им из бедного рода, слыла красавицей, и временами он в ее присутствии ощущал свою ущербность с удвоенной силой. Семечко трилистника, очевидно, и в отношениях с женой могло бы неплохо помочь Эспару.

Одну важную деталь уяснил Эспар с самого начала, скорее, на нее ему указал тот же самый советчик: Эспар должен был непременно найти семечко. Найти, а не купить. *Если бы он купил семечко, опустошив казну, вослед его красоте* простые мегалийцы стали бы плеваться, *и ни о каком* избрании его Первовластным тогда бы не могло идти и речи.

Момнон, воспитатель Эспара и старейшина одного из богатейших мегалийских родов, должен был что-то придумать, как-то отвлечь Эспара от тягостных мыслей, посоветовать начать войну с каким-нибудь из кланов в конце концов, но Момнон промедлил – и Эспар поставил его перед своей волей. Эспар с твердостью глупца возжелал завладеть семечком, и Момнону ничего не оставалось, кроме как честно *исполнить свой долг* подданного.

Момнон горько поморщился. *Сколько раз* бывало, что даже он со всем его огромным жизненным опытом начинал верить в эту глупую затею Эспара, стать Преображенным! Пожалуй, было бы лучше, если бы им виделись одни непреодолимые препятствия, так нет же, маленькие успехи порядком задурили им головы.

Ученые, нанятые Эспаром, дорогие умы, открыли существование вокруг каждого из расте-

ний трилистника особого поля. Если какой-то объект приближался к трилистнику, одушевленный или неодушевленный, трилистник реагировал на это изменением напряженности своего поля. Было вычислено, что в момент, когда трилистник порождал семечко, его поле достигало напряженности в триста единиц. Напряженность поля измерялась специальным прибором, названным по имени планеты трилистника трабометром. Было также доказано, что все растения трилистника на один и тот же объект всякий раз реагировала одинаково, другими словами, совокупность растений трилистника на Трабаторе вела себя как единый организм, единое дерево с веточками-растениями. О последнем, впрочем, догадывались многие, имевшие дело с трилистником, и старатели, и ученые. Из этого свойства трилистника вытекало, что не имело смысла рыскать по всей планете в поисках семечка, мудрее было заставить какое-то избранное ра́стение породить семечко.

На присутствие разумных существ трилистник реагировал изменением напряженности поля от фоновой в одну-две единицы до тридцати-сорока единиц. Напряженность поля возрастала вдвое-втрое, если старатель непосредственно обращался к трилистнику с просьбой, или требованием, или мольбой явить Семечко. Трилистник, конечно, вряд ли понимал слова старателя, но состояние души старателя он каким-то образом ощущал.

Таким образом, задача старателя сводилась к тому, чтобы повысить напряженность поля трилистника до трехсот единиц. Было выяснено, что чем сильнее было желание старателя получить Се-

мечко, чем тверже была воля старателя добиться своего, тем большую напряженность поля трилистника показывал трабометр в его присутствии. Но как закалить свою волю, а главное, как продемонстрировать ее непреклонность трилистнику? Одни сутками медитировали, другие годами ползали на брюхе в поисках семечка, третьи, презрев страх, забирались на высокие вершины и, бывало, удача встречала их там.

Владетельному Эспару, разумеется, не пристало лазить по горам или ползать часами на брюхе в поисках семечка. Мудрые головы разработали для него особую программу.

Есть простая истина: проявить силу возможно в строительстве, но возможно и в разрушении. Если Эспару было неуместно утвердить силу своей воли в настойчивом поиске Семечка, он мог утвердить силу своей воли в сокрушении настойчивости других старателей.

Несколько старателей, на приближение которых трилистник реагировал особенно значительным скачком напряженности своего поля, стали жертвами Эспара. По его приказу одних запугивали до потери чувств, других доводили до сумасшествия, целомудренных оскверняли развратом, развратных заставляли возненавидеть самих себя. И как будто начало получаться: напряженность поля трилистника в присутствии Эспара стала уверенно расти.

Так было вплоть до последнего случая, с землянином Голдом. Голда мегалийцы Эспара приметили, как только тот вышел из космопорта: на его появление трилистник, росший вдоль пеше-

ходной дорожки, отреагировал скачком напряженности своего поля до двухсот единиц. Он был очень близок к семечку, землянин Джон Голд, и поэтому он вполне годился стать кирпичиком в фундаменте триумфа владетельного Эспара.

Голда попытались запугать, смутить, запутать обычными способами. Видя, как вокруг него убивают знакомых ему людей, он должен был потерять ощущение цели, запаниковать, и, как следствие, отказаться от своей затеи найти семечко. Этот отказ Голда трилистник, конечно, расценил бы как победу Эспара, устроившего этот отказ. Однако что-то не сработало. Голд не только не сбежал с Трабатора – его даже не удалось заставить поверить в его виновность в убийствах, по которым он проходил как обвиняемый, и, более того, его даже не удалось заставить сделать вид, что он совершил эти убийства в умопомрачении.

Волю Голда непременно следовало сокрушить: Эспар уже вошел во взаимодействие с Голдом, и чуткий трилистник воспринял бы иное как поражение Эспара. Момнон невесело усмехнулся. С какой тщательностью они разрабатывали операцию, как надеялись на успех! Теперь-то ясно, что они зря задействовали Виолану, но кто знал тогда, что так обернется? Они как будто рассуждали верно: Виолана духовно связана с Эспаром, значит, ее участие в операции предпочтительнее участия какой-то другой девушки. Так-то от нее ничего сверхъестественного не требовалось: притворившись узницей и устроив Голду побег из тюрьмы, она должна была влюбить его в себя (только без близости, конечно) и затем выдать его

преследователям, хохоча ему в лицо. Виолана начала бойко, а потом... Вместо того, чтобы влюбить Голда в себя, она сама втрескалась в него по уши. Она даже попыталась взаправду спасти его, вырвать из рук Эспара. Вместо того, чтобы провести его в намеченное место, где ожидала засада, и разыграть там сцену предательства, она вывела его на трассу и чуть не посадила на проезжавшую мимо машину. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы Момнон не позаботился о кое-каких мерах предосторожности. Более сотни верных мегалийцев, разбитых на группы, были наряжены водителями, простыми селянами, старателями.

Ему удалось помешать Голду удрать, да что с того? Возвращение Голда в тюремную камеру, судя по тому, как на него реагировал трилистник, ничуть не надломило его душу. Таким образом, поставленная цель не была достигнута, вышло даже хуже: вместо того, чтобы помочь Эспару, Виолана навредила ему, своим дерзким поведением, разозлив его и пошатнув его уверенность в себе.

Неосознанно желая вернуть себе эту уверенность, Эспар видел тому единственный способ, он рвался убить и Виолану, и Голда. Его несдержанность, его глупость мешали ему понять, что это убийство не восстановило бы его позиции, но обернулось бы крахом его надежды однажды увидеть семечко. Разве трилистник когда-нибудь явил бы семечко не только проигравшему, но и капитулировавшему?

Сколько сил и средств ушло на эту затею с

семечком! Почему он, Момнон, не удержал, не образумил Эспара в самом начале?! Или, хотя бы, он мог сам от этого уклониться. Он присягал Эспару? И что с того, он мог уклониться, он мог найти предлог...

Или еще не все потеряно, или это семечко – не глупость, но цель верная, хотя и далекая?

Уж точно, все будет потеряно, если Эспар убьет Виолану. Тогда семечка ему не видать.

Ему, Момнону, тогда семечка не видать.

Момнон проходил через зал, в центре которого стояла мраморная чаша на высокой ножке, наполненная землею. Над чашей пышной зеленой шапкой поднимался трилистник, У этой чаши Эспар имел обыкновение ежедневно трабометром проверять, каких успехов он достиг на пути к Семечку.

Проступок Виоланы, натянутый разговор с Эспаром, вид чаши с трилистником – все это способствовало тому, что мысли, доселе скрываемые Момноном от самого себя, вдруг предстали перед ним во всей своей наготе.

Эспар был истинным наказанием клану андроудов за его долгое процветание. Туповатый и злобный, Эспар был бы хорошим воином, а не главой клана. Главой клана по уму должен был бы быть Момнон... На Эспаре заканчивался род Эспархов, так что, умри Эспар, главенство в клане станут оспаривать несколько родов. Если бы только Момнон стал Преображенным, тогда бы...

А почему бы ему в самом деле не стать преображенным? Он был главным конструктором ситуаций, калечивших волю старателей. Если три-

листник реагировал на Эспара напряженностью поля в двести двадцать единиц, то на него Момнона, трилистнику надо было бы реагировать куда сильнее,

И может... Момнон остановился. Возможно, Семечко дастся ему прямо сейчас?

Поблизости никого не было и Момнон подошел к чаше. Трилистник бодрее реагировал, если к нему обращались. Момнон коснулся пальцами зеленого листа. Из полусжатых губ его вырвалось нетерпеливое:

– Дай... Да-ай!

В единый миг он ощутил, что нередко описывали те, кто сумел добыть Семечко: трилистник потянулся к нему всем своим существом, невидимыми листьями коснулся его руки, затрепетал почти готовый породить цветочную почку... Или это ему только показалось?

Во всяком случае, цветок не появился. Вместо этого Момнона потрясло другое.

– Браво! У тебя прекрасный результат, Момнон!

Момнон быстро оглянулся.

В зал входил Эспар. Два *телохранителя* сопровождали его, держа ладони ни рукоятях иглометов.

Момнон посмотрел на мраморную чашу, на трилистник... Тут только он заметил среди трехлопастных листьев датчик трабометра.

Устройство, преобразовывавшее результат измерения напряженности поля трилистника в высвечиваемую на экране цифру, Эспар держал в своей руке.

– Двести восемьдесят, очень неплохо, – сообщил Эспар. Голос его перешел в свистящий шепот. – Ты хочешь стать Преображенным, Момнон? Ты хочешь стать Преображенным вместо меня?

– Прибор неисправен, господин, – проговорил Момнон спокойно, хотя у самого туман стоял в глазах.

– Этот трабометр сегодня проверяли, Момнон. Он исправен.

– Значит, он сломался после проверки. Позволь...

– Прибор исправен, Момнон, ты слышишь?

– Как угодно господину. – Момнон быстро просчитывал варианты. Вообще-то просчитывать особо было нечего. Эспар теперь убьет его, непременно убьет. Не прилюдно, конечно, он все-таки был не последним в их клане, но уж убьет наверняка. И, может, на этом убийстве Эспар получит столь необходимое ему приращение напряженности поля.

Но почему бы Момнону не получить необходимое ему, Момнону, приращение напряженности поля?

– Ты начинаешь бояться, Момнон, нехорошо, – проговорил Эспар насмешливо. – Сейчас напряженность всего двести единиц, а тебе ведь хотелось бы триста, а, Момнон?

– Тебя ли мне бояться, Эспар? – Владетельный Эспар вздрогнул, так неожиданно для него прозвучали слова всегда покорного ему Момнона. – Разве не на мне держится твоя власть? – продолжал Момнон тоном еще более наглым. – Что бы ты делал без моих советов, Эспар? И ты еще

хочешь получить Семечко? Первовластный Эспарак не зря сомневался, его ты сын или нет. Ты...

Момнон переоценил силу своего влияния в клане, а может, недооценил злобность властителя; не успел он договорить фразу, как плазменный луч, стремительно описав полукруг, коснулся его головы.

Луч пробежал по середине лба Момнона и побежал дальше вниз, четко держась центра. Если бы концентрация плазмы в луче была немного большей, Момнон распался бы на две половинки, а так плазменный резак лишь вскрыл его череп, грудную клетку и брюшную полость. Этого, однако, оказалось достаточно чтобы Момнон скончался на месте.

Быстро взглянув на зеленые листья, не показалось ли где Семечко, горбун убрал лучемет в кобуру и обернулся к телохранителям:

– Достойного Момнона, моего воспитателя и друга, хватил удар. Мне пришлось воспользоваться лучеметом, чтобы он не мучился, вы поняли? Он будет похоронен с почестями, заслуженными им, а пока отнесите тело в подвал. Да передайте, пусть сообщат на Мегал: я объявляю трехдневный траур по всей Андроудии.

Эспар подал знак, веля телохранителям приступить к исполнению его приказа. Они было взялись нести тело по-простецки, за руки и за ноги. Эспар выбранил их. В зале стоял стол, покрытый богатой скатерью, как бы специально предназначенный для переноса на нем подобных предметов. Тело Момнона было возложено на стол, прямо на скатерть, после чего охранники осторожно взялись

за ножки и, отдуваясь, понесли стол вместе с телом.

Сумрачный Эспар направился в покои своей жены.

Когда Виолану и Голда вернули в его резиденцию, его позор увидели все: челядь, телохранители, приближенные... Она не скрывала своей порочной страсти. О боги Мегала, каких сил ему стоило сдержаться, не изничтожить ее тут же, а лишь приказать отвести Виолану в ее спальню и сторожить ее там! Как же она могла?.. Как же она посмела?.. А ведь он верил ей, он верил, что она любит его, а если не любит, то, во всяком случае, старается полюбить. Оказалось, все было притворством. Если бы хоть какое-то чувство она испытывала к нему, разве она выставила бы его на посмешище?..

Охранник вытянулся, заметив его. Перед дверью спальни Эспар задержался. Что это, сомнение ли промелькнуло по его лицу, или это был страх? Посуровев, он толкнул дверь.

Эспар вошел в большую комнату с окном во всю стену, со стенами в дивных барельефах, с кроватью в форме распускающегося цветка игнорации.

Она смотрела в окно.

Он подождал.

Вот как, она не хочет замечать его.

– Лана, – позвал горбун. Голос его прозвучал сипло, невнятно, не так, как должен был звучать голос мужа. И Эспар взревел во всю мощь своих легких: – Лана!

Она медленно повернулась к нему.

– Что, пришел меня убить? Убивай!

– Я взял тебя из бедного рода в царственный род Эспарахов, я обогатил твоих родных, я сделал твоего отца старейшиной, а ты? Ты помнишь, в чем ты клялась? Ты обещала быть мне примерной женой в жизни и в смерти. На Эльманской чаше и на мече Орана ты клялась...

– Я никогда не полюблю тебя, Эспар. И великие святыни бессильны связать нас, что проку поминать их?

– Ты святотатствуешь, мерзавка!

Она усмехнулась.

– Какое же ты ничтожество, Эспар.

Лицо горбуна налилось кровью, он медленно провел ладонью по лбу.

Виолана смело продолжала:

– Кем бы ты был без своего происхождения, без слуг и без денег? Подумай сам, Эспар, разве ты сумел бы хоть однажды победить в честном бою, без чужих рук? А ты еще возмущаешься, почему я не люблю тебя? И ты еще мечтаешь о семечке!

Горбун проговорил бесцветным голосом, и было видно, с каким трудом ему давалось кажущееся спокойствие:

– Сегодня трилистник отозвался на мою просьбу напряженностью поля в двести двадцать единиц, что ты скажешь на это?

– Что ты великий злодей и ничтожный мегалиец.

– Великий злодей? Я польщен. – Эспар язвительно поклонился. – Что же до мегалийцев, то какое нам дело до них? Именно так, милая моя, ты думала совсем недавно. Разве не ты посовето-

вала мне умертвить моего дядю и брата, чтобы ни у кого не появилось и тени сомнения в незыблемости моей власти? И это семечко... Кто намекнул мне про его силу? Разве не ты? И разве...

– Ты хочешь сказать, что я не лучше тебя, – проговорила Виолана горько. – Может, и не лучше, но это не мешает мне хотя бы мечтать о лучшем.

– Ты уж, конечно, уверена, что ты лучше меня, ведь у тебя нет такого горба, как у меня. А эти твои мечтания... Представляю, как у тебя все дергалось внутри, пока ты была рядом с ним. А как только оказалось, что он плюет на тебя, ты запустила себе пятерню между ног. Ты...

– Ты глупец, Эспар, – устало сказала Виолана. – Злобный, жесткосердный глупец.

– А ты шлюха. Шлюха!

– Лучше быть шлюхой, чем твоей женой.

Эспар выхватил из кобуры лучемет.

Не дрогнув, Виолана молвила:

– Давай, стреляй, может, на этот раз трабометр покажет тебе двести пятьдесят единиц. Только семечка ты все равно не получишь, хотя бы трабометр и триста единиц показал. Ты разве до сих пор не догадался, Эспар? Твои умники забыли устроить так, чтобы трабометр показывал знак перед цифрой, а он очень важен, этот знак. Семечко появляется при плюсе, а перед твоими сотнями единиц всегда стоял минус... Подумай сам, Эспар, разве те, кому явилось семечко, были осатанелыми стервецами, сбесившимися...

Эспар выстрелил.

Плазменный заряд пробил ее сердце, и она упала, даже не вскрикнув, спиною на широкое ложе.

Рука горбуна задрожала, и оружие вывалилось у него из пальцев. Цепенеющим взором он уставился в холодное лицо Виоланы. И время остановилось для него.

Неприятный голос надоедливым комаром проник к нему в уши. Вывести его из состояния душевной и физической заторможенности голос не смог, но все же был им услышан благодаря своей настойчивости.

Эспар повел глазами.

Рядом стоял офицер охраны. Как он посмел войти в спальню госпожи без разрешения? Эспар сжал кисть, в которой только что держал лучемет. Благо оружие валялось на полу, а не то офицеру пришлось бы немедленно раскаяться в своей смелости.

Офицер охраны шевелил губами, верно, что-то говорил. До Эспара как сквозь сонную пелену донеслись слова:

– Разоблачили предателя... какой-то гравилет... держат лучами... ваши указания, господин...

Эспар махнул рукой. Офицер охраны наморщил лоб, силясь понять смысл жеста своего господина. Эспар махнул рукой нетерпеливее. Наконец до охранника дошло, что ему всего-навсего приказывали удалиться.

Как только офицер вышел из спальни, Эспар медленно двинулся к кровати, не сводя глаз с лица своей мертвой жены.

Едва гравилет с Омом и Голдом на борту пробил защитный купол, как он тут же попал в тиски грави-поля особой конфигурации, созданного установкой «Ловчая сеть». Это грави-поле представляло собой переплетение множества гравилучей, определенность направлений и качеств которых обеспечивала фиксацию ими заданного объекта. Установка «Ловчая сеть» потребляла энергии почти в десять раз больше, чем защитный купол, но Эспар не считался с затратами, когда речь шла о его безопасности.

Начальник службы охраны резиденции владетельного Эспара, мегалиец по имени Ульгон, вопросительно взглянул на офицера охраны Герта.

– Госпожа мертва, – проговорил Герт.

– Этого следовало ожидать. Что делать нам, господин сказал? – Ульгон покосился на экран, где одинокий гравилет силился разорвать путы грави-лучей.

– Господин ничего не сказал. Кажется, он не хочет, чтобы его тревожили сейчас.

Выбранившись, Ульгон сам направился к вождю клана, строго наказав подчиненным ни в коем случае не упустить гравилет с беглецами.

Он увидел Эспара на коленях перед ложем, на котором лежала с обугленной раной в груди Виолана.

– Господин...

– Ш-ш-ш... – Эспар, не оборачиваясь, приложил палец к губам. – Ты разве не видишь? Твоя госпожа спит.

– Господин, – настойчиво повторил Ульгон, правда, голосом куда менее громким, – землянин Голд задержан при попытке бежать со своим сообщником. Их гравилет мы опутали силовыми полями. Что прикажешь делать с ними, господин?

– Землянин? Что за землянин? – В глазах Эспара блеснула искра понимания. – А, землянин Голд... Он должен остаться жив.

Больше Ульгону не удалось добиться от своего господина ни слова.

В центр управления системами охраны Ульгон возвращался злой. Действительно, его ситуации нельзя было позавидовать: он знал, как много значил для его господина землянин Голд, но он не знал, каковы были последние намерения его господина относительно землянина Голда. Если вдруг при задержании Голд будет убит, не огневается ли Эспар, когда очнется? Конечно, хорошо было бы предоставить Эспару Голда живым, но Голд и его сообщник наверняка вооружены, поэтому при их задержании очень трудно всадить в них снотворные или парализующие иглы прицельно, то есть не задев органы, при попадании в которые даже безопасная игла становилась убийцей. Кроме того, сообщник мог доставить Голду панцирь, непробиваемый для игл, и тогда все еще больше усложнялось. То есть при задержании Голда и его сообщника несколько мегалийцев могли погибнуть, а ведь, возможно, Голд уже не нужен Эспару, можно было бы просто расстрелять на расстоянии гравилет с беглецами!

Занимая свое место у командного пульта, Уль-

гон уже знал, что ему делать. Он должен был попытаться взять Голда живым.

В операторскую полетела команда: ввести комплекс «Ловчая сеть» в режим № 2.

Напряжение грави-поля, фиксировавшего машину Ома, стало быстро расти. Непреодолимая сила надавила на гравилет Ома, и машина несмотря на все усилия двигателей начала медленно опускаться вниз. А внизу была крыша главного корпуса резиденции Эспара. На крыше зеленел садик, рассыпались хрустальными брызгами струи фонтана, красовались изящные беседки.

Грави-поле опустило гравилет на крышу, но не прекратило давление на него. Беглецы едва успели выскочить из машины, и корпус гравилета стал оседать, расплющиваясь под действием чудовищной мощи. На то, чтобы окончательно вывести из строя машину беглецов, был затрачен весь остаток энергии аккумуляторов, питавших систему «Ловчая сеть».

На крышу резиденции Эспара поднимались вооруженные мегалийцы, снайперы занимали места у окон, несколько подвижных групп задерживания размещалось по окраинам поместья на случай прорыва беглецов из внутреннего кольца окружения.

Что это? Эспар попытался сосредоточиться. Какое оно черное, словно печать космического «ничто». Какое оно отвратительное. Какое оно...

Немало трудов стоило Эспару вспомнить, что этот черный струп на теле его жены, через кото-

рый вытекла ее жизнь, являлся делом его рук. И все же, приходя в себя, он вспомнил, что случалось и что ничья воля теперь не в силах была изменить.

Зачем ты так рассердила, его Лана? И он... почему он не сумел сдержать себя? Отчего это все?..

Горбун кинулся вон из спальни.

Он молнией пронесся по коридорам и залам своей резиденции: охранники не успевали вытягиваться, заметив его; его приближенные едва успевали прижаться к стене, освобождая ему проход, он остановился в триумфальном зале, где в мраморной чаше рос трилистник.

На этот раз Эспар не собирался проверять трабометром, как трилистник реагировал на него. Семечко не было нужно Эспару, наоборот, в эти мгновения Семечко было ему ненавистно.

Он сорвал все растения, росшие в чаше, – какие сорвал, какие выдрал с корнем. И с охапкой зелени Эспар побежал обратно, в спальню жены.

Ей он принес все, что было ценно ему в мире: свои желания, свои мечты. Зеленью трилистника он обложил ее голову и плечи. Отступив на шаг, он подумал: вот если бы можно было превратить в маленькую зеленую веточку все его богатство и власть?

Тонкий стебель трилистника с двумя молодыми листочками лежал на груди его жены. Непорядок, надо поправить... О великие боги Мегала!

Эспар разинул рот, как будто вдруг испытал кислородную недостаточность, его глаза округлились, он замер, не дыша. Удивительное видение предстало его взору: на конце стебля, случайно

оброненного им на грудь покойницы, шелковисто поблескивало коричневое семечко.

«Это неправда, игра воображения, сон...» Эспар неверной рукой сорвал семечко с цветоножки и поднес к глазам.

«Галлюцинация, конечно...»

Он взял семечко в рот.

Эспар не расслышал, как тихо скрипнула дверь, пропуская в спальню офицера охраны.

Охранник остолбенел: на его глазах колдовское превращение происходило с его господином. Эспар распрямлялся. Тридцать пять лет пригнутый к земле горбом, теперь он распрямлялся. Горб исчезал, вся его злая мощь как бы уходила в плечи Эспара, наливавшиеся силой. Горб исчезал, пока совсем не исчез. И ноги Эспара как будто сделались стройнее, и шея, до этого почти отсутствовавшая, вытянулась до гармоничных пропорций. Только лицо Эспара Семечко не тронуло, как не тронуло оно его души.

Тут только Эспар заметил охранника.

– Господин... – Заметив внимание повелителя, офицер охраны принялся старательно перечислять, что делалось и что собирались делать для задержания пытавшегося сбежать узника живым. Им кажется, что так будет лучше всего, но если указания господина будут иными...

Эспар кратко установил:

– Голда не убивать, не усыплять. Блокируйте его на крыше.

– У его сообщника лучемет...

– Сообщника убейте, мне он ни к чему. Все, иди.

Охранник вышел, и Эспар развернулся:

– А ты говорила, никогда мне Семечко не добыть.

В голосе мегалийца не было торжества.

Джонни и Ом отстреливались, укрывшись в беседке. У Джонни был игломет со снотворными иглами, а у Ома – лучемет, введенный им ради экономим энергии в импульсный режим работы. Нападавшие не применяли плазменное оружие, стремясь не ликвидировать, но задержать беглецов, и это очень помогало Ому и Джонни обороняться: как ни тонки были стены беседки, боевыми иглами их невозможно было пробить.

Огненный луч, срезавший крышу беседки, явился для оборонявшихся неприятной неожиданностью.

Беседка запылала. Остаться там можно было только при желании хорошенько прожариться.

Джонни и Ом выскочили из беседки почти одновременно. Скульптура какой-то мегальской богини явилась неплохим укрытием для Джонни. Едва поняв это, он прокричал Ому, чтобы тот присоединился к нему.

Ом не отозвался.

Голд, позвав друга еще раз и не получив ответа, обернулся.

Ом лежал в нескольких шагах от него с громадной раной в груди справа. Судя по обугленным краям раны, Ома накрыли из плазменного ружья, когда он выскакивал из беседки.

Джонни ужом подполз к Ому.

На губах дантийца лопались кровавые пузыри, у него в горле хрипело, и тем не менее Джонни сумел уловить его последние слова:

– Я не успел сказать тебе про семечко... Ты должен знать... семечко – это мир, а мир всегда существует в миру... Стань больше себя, и ты увидишь семечко...

Последнее слово Ом прошептал еле слышно, и тем не менее для Джонни оно прозвучало как набат. Семечко... Он не должен умереть, во имя Лолы и замолчавшего Ома он не должен умереть, он обязан найти семечко! Он найдет семечко, иначе зачем смерть его друга?

Остаток энергии батарейки, вложенной в лучемет Ома, Джонни израсходовал на то, чтобы разрушить один из выходов на крышу, откуда палили снайперы. Затем, бросив последний взгляд на умершего дантийца, Голд перебежками стал пробираться к пожарной лестнице. Только этим путем он и мог спуститься с крыши, и то лишь при великом везении.

Ему дали добраться до лестницы. Не то чтобы в него стреляли мало – в него совсем не стреляли. Гробовое молчание противника не могло не насторожить Джонни, и когда он достиг края крыши, к которому примыкала лестница, ему показалось, что он расслышал веселое гоготанье. Если бы он вздумал ступить на лестницу, то не сумел бы опуститься ниже восьмого этажа двенадцатиэтажного здания, на крыше которого он находился: ниже лестница отсутствовала. Крепления, которыми она держалась на стене, разрезали

плазменным лучом. Покореженный, оплавленный участок лестницы валялся внизу, на земле.

Джонни взглянул на расход-сигнализатор игломета. У него оставалось шесть игл. В лучшем случае он смог бы обезвредить ими шестерых. Судя по перемещениям противника, не менее двух десятков стрелков сейчас занималось его персоной. И, очевидно, ими не исчерпывалось число мегалийцев, находившихся в поместье.

Его окликнули.

Джонни повернул голову.

К нему шел человек. Или нет, не человек, а мегалиец. Мегалийцы внешне совсем немного отличались от людей: более массивной нижней челюстью, низким лбом, крупным носом. Где-нибудь в другом месте мегалийца вполне можно было принять за землянина, но здесь Джонни разумнее было думать, что к нему двигался мегалиец.

На мегалийце была сине-зеленая униформа, которую носили здешние охранники, без знаков различия. Судя по форме, он был рядовым охранником, однако что-то значительное, не рядовое проглядывалось в его спокойной походке.

Джонни прицелился.

Мегалиец остановился и внушающе проговорил:

– Ты не должен стрелять, если хочешь жить.

Укрываясь за скульптурой-фонтаном, Джонни заявил:

– Я хочу выйти отсюда.

– Для этого я здесь. Пойдем, я проведу тебя к гравилету.

– Кто ты?

– Я Эспар, Владетельный Сын Мегала.

– То есть ты здесь главный?

– Бросай игломет и иди за мной.

– Зачем ты держал меня здесь? Зачем ты убивал? Что тебе было нужно от меня?

– Если хочешь убраться отсюда, иди за мной.

Эспар, развернувшись, двинулся к черному проему чердака.

Джонни швырнул игломет в клумбу. Чем игломет со своими шестью снотворными иглами мог помочь ему? Да ничем. Возможно, ему уготовили ловушку, только на крыше он и без того был как в западне. С этими рассуждениями Джонни зашагал за мегалийцем.

Эспар повел его коридорами и переходами вниз. Джонни по ходу их движения убедился, как бессмысленны были его надежды самостоятельно выбраться из поместья властительного мегалийца; они проходили мимо десятков, если не сотен охранников, провожавших Джонни хмурыми, а то и яростными взглядами.

Выйдя из здания, они попали на большую взлетно-посадочную площадку. В дальнем конце ее стояло несколько больших пассажирских гравилетов и два гравилета-грузовоза, а ближе к входу в здание поблескивал округлыми боками маленький двухместный гравилет «шмель».

Эспар, не сбавляя шаг, направился к «шмелю», дверь гравилета была открыта, в специальное гнездо панели управления, как мог убедиться Голд при приближении к машине, был вставлен ключ. Эспару хотелось, чтобы на этот раз все было честно, наперекор словам Виоланы о бесчестнос-

ти всех его побед. Вот гравилет, машина вполне готова к полету.

Когда до гравилета с заманчиво открытой дверцей осталось несколько шагов, Эспар резко обернулся:

– Ты сумеешь убраться отсюда, если я тебя не убью.

И он размахнулся, пьянящей радостью встречая свой первый честный бой. Еще бы ему не радоваться, ведь в своей победе он мог не сомневаться: он был Преображенным трилистником, а его противник – всего лишь обычным человеком. Такое неравенство сил в глазах Эспара ничуть не умаляло честности предстоящего боя. Бороться без посторонней помощи – единственная честность боя, и эту честность Эспар до конца соблюдет.

Джонни еле сумел уклониться от удара. Эспар мог бы остановить свой кулак, миновавший цель, но умышленно не сделал этого. Встретившись с дверцей гравилета, кулак Преображенного оставил на ней большую вмятину.

Для Эспара это было приятным представлением: он знал, что в любую минуту может убить противника, однако он не торопился закончить бой, желая покрасоваться перед своими подданными. Сотни глаз наблюдали за его торжеством, зачем же ему торопиться? Хорошая песня не может быть очень короткой.

Дважды Эспар давал Джонни возможность проникнуться иллюзией, что ему удалось переломить ход боя: первый раз Эспар, приняв на себя сильный удар Джонни, упал – и тут же как ни в чем не бывало поднялся, во второй раз Джонни

сдавил шею Эспара – немного поизображав полузадушенного, Эспар взял руки противника в свои руки и легко освободился от хватки Джонни.

Натешившись вдоволь, Эспар подумал: пора, пожалуй, кончать.

Он нанес удар.

Джонни показалось, что его голова разлетелась на куски, как будто по ней изо всех сил ударили пудовой гирей. Он успел почувствовать, как его нос и рот наполняются кровью – и потерял сознание.

Эспар дал Джонни прийти в себя, собираясь убить его в два приема, чтобы получилось эффективнее.

Разлепив веки, Джонни увидел днище гравилета. Он сместил взор. Какие-то бумажки, ржавая гайка... И на его глазах под днищем гравилета стала расползаться трещина.

Эспар не смотрел на Джонни. Он смотрел на окна, откуда в это время его мегалийцы глазели на поединок. Как известно, проявление вождем в поединке мужества и силы являлось не последним способом укрепления его авторитета. Не беда, что он убил Момнона, уж теперь он со своими воинами управится и без него. Шаг за шагом, а там, глядишь, и о высшей власти можно будет подумать.

Эспар не смотрел на противника, но даже если бы он посмотрел в его сторону, он не смог бы увидеть того, что видел лежавший Джонни: из трещины, расползшейся под днищем гравилета, стал подниматься вверх зеленый росток.

Росток поднимался, распрямлялся... Тонкий

стебель потянулся вверх, утолщаясь, наливаясь соком. Разворачивались трехлопастные листья... Потом на конце стебля как бы сгустился туман – и, загустев, превратился в коричневое семечко.

Джонни сорвал семечко и быстро (только бы не оказалось сном!) сунул его в рот.

Он как будто взял в рот кусочек солнца: не того, палящего, в котором сгорают вместе с кораблем совершившие ошибку астронавты, а того солнца, в чьих лучах только и можно было трилистнику в считанные секунды взойти, налиться соками, зацвести и отцвести, и явить миру семечко. Лучи этого солнца в мгновенной вспышке пронзили все существо Джонни, каждую его мышцу, каждый нерв, каждую клеточку – и сделали его тело другим. Они привнесли в его тело гармонию солнца, гармонию мира, способного породить жизнь, и гармонию нарождающейся жизни.

Наконец Эспар нашел время взглянуть на своего почти уничтоженного противника. Увидев, что Джонни шевельнулся, он взял его за ногу и потянул. Он хотел раскрутить Голда и забросить как можно выше, пусть тот разобьется при падении, но Джонни вдруг резко изогнулся – и Эспар получил мощный удар ребром ладони по шее.

Он бы мог уклониться, уйти от этого удара, но не сделал этого из-за самодовольства, уверенный, что ни один удар Джонни не будет опасен для него. Эспару и в голову не могло прийти, что его противник уже не тот.

Преображенный мог вынести удар Преображенного, но мог и не вынести.

Обмякнув, Эспар упал.

Джонни тут же прикончил Эспара вторым ударом по шее. И – скорее в гравилет, против плазменных лучей плоть Преображенного не устояла бы. Джонни крутанул ключ. Негромко заработал двигатель, и машина стала плавно набирать высоту.

Всем охранникам был известен приказ Эспара: если землянин сумеет забраться в машину, они не должны мешать ему уйти. Эспар так распорядился отнюдь не из-за проснувшегося в нем чувства благородства, а оттого, что он, желавший казаться благородным, был совершенно уверен, землянину в машину не попасть.

Дисциплины мегалийцы придерживались железной: только когда гравилет скрылся вдали, не потревоженный ни единым выстрелом, начальник охраны с двумя офицерами вышли на взлетно-посадочную площадку. Они еще сомневались, не выкинет ли чего Эспар, многие действия которого казались им в последнее время малообъяснимы, но Эспар уже ничего выкинуть не мог.

В пригороде Нью-Кантора Джонни был вынужден совершить посадку: полицейским захотелось проверить у него документы. Никаких документов у него, разумеется, не оказалось, объяснения его звучали по меньшей мере странно, и его доставили в ближайший полицейский участок, откуда немного погодя переправили в Центральное Полицейское Управление Трабатора. Джонни встреча с полицией ничуть не огорчила, он и сам собирался явиться в ЦПУ, не чувствуя за собой преступления, но ощущая себя затронутым преступлениями других. Первым, кого Джон-

ни увидел в ЦПУ, был лейтенант Шон: по указанию Эспара Джонни лгали, будто он убит.

Голду пришлось пробыть на Трабаторе лишние две недели, пока шло разбирательство с его участием. Его не считали преступником, сохрани бог, так что он жил все это время не в тюремной камере, а в гостинице. В конечном итоге он был очищен от всяческих подозрений относительно прошлых четырех убийств, а его поведение в стычке с Эспаром расценили необходимой самообороной. Зря старались дипломаты Мегала, им так и не удалось обелить одного из властителей своей планеты: слишком далеко зашел Эспар, чтобы его возможно было обелить. Много дальше, чем могло дозволить величие Земли.

Получив разрешение покинуть Трабатор, Джонни немедленно отправился в космопорт.

ПОДКОП

В космопорту «Цербийском» ремонт был закончен. Блестел пол (пластик «под мрамор»), мигали лампочки на звездных картах, гулко разносился по залам голос диктора. В «Цербийском», как всегда, было людно, а тут еще большой пассажирский лайнер прибыл, так что Джонни пришлось долго толкаться в проходах, передвигаясь к выходу из здания космопорта.

На выходе его поджидал человек в строгом официальном костюме. Определенно, поджидал

его, а не кого-то другого: увидев Джонни, человек, мужчина средних лет с холеным чиновничьим лицом, без колебаний направился ему наперерез.

– Мистер Голд?

Джонни остановился.

– Да, это я. – Почти на этом самом месте его в прошлый раз подстерег Сэмюэль Эльм, вспомнилось Джонни. Он даже ожидал чего-то подобного, какого-то повторения. Хотя, конечно, вряд ли это будет похоже на тот случай, подумал Джонни, оценив чопорный вид остановившего его человека.

– Мистер Голд, – проговорил мужчина, – я вхожу в состав миссии Земли на Цербе, я – мистер Клеменс, помощник Генерального Уполномоченного. Мне нужно поговорить с вами.

– Так говорите.

– Позвольте мне попросить вас об одном одолжении. Мне бы хотелось провести наш разговор в здании миссии. Здесь недалеко. Гравилет со мной. – По лицу Джонни пробежало еле приметное облачко, и мистер Клеменс поспешно добавил: – Вот мое удостоверение.

Джонни мельком посмотрел на пластиковую карточку и махнул рукой:

– Да что там, пойдемте.

Миссия Земли на Цербе размещалась в большом двухэтажном здании с многочисленными рукавами-пристройками. На крыше основного корпуса была оборудована взлетно-посадочная площадка для гравилетов.

Мистер Клеменс провел Джонни в небольшой

уютный кабинет и, усадив его на плюшевый диван, сказал:

– Мистер Голд, у нас к вам огромная просьба, я имею в виду не только коллектив миссии, но и, если хотите, всю Землю. У нас беда, мистер Голд.

– Я вас слушаю.

– Прежде мне хотелось бы, чтобы вы сказали точно, поможете вы нам или нет.

– Странно. Вы хотите знать, какого я мнения о супе, который я не пробовал и даже не нюхал.

– Дело весьма деликатное, мистер Голд, поэтому я не желал бы посвящать вас в детали, не услышав наперед, что вы готовы помочь нам. А помочь вы сумеете, в этом не сомневайтесь.

– Я хочу знать, что от меня потребуется.

– Хорошо. Трое наших сотрудников в опасности. Мы хотим, чтобы вы помогли нам вызволить их.

– Они не совершили ничего противозаконного?

– Нет, насчет этого можете быть спокойны. Ни один пункт земного законодательства ими не был нарушен. Наши бедные товарищи стали жертвой стихии, ну и, не скрою, нашей неосторожности, нашего просчета, так можно сказать.

– В таком случае, можете располагать мной. Однако интересно, почему вы обратились именно ко мне, косморазведчику, а не в Министерство ликвидации Катастроф? Там у них, я слышал, прекрасные специалисты.

Мистер Клеменс вежливо улыбнулся.

– Мистер Голд, вы же отлично понимаете, почему мы обратились именно к вам. Вы – не про-

стой косморазведчик, каковых тысячи. Вы – Преображенный. Кажется, так называют тех, кто вкусил семечка трилистника бледноцветного?

– Откуда вам это известно?

– На Трабаторе вы как будто и не пытались это скрыть, отчего же не знать этого нам? Как только становится известно об очередном Преображении, что, согласитесь, вещь далеко не обыденная, данные о Преображенном заносятся в компьютерные банки памяти всех цивилизаций Содружества. Перед тем, как стартовать с Трабатора, вы указали, куда направляетесь. Вы не скрыли, что полетите на Церб. Эта информация тотчас пошла по информационному каналу «общее администрирование», мы получили ее два часа назад. Сейчас все Преображенные, работающие в государственных структурах Земли, задействованы, вот мы и решили воспользоваться вашим великодушием.

– Говорите, что надо делать, – сказал Джонни.

– Так вы твердо решили помочь нам, мистер Голд? Вы не откажетесь от своих слов?

– Не откажусь, валяйте,

– Тогда слушайте. Мы изучаем Круглую Башню, мистер Голд, я и моя группа. Наша цель – овладеть информацией, которую скрывает Башня. Это не беседы с Хранителем, тут другой аспект. Мы пытаемся... как бы это выразиться... мы пытаемся пробраться в Башню с черного хода.

– Как это, с черного хода?

– Вы, должно быть, знаете, что предпринималось несколько попыток проникнуть в Башню неофициальным путем, то есть не по лестнице на-

верх и в храм, а иначе. Последняя такая попытка была предпринята сорок семь лет назад, когда пытались проломить стену Башни на уровне седьмого яруса. Тогда тридцать рабочих погибло. Два года назад на Земле был разработан проект «Крот», одним из руководителей которого я являюсь. Суть проекта: проведение подкопа под Башню и проникновение в Башню через подкоп. Представьте, нам кое-что удалось. Башня уходит вниз на глубину в триста ярдов, сто ярдов непроницаемой для наших орудий оболочки, сто ярдов – переходная зона, сто ярдов – древесный ствол.

– Что вы сказали?

– Вы не ослышались: глубоко внизу структура вещества, из которого состоит стена Башни, схожа со структурой живой материи. На глубине в триста ярдов центральный ствол Башни разделяется на семь меньших стволов, мы называем их магистральными, которые, в свою очередь, несколько раз делятся на более мелкие стволики. Аналогия с деревом напрашивается сама собой: если бы Церб был прозрачен, Башня выглядела бы с поверхности как дерево без ветвей, но с хорошо развитой корневой системой.

– Так вы... посмели, вы вскрыли стену Башни ниже уровня поверхности Церба?

– Мы вскрыли оболочку одного из магистральных стволов на глубине в триста двадцать ярдов. – Мистер Клеменс уловил в тоне, которым Джонни задал вопрос, осуждение, и добавил: – Собственно, а почему вас это так взволновало? Ни одно из соглашений государств – членов Содружества Разумных Миров, касающихся Башни, не запреща-

ет членам Содружества проводить исследовательские работы на Цербе в одиночку.

Поймав уверенный и гордый взгляд мистера Клеменса, Джонни на мгновение проникся его правдой. Для Клеменса Башня была всего лишь объектом сложной, подчас опасной исследовательской работы. А может, она и в самом деле не обладала тем величием, которым наделял ее в своих мыслях Джонни, ждавший от нее чуда, изменения вечной ткани Вселенной, поворота времени вспять, каковым было бы воскрешение Лолы?..

Мгновение родилось и тут же исчезло, а в следующую секунду Джонни стало не по себе. Ощущение у него было такое, как будто на его глазах вскрывали могилу. Казалось бы, чего особенного, кидай землю, заступом разворотя гроб и вытащи из гроба скелет, но только слишком уж странную тень отбрасывали и заступ, и скелет, и гроб.

– Продолжайте, – кивнул Джонни.

– Когда мы вскрыли магистральный ствол, то увидели... Наверное, лучше вам на это посмотреть, мистер Голд. Не пройдете ли со мной?

– Ладно, давайте посмотрим, до чего вы там докопались.

– Только сначала подпишите вот это, – Клеменс вынул из стола листок и протянул его Джонни. – Проект «Крот» засекречен, его осуществление есть государственная тайна, которую вы не должны разглашать.

Джонни поставил свою подпись под стандартной формулой обязательства не разглашать го-

сударственные тайны, после чего Клеменс, как бы в продолжение сказанного, пояснил:

– Башня хранит немало полезной информации, мистер Голд, весьма полезной информации. Поэтому при возможности нам не хотелось бы делиться ею с другими государствами. В наше неспокойное время практически любая информация может быть использована в военных целях.

Спрятав бумагу с подписью Джонни в стол, Клеменс, сделав ему знак следовать за собой, направился к двери.

Миновав два поста охраны. Клеменс и Джонни опустились в подвал. Подвал миссии был завален всякой рухлядью: поломанными стульями, шкафами без дверок, старым санитарно-техническим оборудованием. Пока Клеменс вел Джонни по подвалу, Джонни заметил несколько дверей с написанным на них краской коротким словом «АРХИВ». Они прошли подвал из конца в конец, и там, в тупике, Клеменс остановился. Он провел рукой по стене – в стене открылся проем.

Клеменс и Джонни прошли в маленькую комнату, и тут же проем, пропустив их, закрылся. Джонни увидел перед собой дверь лифта. Клеменс нажал на кнопку в стене, и дверь раздвинулась.

В кабине лифта находилась панель с кнопками, маркированными от 0 до 49. Войдя с Джонни в лифт, Клеменс последовательно нажал на несколько кнопок, вероятно, набрал какой-то код. Дверцы закрылись, и лифт поехал вниз. В окошке из прозрачной пластмассы замелькали цифры, они сменяли друг друга по возрастающей. На числе 49 лифт остановился. Дверцы раздвинулись.

– Мы на самом нижнем уровне, – сказал мистер Клеменс. – Выходим.

Они оказались в большом помещении, залитом искусственным светом. Со стен поблескивали глазки телекамер. Если не считать этих телекамер, помещение было совершенно пустым. На одной из стен чернела пластина в ладонь человека, рядом виднелась головка микрофона.

Мистер Клеменс подошел к пластине, прижал к ней ладонь, потом сказал в микрофон:

– Это я, Боб, восьмой.

Участок стены в два ярда шириной и высотой в полтора-два человеческих роста ушел в пол, открыв проход в длинный коридор.

Джонни засек время: Клеменс вел его по коридору двенадцать минут. Им пришлось пройти еще четыре такие двери. Миновав последнюю, они попали в большую пещеру, настолько большую, что в ней, пожалуй, легко уместился бы десятиэтажный дом. Мощные осветительные установки заливали пещеру ярким светом.

Дно пещеры была заставлено разнообразными приборами и механизмами, у которых трудились не менее сотни человек в белых халатах. Разноцветные провода опутывали эти устройства, другим концом провода уходили к дальней стене пещеры. Там в стене виднелось выпячивание, выбухание диаметром ярдов в десять, поверхность которого имела иную окраску, нежели поверхность стены. Если стена была серой, то это выпячивание – красно-бурым. Очевидно, это и был тот самый магистральный ствол, о котором говорил Клеменс. В одном месте ствола зияло отверстие

такой величины, что Джонни, немного пригнувшись, без особого труда пролез бы в него. По окружности отверстия чернели излучатели силового поля. Время от времени пробегавшая по окружности голубоватая искра показывала, что силовое поле преодолевало какое-то сопротивление. Вероятно, сопротивление силовому полю оказывало само вещество Башни, подумал Джонни, ведь ничего иного вещественного поблизости от излучателей силового поля не было видно. Подобно тому, как это бывает у объектов одушевленных, организм Башни пытался затянуть, ликвидировать отверстие в своей оболочке, а силовое поле этому препятствовало.

Как только Джонни и Клеменс вошли в пещеру, к Клеменсу подошел седоватый человек в халате нараспашку. Щедро рассыпая специальные термины, он коротко отрапортовал о состоянии дела, не обращая внимания на Джонни, после чего Клеменс повел Голда к отверстию в стволе.

Еще на входе в пещеру Джонни обратил внимание, что из отверстия, проделанного в магистральном стволе Башни, исходил свет. Сначала Джонни подумал, что это светили лампы, помещенные в ствол, вблизи же отверстия оказалось, что это светился сам магистральный ствол Башни, то есть его внутренняя поверхность светилась собственным светом.

И в этом древнем свете Джонни увидел: внутренняя поверхность ствола Башни представляла собой лестницу, уходившую вверх и вниз, ступеньки которой продолжались на стенах и сходились на «потолке» ствола, образуя относительно ровные

кольца. Взору Джонни как будто бы предстала вывернутая наизнанку Башня. Только одна особенность отличала эту изнанку Башни от ее внешней стороны: лестница изнанки Башни как бы кипела, на поверхности ее ступенек постоянно появлялись пузырьки, появлялись и сразу же лопались.

– Создатели Башни были не такими уж и чудовищами, – сказал мистер Клеменс, показывая на ступеньки. – Они перемещались по Башне так, как это делали бы люди. Скорее всего, они были гуманоидами.

– А вы не опасаетесь повстречать кого-то из них в этом туннеле? – спросил Джонни.

– Не думал, что такое возможно. Нет никаких данных о том, что существа, создавшие Башню, еще находятся в ней. Если мы что и повстречаем в Башне, то только их кости. Не желаете ли пройтись? – Клеменс показал на туннель.

Не успел Джонни ответить, как к ним подошла молодая женщина в застегнутом на все пуговицы халате и белой шапочке, блондинка с мелкими чертами лица. Она обратилась к Клеменсу:

– Сэр, Люк замолчал.

– Кажется, он ближе всех к нам?

– Да, показатель удаленности двадцать четыре и шесть десятых.

– Странно. Я думал, что вторым замолчит Клод. – Клеменс задумчиво взглянул на лестницу ствола и, помолчав, спросил: – Как показатель кипучести?

– Три миллиметра.

– Индексы величины?

– Два с половиной миллиметра и семь миллиметров.

– Градиент кипучести?

– Пять процентов.

– То есть то, что и было. О Люке мы еще поговорим, доктор Фаер, а сейчас мы собираемся с мистером Голдом (Клеменс подбородком показал на Джонни) немного пройтись по туннелю. Будьте добры, проследите за нами.

– Сэр...

– Мы пройдем до первого поворота, не дальше.

Клеменс полез в светящееся отверстие, Джонни двинулся за ним.

Вещество лестницы оказалось по твердости схожим с камнем, и тем не менее почему-то на поверхности ступенек образовывались пузырьки, словно вещество лестницы было некоей жидкой или полужидкой субстанцией. Показав на пузырьки, Клеменс сказал:

– Чтобы как-то охарактеризовать этот процесс, мы ввели несколько показателей. Наш разговор с доктором Фаер вы слышали, так вот, не вдаваясь в подробности, скажу, сейчас этот процесс вскипания ничуть не отличается от того, каким он был в самом начале наших работ. Так что, если мы не будем далеко углубляться в туннель, нам нечего опасаться.

Клеменс с Джонни не спеша двигались вверх по ступенькам. Не понимая, какую угрозу могло таить в себе маленькие пузырьки, Джонни спросил:

– А если мы далеко удалимся от входа, от этого отверстия, которое вы проделали, то что, с нами может что-то нехорошее случиться?

– Да, кое-что может случиться, – многозначительно проговорил мистер Клеменс.

Они прошли около сотни ступенек, далее туннель, поднимаясь вверх под небольшим углом, поворачивал налево.

Клеменс у самого поворота остановился.

– Сегодня не стоит дальше ходить. Пузырьки немного подросли, вы заметили?

– Заметил, – отозвался Джонни. Еще бы ему не заметить этого совсем не малого увеличения пузырьков в размере: если у входа в туннель пузырьки были величиной с горошину, то теперь некоторые, перед тем, как лопнуть, раздувались в крупное яблоко. Кроме того, с пузырьками произошло еще одно изменение, которое нельзя было пропустить: они стали липкими. Теперь Джонни приходилось прикладывать некоторое усилие, правда, небольшое, чтобы оторвать ноги от поверхности лестницы.

Про липучесть пузырьков Джонни задать вопрос не успел.

– Вы, мистер Голд, не могли не заметить и другое, то, что наши пузырьки стали липнуть к ногам, – сказал мистер Клеменс. – С набором высоты их липкая способность увеличиваться не будет, но там, выше, начинают попадаться большие пузырьки. Очень, очень большие. Кстати, интересный факт: пока в туннеле никого нет, пузырьки по всей его длине, насколько нам удалось его просветить, одинакового размера. Пузырьки начинают расти, когда в туннеле появляется что-то одушевленное. То есть Башня реагирует на нас, мистер Голд. Пойдемте назад?

Когда они выбрались из магистрального ствола Башни через то самое искусственное отверстие, проделанное в стволе, Джонни произнес:

– Все это очень интересно, мистер Клеменс, что вы показали мне, то я так и не уяснил, в чем же конкретно будет заключаться моя помощь вам. Кого я должен буду выручить?

Клеменс показал пальцем не место, где магистральный ствол уходил в потолок пещеры:

– Вон там, выше уровня, до которого мы поднялись, находятся наши люди, Пэд Боун, Клод Арк и Люк Клири. Эти пузырьки сыграли с ними скверную шутку. Пузырьки заключили их в себя.

– Что-что?

– С определенного уровня Башня начинает производить, помимо мелких и средних, пузырьки такого размера, которые массой своего клейкого вещества могут обездвижить человека. Пэд, Клод и Люк были захвачены такими пузырьками, клейкое вещество образовало вокруг каждого из них как бы капсулу. Отсюда ваша задача, мистер Голд: вы должны вызволить их из этих капсул и помочь им вернуться.

– Я тоже могу попасть в такой пузырек?

– Если это и возможно, то много выше по тунелю, не на том уровне, на котором в пузырьки попадают обычные люди. Вы ведь Преображенный трилистником, смею напомнить вам, так что силенок у вас больше, чем у обычного человека, и клейкому веществу Башни будет непросто сладить с вами. Да, мистер Голд, забыл сказать: сегодня, без подписания с вами контракта и без взятия с вас какого бы то ни было письменного

обязательства в дополнение к тому, о соблюдении тайны, что нами уже оформлено, на ваше имя будет открыт счет в Цербийском филиале Имперского банка, на который мы сегодня же переведем сто тысяч кредов. Совсем неплохо, как вы находите?

Поняв по выражению лица Джонни, что величина суммы отнюдь не произвела на него большого впечатления, мистер Клеменс быстро добавил:

– Мне известно о вашей цели, мистер Голд, конечно, наша благодарность ничтожна в сравнении с ней, но все же, согласитесь, сто тысяч кредов – это не так уж и мало.

– Когда я должен буду это сделать?

– Завтра. А сегодня, перед тем, как вас отведут в ваши комнаты, мне бы хотелось показать вам еще кое-что. Я стремлюсь предоставить вам всю информацию, которая вам может пригодиться, мистер Голд.

Клеменс и Джонни вышли из пещеры и прошли длинным коридором к лифту. В лифте они поднялись на уровень, который обозначился на панели лифта цифрой 31, засветившейся в пластмассовом оконце.

На этот раз им пришлось миновать только одну охраняемую дверь. За ней открылся коридор с дверями по обе стороны. По коридору ходили люди в белых халатах, иные на ходу просматривали длинные бумажные ленты, трое лаборантов везли на платформе громоздкий агрегат куда-то в конец коридора.

Клеменс, сделав знак Джонни следовать за собой, толкнул одну из дверей. Вслед за Клеменсом

Джонни вошел в большой зал-лабораторию. Несколько десятков человек мудрили здесь над экранами и кнопками. Клеменс окликнул сухощавого мужчину в золотых очках, и тот немедленно подошел к Клеменсу.

– Доктор Эльгард, – проговорил Клеменс, – будьте добры, покажите нам наших ребят.

– Фото или на экране?

– На экране. Полагаю, видимость уже достаточно четкая?

– Да. Система фокусировки барахлила, сейчас неисправность устранена.

– Ну и отлично.

Они втроем подошли к экрану, вмонтированному в стену справа от входа, высотой в полстены. Экран был погашен. Доктор Эльгард крутанул какую-то ручку на панели управления – по экрану побежали полосы, и вслед за этим на экране возникла четкая, в цвете, картинка.

Джонни увидел ступенчатый туннель, так сказать, ступенчатую внутренность магистрального ствола Башни. В одном месте поверхность туннеля имела три больших желтоватых выпячивания, в которых смутно угадывались человеческие фигуры.

– Дайте капсулы крупным планом, – приказал Клеменс.

Доктор Эльгард произвел какую-то манипуляцию. Выпячивания, они же – капсулы с людьми, заняли весь экран. Внешне они напоминали продолговатые виноградины, и зернышками в них темнели человеческие тела. О величине расстояния между ними судить было трудно, по отноше-

нию же друг к другу они располагались последовательно. Можно было предположить, что люди, заключенные в них, шли друг за другом гуськом и были «спеленуты» клейким веществом Башни в мгновение ока. Сквозь полупрозрачное вещество капсул Джонни легко различил не только фигуры исследователей, но и их лица. У одного из них, чья капсула занимала центральное положение, губы слегка шевелились. Другой, крайний слева, похоже, бывший замыкающим в их цепочке, делал глотательные движения. Пожилой мужчина, шедший первым и теперь заключенный в правую крайнюю капсулу, цепенел в отрешенности от всего земного. Как бы не в смертной отрешенности.

– Он умер? – спросил Джонни, показав на пожилого мужчину.

– Нет. Но он не дышит, и сердце у него работает едва-едва. Наша аппаратура видеослежения не позволяет увидеть то, что показала эхолокация: капсула как бы проросла в тело Пэда Боуна множеством волосков. Судя по всему, по этим волоскам капсула передает в его тело энергетические и питательные вещества, а продукты распада удаляет.

– Этот, слева... В него тоже проросла капсула?

– Вы правы, мистер Голд, то, что Люк Клири замолчал, как-то связано с прорастаниями капсулы в его тело. Не так ли, доктор Эльгард, прорастание капсулы в Люка уже можно увидеть нашими приборами?

– Да, сэр. Прорастание есть, но пока что оно минимальное.

– А что Клод, – спросил мистер Клеменс. – Он еще не затронут капсулой?

– Кажется, еще не затронут, сэр.

Джонни в раздумье произнес:

– Не плохо было бы услышать, что говорит Клод.

– Доктор Эльгард, дайте нам послушать Клода, – распорядился мистер Клеменс.

Через секунду Джонни услышал сквозь треск и шум помех далекий голос:

– Здесь тепло... Это так просто... Нет, лучше не надо... Не хочу я... Или...

– Достаточно, доктор Эльгард.

Клеменс повернулся к Джонни:

– Клод бормочет одно и то же, все четверо галактических суток, пока находится в капсуле.

– Я думаю, – сказал Джонни, – Пэд Боун и Люк бормотали точно так же, пока не замолчали.

– Вы правы.

– А вскоре должен замолчать и Клод.

– Если вы не вытащите его оттуда раньше времени, когда ему предназначено Башней замолчать, он замолчит. Возможно, *само по себе это их молчание может оказаться не таким уж и страшным,* но... Не думаю, мистер Голд, что для наших ребят хорошо то, что с ними делает Башня. Вот поэтому-то вы и должны как можно скорее доставить их к нам.

– Как вы себе представляете это, что я должен сделать?

– Вам придется разорвать оболочку их камер руками, чтобы извлечь их оттуда. Почему вам нельзя будет воспользоваться инструментом? Лазер-

ным тесаком или ультразвуковым ножом вы могли бы задеть кого-нибудь из них, да и вряд ли Башня допустила бы вас до них с лазерным тесаком или ультразвуковым ножом. Должен сказать, само вещество капсул не так уж и прочно, вы справитесь с ним. Возможно, на этом ваша работа и закончится, ребята выберутся из туннеля сами, в случае чего вы поможете им выбраться.

– И Пэда Боуна я тоже должен буду освободить из капсулы?

– Безусловно.

– А если капсула накрепко вросла в него?

– Сориентируетесь по обстановке. Если его от капсулы невозможно будет отодрать, что же, вам придется выволочь его наружу вместе с капсулой. Там уж мы что-нибудь придумаем.

Клеменс, демонстрирующий предельную открытость, подождал немного, но больше вопросов от Джонни не последовало. Клеменс сказал:

– А теперь, мистер Голд, вам следует отдохнуть. Завтра вам предстоит нелегкий день. В нашей гостинице номер для вас уже приготовлен.

Джонни поместили в номер из трех комнат, с бассейном и вакуум-массажной. Вся гостиница, в которой жили работавшие над проектом «Крот» люди, размещалась под землею, поэтому в большом номере Джонни не было ни одного настоящего окна, правда, были прекрасные имитации окон во всю стену. Из окон спальни будто бы открывался вид на тенистую рощу, в «окне» другой комнаты виделось море, третьей – цветущий луг. В гостиной был сервирован стол. Джонни попросили не стесняться.

Перекусив, Джонни опустился в кресло-качалку. Наверное, в пищу было подсыпано снотворное, потому что прежде, чем он успел о чем-либо задуматься, его сознание обволокло сном.

Его разбудил настойчивый голос:

– Мистер Голд! Мистер Голд!

Открыв глаза, он увидел женщину, с которой Клеменс разговаривал в пещере. Прежде, чем Джонни успел подняться (все же неприлично на глазах у незнакомой женщины потягиваться в кресле и зевать), она затараторила:

– У меня немного времени, мистер Голд. Я должна вас предупредить. Не соглашайтесь на эту работу в туннеле! Я не знаю, что они вам пообещали, но это не имеет никакого значения. Твердо скажите им, что вы отказываетесь. Не бойтесь, они не посмеют удерживать вас здесь насильно и память вам не сотрут.

Джонни наконец вспомнил, как Клеменс называл эту возбужденную особу. Поднявшись с кресла, он поинтересовался:

– В чем дело, доктор Фаер?

– Риск, что вы не вернетесь из туннеля, больше, чем вы его себе представляете. То есть больше, чем вам его представили. От вас скрыли, что в туннеле не трое наших застряли, а четверо. Четвертый, Оливер Хелз, обладал такими же способностями, как у вас.

– На я видел в туннеле троих человек...

– Это вам показали троих. Четвертый на тридцать ярдов дальше. Вот, взгляните на эту фотографию. Видите?

На фотографии Джонни увидел капсулу с на-

ходившимся внутри широкоплечим гигантом, ничуть не похожим ни на одного из трех мужчин, показанных Клеменсом.

– Оливер Хелз работал на Службу Имперской Безопасности, проговорила доктор Фаер. – В наш проект его еле удалось заполучить, на неделю нам его дали. Думали, он сумеет дойти по туннелю до центрального ствола Башни, а он не дошел. Двадцать пять ярдов не дошел.

– Значит, он не сумел разорвать своими руками капсулу... – протянул Джонни, нахмурившись.

– Это была третья капсула, в которую он угодил, с первыми двумя он справился. За ним, когда он оказался в капсуле, послали Пэда, Клода и Люка. Они до него не дошли. Вы знаете, что с ними произошло.

– Но почему выручать Преображенного трилистником послали обычных людей? Неужели нельзя было предвидеть. что так произойдет?

– Расчеты показали, их можно было послать. Они не должны были приблизиться к Хелзу вплотную, им следовало остановиться не доходя до него 10-12 ярдов. До этого уровня обычные люди раньше доходили, доходили и возвращались назад. Пэда, Клода и Люка снабдили специальными манипуляторами, с их помощью им предстояло перерезать ножку капсулы и защепить капсулу специальными зажимами, крепившимися к тросу. Этим тросом мы бы выволокли капсулу с Хелзом наружу. Так думали, а что получилось? Не успели Пэд, Клод и Люк пройти и половины пути до Хелза, как их манипуляторы с зажимами и реза-

ками лестница словно магнитом притянула к себе и всосала в себя. Их самих облепила клейкая субстанция туннеля, и они оказались в этих капсулах. – Доктор Фаер нервно посмотрела на часы. – Если я не убедила вас, взгляните на это.

Джонни посмотрел на другой фотоснимок. Очертания туннеля и капсулы были те же, что и на предыдущей фотографии, но здесь не человек находился в капсуле, а какое-то существо, похожее на громадного зародыша амфибии. У зародыша были видны хвост и жабры, его передние и задние конечности, напоминавшие лягушачьи лапки, крепко прижимались к червеобразному туловищу.

– Таким Хелз стал на шестые сутки своего заточения в капсуле, на пятые сутки после того как замолчал, – пояснила доктор Фаер. – Вот теперь и подумайте, хотели бы вы оказаться на его месте, или нет.

Наручные часы исследовательницы подали звуковой сигнал, и она заторопилась:

– Я должна идти. Это военный проект, если меня застанут здесь, меня будут судить. Теперь вы все знаете. Прощайте.

И она вышла из номера, не забыв взять с собой обе свои фотографии.

Джонни подошел к окну. Он долго смотрел на стереопроекцию, как казавшееся близким море приникало волнами к желтому песку. Конечно, это была иллюзия, но все же где-то оно было, это море, которое сняли на специальную видеопленку?..

Выпив апельсинового сока, Джонни отправился в постель.

Часы показывали восемь утра, когда он проснулся. Его не будили, но его пробуждения ждали. В кресле-качалке покачивался мистер Клеменс, рядом с ним нетерпеливо переминались с ноги на ногу два человека в белых халатах. У изголовья Джонни стояло какое-то устройство на колесиках. Поймав взгляд Голда, Клеменс добродушно улыбнулся:

– Как отдохнули? – Не дожидаясь ответа Джонни, руководитель проекта сделал указательный жест, охватив им людей в белых халатах и устройство на колесиках. – У нас есть возможность определить вашу физическую готовность выполнить задание, мистер Голд. Видите ли, мы не собираемся подвергать вас неоправданному риску. Вы позволите вас обследовать?

– Валяйте.

– Чак, Престон, приступайте.

Люди в белых халатах возились с Джонни не менее получаса: приставляли к его телу и отставляли датчики, музицировали на разноцветных кнопках своего прибора, шуршали выползавшей из прибора лентой и чиркали по ленте ручкой. Наконец один из мужчин сказал:

– Он в полном порядке, сэр. Коэффициент здоровья – единица, коэффициент усталости – минус пять, индекс тонуса – плюс семь.

– Замечательно. Я уверен, вы справитесь с заданием, мистер Голд. Пойдемте, я проведу вас в Главный Зал. Да, чуть не забыл. Вот ваша чековая книжка на сто тысяч кредов. Смотрите сами, все честь по чести.

В Главном Зале, то есть в той самой пещере,

где Джонни уже побывал, на этот раз народу было значительно больше, чем в его прошлый ознакомительный визит. И еще одну особенность отметил Джонни. Если тогда на него не обращали внимания, то теперь, стоило ему с мастером Клеменсом появиться, десятки голов повернулись в его сторону. Краем глаза Джонни заметил и доктора Фаер, но ничем не показал, что заметил ее.

– Патрик, все готово? – Клеменс строго взглянул на одного из мужчин, подошедших к нему.

– Порядок, сэр, – пробасил рыжий детина с окладистой бородой.

– Том, как у вас?

– У нас все готово, сэр, – вторил рыжему худой молодой человек в темных очках.

– Значит, приступаем, – Клеменс повернулся к Джонни. – Мы будем следить за каждым вашим шагом, мистер Голд. Мы сможем общаться с вами через переговорное устройство. – Немедленно один из людей в белых халатах прикрепил к отвороту рубахи Джонни черный диск-брошь. Клеменс продолжил: – К сожалению, больше ничем мы вас оснастить не можем. У Башни какое-то странное неприятие любой техники. Хорошо еще, что она позволяет нам пользоваться этим скромным устройством. Этим, и еще вот этим.

Перед Джонни поставили ботинки.

– Вам лучше переобуться, мистер Голд, – сказал Клеменс, – Это специальная обувь, подошва почти не прилипает к лестнице туннеля.

Джонни переобулся, после чего он в сопровождении свиты людей в белых халатах подошел к отверстию в магистральном стволе Башни и, на-

путствуемый источаемыми Клеменсом пожеланиями успеха, полез в отверстие.

Туннель как будто и не заметил, что кто-то оказался внутри него, во всяком случае, на появление Джонни он никак не прореагировал. Чему-чему, а равнодушию туннеля Джонни никак не мог огорчиться. Отметив про себя, что в новой обуви, действительно, ему приходилось прилагать весьма незначительное усилие, отрывая ноги от ступенек, он двинулся вверх по лестнице.

Когда Джонни дошел до поворота, у которого они с Клеменсом в прошлый раз остановились, из прикрепленного к его рубахе передатчика раздалось:

– Все в порядке, Джон?

– Да, – отозвался Джонни и продолжил восхождение. Клеменс вполне понятно поступил, в чрезвычайной обстановке назвав его по-свойски Джоном, но и он не стал добавлять к своему короткому ответу словечко «сэр». Отбрасывать условности, так отбрасывать.

Первый поворот не открыл ему ничего нового, все те же ступени бежали вверх. Зато, совершив второй поворот, Джонни увидел впереди три желтые капсулы. Капсулы с Оливером Хелзом отсюда не было видно, вероятно, она находилась за следующим поворотом.

Тут раздался голос мистера Клеменса:

– Джон, ты видишь капсулы?

– Вижу.

– У меня для тебя одна новость. Я только что узнал, с Пэдом не все в порядке. Башня немного

изменила его. («А...» – подумал Джонни.) Возможно, его внешний вид тебя удивит, теперь он выглядит не совсем как человек.

– И что же мне делать с этим не совсем человеком? – поинтересовался Джонни.

– Освободишь Пэда из капсулы в последнюю очередь. Освободишь, потом вынесешь или вытащишь его из туннеля. Хоть волоком его волоки, это уж как тебе угодно.

Буркнув, что будет стараться, а там уж, как получится, Джонни приблизился к капсулам. Он начал со средней капсулы, где находился Клод. Клод до последнего времени что-то бормотал, пусть невнятно, но по-человечески, так что, спасая Клода, Джонни имел больше всего шансов спасти человека, нежели высвободить из капсулы Люка или, тем более, Пэда.

Вещество капсулы оказалось упругим и тягучим, как резина. Когда Джонни, сжав желтую массу в кулаки, попытался разорвать капсулу, у него ничего же вышло: *желтое вещество тянулось*, но не рвалось. *Пришлось Джонни одной рукой оттягивать* желтое вещество, а другой разрывать так, связывавший взятую им в кулак массу с основной массой капсулы. Так мало-помалу Джонни добрался до внутренней поверхности капсулы.

Сначала он освободил от вещества капсулы лицо узника Башни. Джонни несколько раз окликнул Клода, прежде чем глаза того приняли осмысленное выражение. Едва Клод осознал, что происходило, он, кряхтя, тяжело завозился в капсуле, пытаясь вырваться из ее пут, но реальную

помощь он смог оказать Джонни, только когда Голд освободил его руки.

Выбираясь из капсулы, Клод, тяжело дыша, сказал:

– Тебе в страшном сне не пригрезится, что было со мной. Люк и Пэд еще там? Что же ты, скорее!

Клод сделал несколько шагов по направлению к капсуле Пэда, находившейся выше по лестнице, и лестница вспучилась у его ног громадным пузырем. Как рука чудовища пузырь метнулся к Клоду, своим веществом обтек его ноги таким образом, что они оказались внутри пузыря, и стал желтоватой массой быстро подниматься по его телу. Клод забарахтался в тягучей массе, пытаясь выбраться. Судя по результатам его барахтанья, вряд ли это ему удалось бы, не окажись рядом Джонни.

Заканчивая освобождение ругавшегося на чем свет стоит Клода от объятий второго пузыря, Джонни сурово перебил его:

– Тебе нельзя подниматься выше, не ясно, что ли? Давай освободим Люка, он все же ближе к выходу!

Вдвоем они принялись за капсулу Люка. Когда они дошли до внутренней поверхности капсулы, то оказалось, что от капсулы к телу Люка тянулись тонкие волоски, тянулись и входили в его тело. Они легко отрывались от тела Люка, но место их отрыва начинало сильно кровоточить. Чувствовал Люк результаты усилий своих освободителей или нет, сказать было нельзя, посколь-

ку Люк находился в забытьи, и никакими окриками и похлопываниями по щекам его привести в чувство не удалось.

Покончив с капсулой, Джонни и Клод положили Люка на ступени лестницы. Люк истекал кровью. Джонни, переведя дух, принял решение: он вынесет Люка из туннеля на руках.

Он взял Люка на руки, бросил Клоду: «Иди вперед!», и тут раздался голос мистера Клеменса, гулко разнесшийся по туннелю:

– Джон, передай Люка Клоду. Клод, ты должен доставить Люка к нам. Джон продолжит работу, его ждет Пэд.

– Я бы мог вынести Люка из туннеля и вернуться обратно, – сказал Джонни, оценивающе взглянув на пошатывавшегося, находившегося явно не в лучшей форме Клода.

Голос Клеменса был сух:

– Выполняйте приказ.

Джонни передал Люка Клоду. Клод с Люком на руках сделал несколько шагов по направлению к выходу. Колени его задрожали, и он был вынужден опустить Люка на ступени, чтобы не уронить его.

Клеменс, отлично видевший все происходившее в туннеле благодаря лучшим в Галактике сканирующим приборам, распорядился:

– Клод, возьми Люка под мышки и так тащи его к выходу, а его ноги пусть волочатся.

Клод подчинился приказу. Когда он со своей тяжелой ношей скрылся за поворотом туннеля, Клеменс снизошел до разъяснений:

– Сейчас Башня неплохо к тебе относится, Джон, но я не знаю, что было бы в другой раз, поэтому лучше не рисковать. Вошел в туннель, так доделай свое дело до конца, нечего метаться туда-сюда.

Джонни не стал говорить Клеменсу, что он и не собирался метаться по туннелю, он мог бы спокойно донести Люка к выходу из туннеля и так же спокойно вернуться обратно. Вместо пустых пререканий Джонни двинулся к капсуле, в которой был заключен Пэд Боун.

То, что он увидел, он уже видел на фотографии, показанной ему доктором Фаер, в капсуле находилось чудовище с жабрами и лягушачьими лапками. Или это был только зародыш чудовища? Единственное, что различало безобразных существ: существо с фотографии было Оливером Хелзом (во всяком случае, когда-то им было), тогда как в существо, находившееся перед Джонни, превратился Пэд Боун.

Должно быть, Клеменсу показалось, что Джонни растерялся.

– Что, Джон, наш Пэд сейчас выглядит неважно? Делать нечего, придется тебе выручать его таким. Ты не смущайся, не целоваться же вам.

Джонни, ни слова не сказав в ответ, стал рвать капсулу руками.

Дойдя до ее внутренней поверхности, он остановился.

Клеменс немедленно спросил:

– Что такое, Джон?

– Пэда нельзя вытаскивать из капсулы. («И это чудовище я называю человеческим именем!»)

Он истечет кровью. Тут тысячи волосков, капсула накрепко вросла в него.

– Попытайся оторвать капсулу от лестницы. А Пэд пусть остается в ней.

Джонни провозился не менее получаса с толстой ножкой, которой капсула крепилась к лестнице. В конце концов, ему все же удалось перервать ее.

– Попробуй доставить Пэда к нам вместе с капсулой, – сказал Клеменс.

– Я понял.

Капсула оказалась не тяжелой для Джонни, однако поверхность она имела весьма скользкую. Несколько раз примерившись, Джонни не без труда взял капсулу с Пэдом на руки.

По лестнице с капсулой на руках он прошел только до ближайшего поворота. Далее идти ему помешало существо, в которое превратился Пэд. Оно сумело где прогрызть, а где когтями разорвать оболочку капсулы. Когда Джонни приблизился к повороту, у него на глазах капсула разорвалась, и из образовавшегося отверстия наружу высунулась зубастая пасть. Тварь явно примеривалась к груди Джонни, и тот, чтобы избежать укуса, выпустил капсулу из рук.

Упав на ступени вместе с капсулой, существо по-крысиному завизжало, видно, ушиблось. Визг на высокой ноте продолжался недолго. Хрюкнув, существо замолчало, быстро выползло из капсулы и впилось Джонни в ногу.

Он схватил существо за жабры. Тварь впилась в его ногу мертвой хваткой. Похоже, оторвать существо от его ноги можно было только пожертво-

вав куском мяса из его тела, что Джонни не устраивало. Недолго думая, он взял в ладони голову твари и с силой сдавил ее.

Под его ладонями хрустнуло. Острозубая пасть медленно разжалась. Джонни кинул существо на лестницу. Несколько мгновений оно беспорядочно махало лапками с когтями, потом застыло. Из уродливой пасти потянулась густая зеленая струйка.

– Что там, Джон? – всполошился Клеменс.

– Кажется, я... Оно умерло, кажется.

После паузы Клеменс угрюмо сказал:

– Похоже, мертвее не бывает... Не переживай, тебя нельзя винить в этом. Мне было видно, что там у вас происходило.

– Я могу возвращаться?

– Возвращайся. Только труп прихвати с собой.

Джонни взял на руки искалеченное, измененное Башней до неузнаваемости тело Пэда Боуна и зашагал к выходу из туннеля.

До самого проделанного в магистральном стволе Башни отверстия ни один пузырь не попытался вобрать Голда в себя. Туннель странным образом игнорировал его присутствие, что, впрочем, можно было объяснить особым качеством тела Джонни, он ведь был Преображенный трилистником. Вероятно, он просто не поднимался еще на тот уровень, на котором туннель воспрепятствовал бы его продвижению вверх.

В пещере его нетерпеливо поджидали. Как только он показался в туннеле, мигом подкатили к входному отверстию каталку, на которую он, выбравшись, положил труп убитого им существа. Ему самому приказали сесть на стул-вертуш-

ку, и целая бригада медиков захлопотала над его израненной ногой.

Мистер Клеменс, конечно, находился тут же. Дружески хлопнув Джонни по плечу, он сказал:

– Вы справились с заданием, мистер Голд. А это... – Клеменс показал на труп твари – это ничего. Отдохнуть вы сможете в своем номере.

– Раз уж я выполнил задание, я хотел бы распрощаться с вами.

Клеменс уже распоряжался:

– Боб, отведешь мистера Голда в тридцатый номер. Мистер Голд, я хотел бы поговорить с вами, прежде чем вы покинете нас. О, это не займет много времени.

В номере Джонни поджидал накрытый стол. Сев за стол, он выпил соку. Есть не хотелось. Одна мысль не давала Джонни покоя. Удивительно, как это Клеменс не попросил его, пока он находился в туннеле, вытащить наружу и Оливера Хелза? Он что, решил оставить Хелза в туннеле, посмотреть, что с ним дальше будет? В самом деле, и что же с ним дальше будет? И что было бы с Пэдом, Люком и Клодом, если бы они остались в туннеле?..

В дверь постучали. Оказалось, горничная.

– Вы можете освежиться, мистер Голд. В бассейне теплая вода, душ исправен.

Ему давали понять, что ждать Клеменса придется долго, понял Джонни. Еще бы, Клеменс сейчас распоряжался там, внизу, или в какой-то лаборатории, работы ему этот день предоставил порядочно. Ладно, сказал себе Джонни, пойдем под душ.

Когда он вернулся в гостиную, Клеменс уже ждал его.

– Надеюсь, мистер Голд, вы извините мою вынужденную задержку, – проговорил Клеменс. – Я попросил вас не торопиться расставаться с нами вот почему. Руководство проекта просит вас продолжить работу в проекте, мистер Голд.

– Зачем еще я вам понадобился?

– В туннеле находилось четыре наших сотрудника, мистер Голд. Четыре, а не три. Трех вы вернули нам, а один до сих пор остается в туннеле. Я не сказал вам всю правду, потому что не был уверен, что предложу вам продолжить наше сотрудничество.

– То есть вы не были уверены, что я высвобожу из капсул этих трех.

– Да, мистер Голд, Оливер Хелз сумел забраться дальше, чем Пэд, Клод и Люк, поэтому освободить его будет значительно труднее, ведь чем выше по туннелю поднимаешься, тем чаще встречаются гигантские пузыри. Согласитесь, ни к чему знакомить с более сложным заданием того, кто не сумел выполнить менее сложное.

– Этот Оливер Хелз... Как он сумел углубиться в туннель дальше чем Пэд, Клод и Люк? – спросил Джонни, как будто ничего не знал про Оливера Хелза.

– Хелз – Преображенный трилистником, как и вы. Он сумел разорвать несколько пузырей, которые пытались захватить его, не справился не то с третьим, не то с четвертым. Понимаю, я вас не обрадовал. Руководство проекта осознает, сколь непросто даже для вас было бы вытащить Хелза из

туннеля, и тем не менее... Вот вам наше предложение. Если вы проделаете с этим человеком то же, что проделали с теми тремя, то есть извлечете его из капсулы, в которую он угодил, и доставите к нам, вы станете очень богатым, мистер Голд.

– Еще сто тысяч кредов дадите?

– Нет, мы поможем вам получить Корону Мира. Вы ведь за ней прилетели на Цербе, разве не так?

Джонни усмехнулся.

– Чем можете вы помочь мне, если до этого у нас только и шел разговор о моей помощи вам?

– Мы посоветуем вам, как вести себя в Башне, чтобы вам далась Корона Мира.

– Вы уверены, что сможете дать дельные советы?

– Конечно, причем, учтите, такие советы не сможет дать вам никто, потому что наши советы будут основаны на уникальной информации. На информации, полученной с вашей помощью, полученной, и получаемой до сих пор. Сейчас в лабораториях кипит работа, мы изучаем два тела и труп, тех самых Клода, Люка и Пэда. Для обладания всей полнотой информации только Оливера Хелза нам недостает.

– Не понимаю, чего будут стоить эти советы, если информацию вы собираете под землей, тогда как путь Претендента – путь на вершину Башни, к храму.

– Но в Башню ведет и другой путь, наш путь. Почему бы вам не попробовать попасть в Башню по ступенчатому туннелю?

– Почему бы мне не пройти в Башню через

пролом в ее стене? – Джонни мрачно покачал головой.

– Не через пролом, а через черный ход. Или даже не черный, а просто другой ход. Вы, мистер Голд, совершенно напрасно представляете себе наш способ проникновения в Башню как нечто незаконное, противное Башне. К чему, по-вашему, лестница в магистральном стволе, который мы откопали, как не для того, чтобы по ней подняться в Башню? Я полагаю, и это мнение большинства наших ученых, что создателями Башни изначально было предусмотрено два пути проникновения в нее, верхний и нижний. А это значит, что к Короне Мира ведут два пути, верхний путь – это путь одиночек, нижний – путь цивилизаций, вот в чем смысл существования двух путей. Разумеется, корону может носить только один человек, а не весь народ, поэтому и нижний путь к Короне Мира может быть завершен только одним человеком. Человеком, подготовленным народом, стоящим за ним. Вот этим-то человеком мы и предлагаем вам стать.

– Очевидно, когда я соберусь идти за Короной, вы поставите мне какие-то условия, которые я должен буду выполнить, если получу Корону?

– О, эти условия не покажутся вам обременительными. Вы только обязуетесь уважать суверенитет Земной Империи, немного помочь нам в дальнем космосе, есть там пара проблем, ну и, в случае нападения на Землю защитить ее. Вот и все. Но это будет потом, мистер Голд, теперь же мы просим вас только доставить к нам Оливера

Хелза. Это и вам нужно, потому что чем более точной информацией о Башне мы будем располагать, тем более точные советы сможем дать вам.

– Оливера Хелза я вам доставлю, – твердо сказал Джонни.

На этом разговор Клеменса и Джонни закончился. Клеменс пообещал наведаться, когда рана на ноге у Голда окончательно заживет.

На следующий день, около полудня, Клеменс появился опять.

– Нам бы хотелось, мистер Голд, – сказал он после вежливого вступления, – чтобы вы сегодня доставили Хелза к нам.

Рана Джонни почти зажила. На теле Преображенного трилистником раны всегда быстро заживают. Джонни сказал, что готов лезть в тунель за Хелзом хоть сейчас.

– Именно сейчас нам и нужно, – подхватил довольный Клеменс. – Вот только дайте нам закончить некоторые приготовления. За вами придут через час-полтора.

– Вы, кажется, очень торопитесь заполучить Хелза, мистер Клеменс.

– Торопимся. Нам хотелось бы получить Хелза до того, как он сам выберется из капсулы.

Клеменс вышел.

«До того, как он сам выберется из капсулы...» Джонни задумался над этими словами. Похоже, те, кто работал над проектом, испугались. Оливера Хелза испугались, вернее, существа, в которое превратился Хелз. Они работали над Клодом, Люком и телом Пэда всю ночь, и вот они испуга-

лись. И чего же они напугались со всем своим атомным, плазменным, гравитационным оружием?

У двери раздался голос:

– Мистер Голд, это опять я.

Подняв глаза, Джонни увидел доктора Фаер. На шее у блондинки нервно дергалась жилка.

– Доктор Фаер, – проговорил Джонни мягко, – вам не следует появляться у меня. Я не уверен, что в номере не установлена подслушивающая и подсматривающая аппаратура.

– Она установлена, мистер Голд, и подслушивающая, и подсматривающая. Но о моем визите к вам никто не узнает. Уж я сумела устроить это, все-таки я – старший инженер систем связи. Однако у меня очень мало времени, мистер Голд. Я хочу предупредить вас. Вам не следует входить в туннель. Вы не вернетесь оттуда человеком. Вы станете исчадием зла!

– Я видел, во что Башня превратила Пэда Боуна, доктор Фаер.

– Вы не поняли. Я не про внешность говорю, а про...

Наручные часы блондинки подали звуковой сигнал.

– Я должна идти. – Доктор Фаер стремительно двинулась к двери. Перед тем, как выйти в коридор, она добавила: – Этой ночью исследовали Люка и Клода. Было принято решение умертвить их сразу после окончания исследования. Подумайте над этим.

Она вышла.

Ушла, подумал Джонни. И что, чем она его

пугала? Тем, что в туннеле он умрет, что Башня убьет его, но не так, как она убивает наверху. Наверху Башня превращает непрошедших испытание Претендентов в тонкую пыль, а внизу... Похоже, внизу, в туннеле, Башня делает из людей монстров, вероятно, смертельно опасных. Но если случится, что он превратится в ненавистного людям монстра, значит, люди убьют его. Там смерть, здесь смерть... Видно, такая уж жизнь ему далась, куда ни поверни, тень с *косой увидишь.*

Вскоре за Джонни *пришли. На этот раз обошлось* без исследования состояния здоровья, его сразу же повели в Главный Зал.

В пещере он увидел Клеменса, тот сделал ему знак подождать. Когда Клеменс отдал последние распоряжения, они подошли к отверстию в магистральном стволе. Здесь Клеменс обратился к Джонни:

– Мистер Голд, сейчас вам придется быть вдвойне, втройне осторожнее, чем в прошлый раз. Тогда вы должны были остерегаться только гигантских пузырей, теперь же... Вы думаете, Оливер Хелз – беспомощная личинка вроде той, которой вы руками размозжили голову?

– А разве нет? – На фотографии доктора Фаер Джонни видел именно это, не человека, но зародыш чудовища.

– Оливер Хелз был таким, как Пэд, но потом он стал другим, фотографии не буду показывать, они вам ни о чем не скажут. Короче, Башня вернула Хелзу его прежний, человеческий облик.

– Так я... я поторопился с Пэдом?

– Ни в коем случае. Ведь вы не Пэду разда-

вили голову, в той твари Пэда не было ни капли. Что же касается Люка и Клода... Мы исследовали их, и знаете, что обнаружили? Показатели их мозговой активности стали иными. Такие показатели обычно встречаются у убийц-маньяков.

– Значит, вы думаете, что Хелз...

– У Хелза сейчас показатели мозговой активности те же, что и были всегда, когда он был с нами. Так что сейчас по-закону Хелз – человек, и он пользуется всеми правами гражданина Земной Империи, в том числе и правом на неприкосновенность.

– Так то существо могло обратно превратиться в Пэда, если бы...

– Юридически вас не в чем обвинить, мистер Голд, что же касается лирики... Думайте про себя о Пэде что хотите, это ваше дело, я же вас прошу об одном: будьте осторожны с Оливером Хелзом.

Тут к туннелю подвезли зачехленное устройство с характерными очертаниями. Джонни не смог удержаться от невинного вопроса:

– Кажется, это плазменная пушка?

– На всякий случай нами приняты меры предосторожности. Но это на крайний случай. Вот, взгляните на свою страховку.

Джонни посмотрел на пестрый листок, официальный бланк известной страховой компании «Ваша защита». В бланк, действительно, было вписано его имя. В соседней строке ему бросилась в глаза цифра 10000000.

Клеменс сказал:

– Почти вся эта сумма была внесена на счет страховой компании нами, а это для нас немало,

хотя правительство неплохо финансирует нас. Ваши родственники получат эти деньги, а мы потеряем их, если вам доведется погибнуть на нашей работе. Полагаю, это достаточное доказательство того, что оружие будет нами применено только, если случится нечто чрезвычайное.

Джонни полез в туннель.

До капсулы с Оливером Хелзом он добрался быстро, подошвы совсем не клеились к ступеням лестницы. Хелз, казалось, спокойно спал – дышал ровно, с безмятежным выражением лица. «Будить этого соню, однако, придется», – подумал Джонни.

Капсула поддалась легкому усилию его рук, словно желатиновая. Несколько движений Джонни, и Оливер Хелз был полностью освобожден от своего покрова. Голд получил возможность рассмотреть Хелза внимательнее. Тот был значительно крупнее его – шире в кости, выше. Хотя вряд ли Хелз был сильнее Джонни. Они оба были Преображенные трилистником, что уравнивало их физические возможности.

Освобождение от капсулы ничуть не повлияло на Хелза, он продолжал спать, привалившись к стене. Тащить Хелза или, тем более, нести его на руках до самого выхода Джонни не очень-то хотелось, слишком уж здоров тот был. «Придется Хелза хорошенько потормошить, вдруг да очнется», – подумал Джонни.

Вдруг Хелз сам открыл глаза.

Открыл глаза и улыбнулся.

– Привет, – сказал Хелз.

– Как ты?

– Ничего. Душновато было, а теперь хорошо. – Хелз поднялся. – Так ты тоже Преображенный? Я так и подумал. Иначе бы ты сюда не дошел. Тебя Клеменс послал за мной?

– Он самый.

– Ничего у нас босс, своих в беде не оставит. Только на этот раз он зря расстарался, видишь, я целехонек.

– Пошли назад, – сказал Джонни.

– Идем. Ох, как мне надоело тут торчать!

Они пошли к выходу. Они прошли один поворот, другой... Хелз непринужденно болтал, Хелз болтал, а Джонни удивлялся, отчего это до сих пор молчал Клеменс.

Все же голос Клеменса они услышали, не дойдя до того места, откуда можно было увидеть выход из туннеля. Сработал передатчик, собственноручно прикрепленный Клеменсом к внутренней стороне воротника рубашки Джонни,

Клеменс не говорил, а приказывал:

– Джон, дальше Оливер пойдет сам. Не заблудится. А ты, Джон, давай-ка отправляйся назад. Наши аналитики уверяют, что сегодня Башня благосклонна к тебе как никогда. Возможно, сегодня тебе удастся добраться до Короны Мира.

Оливер Хелз зашатался.

– Сэр, – проговорил он, – я чувствую себя не совсем хорошо. Позвольте Джону довести меня до выхода!

– Если ты чувствуешь себя нехорошо, можешь пока присесть на ступеньку и отдохнуть. Джон вернется с Короной Мира и поможет тебе выбраться из туннеля. Думаю, Корона Мира не настоль-

ко обременит Джона, чтобы он отказался помочь тебе.

Оливер Хелз был бледен, крупные капли пота покрывали его лоб. Держась за стену, он опустился на ступеньку.

– Кажется, Оливеру совсем скверно, – сказал Джонни встревоженно.

– Джон, ты должен идти за Короной Мира, – отчеканил Клеменс.

– Хорошо, – вздохнул Джонни.

Развернувшись, он двинулся вверх по тунелю.

Он ждал, что Хелз нападет на него, и все же отреагировал немного позже, чем следовало. Ему пришлось приложить немалое усилие, чтобы освободиться от хватки Хелза. А потом замелькали кулаки, Преображенные наносили друг другу удары, которыми можно было бы пробить деревянную дверь. Эти удары оставляли на их телах следы в виде кровоподтеков и ссадин. Позже, правда, стали похрустывать ребра. Много времени прошло, прежде чем Преображенные, с рассеченными бровями и губами, со сломанными ребрами, начали шататься и хватать воздух ртом.

Тут с Оливером Хелзом произошла перемена. Что послужило тому причиной? Смертельная усталость ли, или то, что он слизнул с рассеченной губы кровь и проглотил ее, или же просто пришло время тому статься? Трудно сказать, что послужило причиной превращения Оливера Хелза в зверя.

Это случилось в мгновение ока: ногти у Хелза заострились и вытянулись в когти, лицо по-

темнело и приобрело звериные черты, все тело покрылось шерстью. Зверь прыгнул на Джонни и вцепился ему в горло.

Тут бы Голду и конец пришел, несмотря на всю его силу, если бы не вмешалась Башня. Из пола поднялся громадный пузырь, клейкое вещество спеленало Хелзу задние ноги, когтями которых он рвал Джонни живот. Получив небольшое послабление, человек сумел собрать все свои силы и сломал зверю шею.

Как только звериное тело Хелза обмякло, пузырь всосался в лестницу. Джонни швырнул зверя под ноги. Остекленевшие глаза Хелза-зверя уставились в светящийся мертвенным светом потолок туннеля.

Раздался голос Клеменса:

– Как ты, Джон?

– Ничего, – выдохнул Джонни, выравнивая дыхание.

– Возвращайся. И прихвати с собой труп.

Джонни нагнулся, распрямившись, он шаткой походкой двинулся к выходу из туннеля, волоча за собой труп побежденного им чудовища.

На выходе его подхватили под руки, усадили в кресло на колесиках. Труп Хелза положили на каталку и куда-то повезли. Над Джонни захлопотали, замелькали датчики и инъекторы. Ему ввели обезболивающее, успокаивающее, кровоостанавливающее. Затем его осторожно повезли к лифту. Когда его поднимали на лифте, он заснул.

Джонни продержали в госпитале при миссии недолго, всего три дня. Более Преображенному трилистником внимание врачей не потребовалось.

В тот же день, когда он вернулся в свой гостиничный номер, к нему зашел Клеменс.

– Вы быстро восстановились, мистер Голд. Вот бы мне такие способности, а то каждая простуда выводит из строя на неделю.

– Вы, мистер Клеменс, говорили, что поможете мне получить Корону Мира.

– Да, говорил. Туннель ждет вас, вы можете отправиться за Короной Мира хоть сейчас. Что же касается обещанных мною советов... Мы переработали огромный материал, в том числе и новейший, и дошли до одной истины, очень простой. Истина эта такая: Корона Мира достанется тому, кому Башня захочет ее дать. Вопрос же, кому Башня захочет ее дать, остается открытым.

– Это что, и есть ваш хваленый «мудрый совет» Претенденту? Эта банальность – все, что вы можете мне сказать?

– Не совсем все. Еще мы можем дать вам вот это. В туннеле, глядишь, пригодится.

Клеменс протянул Джонни медальон на тонкой цепочке.

– Что это? – Джонни ковырнул медальон.

Клеменс встревожился не на шутку:

– Что вы делаете?! Стойте! Эту вещь нельзя раскрывать, внутри – взрывчатое вещество. Цепочка, как видите, очень хлипкая, если ее разорвать, медальон взорвется. После этого вам уже не придется бояться превращения в чудище.

– Ценная вещица, – иронично произнес Джонни, вешая медальон на шею. – Так я прямо сейчас могу пройтись по туннелю?

– Разумеется. Вот бумага, о которой я гово-

рил. Некоторые ваши обязательства на случай, если вы получите Корону Мира.

Джонни беспрекословно расписался под обширнейшим текстом, изящно ограничивающим могущество Властелина Галактики. Изящные безделицы красивы, подумалось Джонни, но вот только очень уж они бывают хрупки.

Клеменс немедленно отвел его в Главный Зал, и Джонни в третий раз ступил в туннель Башни. Ступил уже не работником проекта, а Претендентом. Или вором, жаждущим добраться до древнего сокровища?

Он не спеша пошел по туннелю, и так же не спеша сомнения последовали за ним. Туннель не обращал на него внимания, значит ли это, что он благополучно доберется до Короны Мира? Или туннель не обращал на него внимания до поры до времени? Или это его свободное продвижение по туннелю – проявление не благосклонности Башни к нему, а безразличия? Когда понадобится, Башня даже не убьет его, а просто вышвырнет вон, и все.

Вдруг медальон как магнитом потянуло вниз. Натянулась и порвалась цепочка. Джонни не сумел удержать цепочку в пальцах, вместе с медальоном она «утонула» в одной из ступенек лестницы.

Цепочка порвалась, а медальон не взорвался.

Башня еще раз продемонстрировала свою силу, такой можно было сделать вывод, но ведь не ради одной демонстрации силы Башня отняла у него средство самоуничтожения. Что могло означать исчезновение средства самоуничтожения для него? Башня задумала сделать его монстром,

или же она показывала ему, что ей дорога его жизнь? Скорее, пожалуй, действие Башни было проявлением общеизвестного неприятия Башней всяких там искусственных устройств.

Джонни озарило: а он-то уже не наверх поднимается, а опускается вниз.

Как это могло произойти, почему лестница завернула вниз? Магистральный ствол делает петли? Но если бы было так, его бы об этом предупредили...

Нет, тут дело в другом, не в анатомическом строении корня Башни. Тот путь, по которому он идет, это не путь к Короне Мира, вот что это значит. Создатель Башни предусмотрел только один путь к Короне Мира – через Испытание в храме Башни, и не было другого пути. Так было определено, а этот подкоп, этот проект «Крот» – не разработка нового пути к Короне, но лишь попытка обмануть надчеловеческую мудрость. Может, мудрость и можно обмануть, но только от этого она не перестанет быть мудростью.

Джонни не знал, что ждет его на этом пути по ступенчатому туннелю, вечные ли блуждания или тупик. Возможно, в конце туннеля находилась какая-то корона, но уж, во всяком случае, это была не та корона, которая могла вернуть ему Лолу.

Он пошел назад.

Пузырь выбух из стены и едва не приклеился к нему. От второго пузыря Джонни пришлось освобождаться, убирать с себя клейкое вещество. Не успел он передохнуть, как к нему потянулся третий пузырь.

Джонни побежал. Одни пузыри поджидали его, иной раз заполняя собою до четверти прохода, другие взбухали по ходу его движения. Джонни приходилось то и дело лавировать на большой скорости. Набранная скорость здорово помогала ему: пузыри приклеивались к нему и рвались, не в состоянии задержать.

К выходу из туннеля он бежал куда дольше, чем углублялся в него спокойным шагом. Туннель никак не хотел расстаться с ним.

Как только он выпрыгнул из отверстия в корне, задыхающийся и потный, Клеменс отдал команду – и защитное поле, до сих пор не дававшее отверстию сомкнуться, убрали. Отверстие на глазах стало затягиваться.

Клеменс повернулся к Джонни и внимательно посмотрел на него.

– Пойдемте! Я выведу вас в город.

– Что будет с проектом?

– Не знаю. Тут не я принимаю решение. Станем сворачивать, наверное.

Джонни, покинув здание миссии, взял такселет. Через пятнадцать минут он уже входил в здание Всепланетной Строительной Корпорации.

Мистер Делл был на месте. Увидев Джонни, он возликовал, как будто узрел считавшегося умершим сына. На Джонни обрушился шквал любезностей, лести, обещаний предоставить самые лучшие, самые комфортные условия проживания на Цербе. Мимоходом мистер Делл намекнул, что с удовольствием выслушал бы, где Джонни пропадал последнее время, ведь на Церб тот прибыл давным-давно.

Джонни не стал огорчать Делла, ставить его в известность, что у него есть сто тысяч кредов, с которыми он от дальнейшей финансовой помощи компании вполне может отказаться. В трудную минуту Джонни признал компанию своим патроном, теперь было бы нехорошо отказываться от своих обязательств. Про то, где он находился последнее время, он тоже промолчал.

Когда Делл, окончив торжественную часть, перешел к части деловой, то есть спросил Джонни, когда тот собирается в очередной раз Претендентом подняться на Башню, Джонни сказал:

– Я не готов войти в храм, мистер Делл.

– Но ведь вы, мистер Голд, получили силу семечка, или наша информация ошибочна?

– Силу семечка я получил. А в храм Башни войти не могу. Моя сила недостаточна для того, чтобы я мог пройти Испытание, я чувствую это. Сила Преображенного по сравнению с силой Башни – это ничто. Мне нужна дополнительная сила, мне нужна особая, чистая и светлая сила... Можно ли где-то у нас в Галактике найти такую силу?

– Чистая сила? – Делл задумался. – Нет ничего чище огня. Вы слышали про самоцветы Самоса?

– Впервые слышу.

– Возможно, это все враки. А может, и нет. На Самосе, шестой планете Тау Водолея, есть особые камешки разных цветов, которые самосцы используют как талисманы. На Самосе существует поверье, что иногда такие камешки начинают светиться. Тот, чей камешек засветится, приобретает необычайную способность. Владелец светяще-

гося камешка может, когда захочет, придавать своему телу состояние плазмы. Что же это такое, быть плазмой, вообразите сами.

– Вы говорите про немалую силу, мистер Делл... – Джонни помолчал. – Пожалуй, я полечу на Самос. Да, я полечу на Самос. Только... только что после Самоса? Не придется ли мне так и скитаться по Вселенной до самой смерти, собирать по крупицам силу, черпать горстью воду из моря?

Делл пожал плечами.

– Вы сами сказали, что вам рано проходить Испытание, мистер Голд.

– Да. Рано.

– Значит, Самос ждет вас. А что будет потом? Наверное, однажды вы сами почувствуете, что силы для Испытания собрали достаточно. Вот это и будет конец вашим странствиям.

Свой разговор Джонни и Делл закончили обсуждением, чем компания могла помочь Джонни в его полете на Самос. О ста тысячах кредов, полученных за работу в проекте «Крот», Джонни так и не сказал Деллу, не желая беспокоить его понапрасну.

САМОЦВЕТЫ ЗЕМЛИ

ЛЕГЕНДА О САМОЦВЕТАХ САМОСА

Самос был курортной планетой, на его многочисленных островах золотились прекрасные пляжи, морская вода обладала уникальными лечебными свойствами, как о ней пели местные заправилы гостиничного и санаторного бизнеса. Двести лет назад Самос был провозглашен семнадцатой провинцией Земной Империи. На планете при весьма разнообразном животном мире разумные формы жизни отсутствовали, так что ее колонизации не было препятствий. Вскоре после начала колонизации, однако, обнаружилось, что на Самосе около полумиллиона лет назад существовала разумная жизнь, носители которой были гуманоидами, то есть имели человеческий облик. Самосский разум завял на общинно-пле-

менном уровне, так и не достигнув уровня цивилизованности. Войны и эпидемии погубили его, как удалось выяснить из наскальных рисунков и надписей.

Основной достопримечательностью Самоса являлись так называемые самосские самоцветы, камешки различной окраски. Туристы и страждущие излечения обычно покупали местные самоцветы во множестве на базарчике при космопорте, радуясь их дешевизне, а потом разочаровывались, попав на пляж: на любом самосском пляже таких камешков за день можно было собрать не один десяток. Местные жители, потомки первых переселенцев, использовали самосские самоцветы как талисманы. В камешке просверливали дырочку, продевали в дырочку нить и вешали камешек на шею.

Удивительной особенностью самосских самоцветов являлась их способность активизироваться. Активизироваться мог только самоцвет, используемый в качестве талисмана. Висит такой камешек на шее, вдруг вспыхивает и начинает светиться, и тогда между ним и его владельцем устанавливается нематериальная связь. Об этой связи знали мало, было только известно о результате ее установления: владелец активизированного самоцвета мог при желании перевести свое тело из состояния органической материи в состояние плазмы и находиться в новом состоянии некоторое время. Возможность перехода в плазменное состояние давала немало преимуществ: владелец активизированного самоцвета в плазменном состоянии мог проникать сквозь любые преграды, пе-

ремещаться с огромной скоростью, он был неуязвим для многих видов обычного оружия. Немудрено, что любой владелец талисмана-самоцвета хотел, чтобы его талисман однажды активизировался. Активизация, к сожалению, происходила крайне редко, раз в несколько лет, а то и в несколько десятков лет.

В мире одновременно могло быть не более двух активизированных талисманов, что находило объяснение в легенде умершего народа о происхождении самосских самоцветов. Множество научных и околонаучных гипотез их происхождения давали возможность сказочному, легендарному объяснению занимать не последнее место в умах самосцев. Легенда о самосских самоцветах носила и другое название, под которым древности она была более известна. Легенда эта была такова.

ЛЕГЕНДА О СОЕ И АНДИНЕ

Сой возвращался к берегу, когда поднялась буря. Удэй нагнал черные тучи и теперь сверкал в них молниями, яростно настегивая своих коней, и пена с коней Удэя падала крупным градом в бушующее море. Волны то поднимали лодку Соя к самым тучам, то опускали в бездну. Казалось, его гибель неминуема.

Тем не менее, когда громадная волна вынесла лодку жреца на песчаную отмель, он, как это ни странно могло бы показаться на первый взгляд, не был так уж удивлен своим спасением. Ольду, морскому божеству, накануне была воздана щедрая жертва, и как бы там ни гневался Удэй, что ему в последний раз досталось меньше, на море Сою нечего

было опасаться за свою жизнь. Во всяком случае, в этот день, Неистовый Удэй трижды метал в него молнию, и что же? Зеленая волна всякий раз заслоняла его, а ослепительная сила неба разбивалась о тяжелую мощь воды.

Вытащив лодку из воды, Сой передохнул на мшистом камне и неспешно зашагал к ветвистой мальвокке со съедобными плодами. Утолив голод, молодой жрец направился к ручью, приторно-сладкие плоды вызывали сильную жажду.

Островок был небольшой, Сой хорошо его знал, так что ему не пришлось особо затрудняться. Извилистый ручей открылся ему за каменной грядой — и у ручья он увидел ее.

Она жадно пила, черпая воду горстями. Видно, тоже плодов мальвокки наелась. Платье на ней было разорвано и в одном месте прожжено. Должно быть, Удэй все-таки достал ее своей молнией, однако основная сила его удара была отведена водой, иначе не быть бы ей живой.

Девушка оглянулась.

Он подал знак мира — протянул вперед руки, показывая ладони, — и проговорил:

— Не бойся. Тебя тоже вынес на этот остров Ольд?

— Да. Я...

— Ты ранена?

На платье девушки Сой заметил кровь,

— Ничего, — сказала она. Смутившись, она подсела к воде и стала застирывать кровавое пятно. — Я поскользнулась на мели, там острый камень попался.

Больше они ничего не сказали друг другу. Ког-

да буря улеглась, они отплыли на своих лодках в разные стороны.

На другой день престарелый вождь ситакхов сказал Сою:

— Что с тобой, сынок? Ты нездоров? Сегодня твой удар не был таким точным, как всегда,

— Да, мне нехорошо, — сумрачно проговорил Сой.

Почти в это же время на острове Отмас седой вождь выговаривал дочери:

— Как ты неосторожна, Андина! Порезать палец ножом дурной знак. Теперь нам нужно принести искупительную жертву, а пойди отыщи на Отмасе девственницу двадцати двух лет!

Это был старинный обряд: бога неба Удэя, бога моря Ольда и бога войны Аркса сдабривали, принося им кровавые жертвы. Жизнь врага приносилась в жертву божествам; отмахи приносили в жертву ситакхов, ситакхи — отмахов. Старший жрец убивал, старшая жрица вытирала кровь с ножа, и дурным знаком было, если старший жрец не с первого удара достигал цели, обезглавливания жертвы, или если жрица ранила палец о вытираемое после каждого удара лезвие жертвенного ножа.

Потом трупы сжигали, если жертва приносилась грозовому Удэю; или оставляли на жертвеннике на съедение хищным птицам, если подношение шло безжалостному Арксу; или отвозили далеко в море и топили там, если жертва предназначалась бурливому Ольду.

Следующая встреча Соя и Андины произошла на том же островке Безымянном, обычном месте переговоров двух враждовавших племен, где судьба

свела их впервые. На этот раз день был солнечным, Удэя накануне почли обильной жертвой оба племени, и рука Соя ни разу не дрогнула, и Андина не поранила свои пальцы.

Они мало говорили, Сой и Андина. Да и разве нужны слова, когда так мягки травы, так славно веет прохлада с моря, и небесный свод светится таким нежным спокойствием?..

Дни шли за днями, и счастью под кронами деревьев островка Безымянного, казалось, не будет конца. Когда же дрогнул мир, подумалось о другом: каким же скоротечным это счастье было, как же мало ему удалось быть!..

С чего все началось? Пожалуй, со Страха, издали кажущегося обычным старичком с придавленными к земле лопатками, который, приблизившись, вдруг начинает заговаривать с вами загадками, и вот он уже тянет к вам крючковатые пальцы и все прячет, прячет свое лицо за поднятый воротник и шляпу с обвислыми полями.

Андине ни с того, ни с сего стало казаться, что когда к жертвеннику подводили очередного ситакха, это был не просто ситакх — она видела в нем Соя. Но в жертву иногда приносили и девушек, младшие жрецы обесчещивали их, после чего им перерезали глотки. И словно затмение нашло на Соя: в самый ответственный момент обряда перед его глазами на месте жертвы вставала Андина.

За тем, как сын вождя и дочь вождя исполняли свои обязанности, следили тысячи глаз, внимательно следили, ведь промах во время жертвоприношения мог разгневать божества, и тогда вместо врага племени пришлось бы принести в жертву одного из

своих, Сой и Андина стали частенько допускать во время жертвоприношения оплошности, что не могло остаться без внимания.

Первое время их неловкости объясняли случайностью, нездоровьем, усталостью, но потом беспокойство охватило старейшин, и за любовниками стали присматривать. Быстро было выяснено, на что следовало обратить особое внимание: Сой и Андина оставались одни, когда отплывали в море, дабы передать ему кровавую жертву.

Но за жрецами нельзя было наблюдать, равно как и за жрицами, когда они отплывали в море, поскольку неуместно осквернять соглядатайством их встречу с божеством. Старейшины долго не могли найти ответа, как быть. Уж не бог ли войны Аркс, которому ненавистно всякое сближение людей друг с другом, указал им на остров Безымянный, дескать, там устройте наблюдательный пункт?..

Еще до того, как любовники вернулись домой, старейшины обоих племен были извещены об ужасном. Приговор был один и в том, и в другом случае: смерть да настигнет нечестивцев на месте их преступления.

... Сойдя на берег, Сой двинулся к условленному месту с опущенной головой. Все более ощущая отчуждение от своего племени, он собирался предложить Андине бежать. Далеко на западе лежали острова, где жили племена, не связанные с их племенами ни дружбой, ни враждой, эти племена могли бы приютить их. Внезапно Сой заметил неподалеку человеческую фигуру. Рядом показался еще один воин. Или два?

— Сынок.

Сой вздрогнул.

На его пути стоял отец в полном боевом уборе, с топориком в правой руке.

Сой с яростью попавшего в засаду зверя набросился на вождя. Он хотел оттолкнуть старика, но тот мертвой хваткой уцепился в его плечо. А там уже подбегали воины... В их криках Сою почудился смех кровожадного Аркса, бога войны.

У Соя при себе был только жреческий нож, и этим ножом он ударил отца своего.

Старик упал, хватаясь за сердце; струйки крови побежали у него меж пальцев.

Сой кинулся бежать. В мозгу билась единственная мысль: увидеть Андину. Увидеть, а там будь, что будет.

Когда небо безоблачно, в глади вод видится отражение солнца. В миг убийства Соем отца своего Андина обратила жертвенный нож, единственное свое оружие, против своего отца. Жертвенный нож Андины оказался проворнее тяжелой секиры вождя. Вот и случилось, что вожди враждовавших племен упали на землю почти одновременно.

Смерть вождей привела воинов обоих племен в смятение, что на какое-то время расстроило погоню.

В одном месте холмистого острова находился малоприметный грот, который Сой и Андина облюбовали для встреч. В этом гроте они встретились и теперь, замаранные кровью своих отцов.

Они обнялись как никогда крепко. Скорее всего их приметили, еще когда они подплывали к острову, у их лодок, конечно, уже выставили охрану, и скоро разъяренные смертью вождей воины примутся прочесывать остров. Несомненно, их укрытие будет об-

наружено, отмахи и ситакхи не уберутся с острова, пока не найдут их.

Сой и Андина знали, что минуты отделяют их от вековечной разлуки, они были достаточно мужественны, чтобы сказать себе это. Но ни у Соя, ни у Андины не было сил сказать это вслух. Раздутая вихрем чувств, вспышка острой жалости к Андине внезапно омрачила разум Соя.

— Мы можем спастись, — сказал он и, взяв ее за плечи, посмотрел ей в лицо. Она ничего не ответила. Спазм сдавил ему горло. С хриплым стоном он кинулся разжигать огонь. Когда затрещали ветки, и столб дыма, выдавая их укрытие, потянулся в небо, Сой вскрыл жертвенным ножом вену на руке. Темная кровь закапала в огонь.

Старший жрец мог вызвать бога, принеся ему в жертву собственную кровь. Одни говорили, что в подобных случаях бог просто обязан был явиться на зов, другие считали такие речи святотатством, умалением величия божества, бог-де тем и отличался от человека, что не было никого, кто мог бы ему приказать. Как бы то ни было, на зов старшего жреца божество являлось всегда. Только редко случалось, чтобы старший жрец вызывал бога. Во время разговора со жрецом бог нередко обрушивал на самого жреца или на его племя свой божественный гнев. И все потому, что с богом надо было говорить умеючи. Существовало тайное знание, как полагалось говорить с богом. Знание это передавалось от одного поколения жрецов к другому, применить же его с успехом могли лишь единицы, из имевших доступ к нему.

Сой опыта прямого общения с божеством не имел, память подсказывала ему известные случаи, когда

встреча с богом заканчивалась мучительной смертью для жреца, и все же он отдал свою кровь огню. Да и то сказать, в безвыходном положении находились они с Андиной.

Теперь струйки дыма тянулись к небу живые, ведь в них была частица жизни Соя, и Удэй не мог не почувствовать это.

Белые облака, сонно плывущие по небу, вдруг стали быстро темнеть. Черные тучи понеслись к месту, где вверх поднимался столб дыма. Теснясь, они сталкивались, и наверху загрохотало так, словно это были не тучи, а каменные горы. Тысячи молний заплясали между небом и землей, и вдруг небо раскололось, и огненный столб сошел на землю.

На месте костра, разожженного Соем, вырос бог смутного неба Удэй. Могучий торс бога прикрывал плащ, свитый из голубых молний и застегнутый на левом плече звездою, в руке он держал плеть, которой перед этим нахлестывал своих небесных коней, лицо его было похоже на человеческое, и вместе с тем оно не было таковым. Щель рта божества очерчивали темно-синие губы, серая кожа, цвета затянутого облаками неба, светилась изнутри. Черные глаза Удэя напоминали два черных провала, жутью смерти веяло от них.

— Что тебе надо, жрец? — прогрохотал Удэй.

— Я и моя жена, старшая жрица, мы вместе хотим припасть к стопам твоего могущества в твоем небесном чертоге, как делали это на земле. «А опуститься назад, на Землю, мы уж постараемся в каком-нибудь другом месте, подальше отсюда», — добавил про себя Сой.

— Ты хочешь коснуться неба? — Брови Удэя грозно сдвинулись. — Да как ты посмел сказать такое?

— Я только хотел...

— Молчи! Благодари судьбу, что вчера хорошо полил кровью мой жертвенник!

Бог сгустком пламени понесся вверх. Когда он коснулся туч, гром раскатился так, что заложило в ушах. Потом наступила тишина, и огромная черная туча, висевшая над гротом, стала медленно разреживаться.

— Посмотрим, что скажет морской Ольд, — проговорил Сой. — Бежим!

Сой и Андина побежали к морю. Ни одного воина не попалось им на пути, ни ситакха, ни отмаха. Воинам, занятым трупами своих вождей, пока было не до поисков их убийц. Да и небесные явления, связанные с вызовом Соем Удэя, не могли не вызвать среди них дополнительной сумятицы.

Достигнув моря, Андина опустилась на прибрежный камень-валун, а Сой как шел так и шел. Он остановился, когда вода поднялась до его колен. Сой вынул из ножен нож, и горячая кровь заструилась в прохладные волны.

Пережав жилу рукой, Сой подождал. Вскоре в море недалеко от него возникла рябь, хотя ветра не было. И тут море вскипело в этом месте, поднялось гигантской волной. На ее гребне в переливах пены стоял бородатый старик — в синеватой чешуе, волосы и борода — зеленые. В правой руке старик держал большую раковину.

— Что тебе надо, жрец? — грозно спросил он голосом, в котором чудился рев водопада.

— Ольд-отец, я, твой жрец, и моя жена, твоя жрица, взываем к тебе! Мы всегда приносили тебе тучную жертву, мы...

— Так ты не от сердца приносил мне жертву, жрец, — ты хотел подкупить меня, проклятый! Я слышать не хочу, о чем ты просишь! Сгинь, умри, ты недостоин быть моим жрецом!

Рассерженный Ольд протрубил в свой рог-раковину. На мгновение из воды рядом с ним показалась голова какого-то морского чудовища, и вместе с чудовищем бог погрузился в море.

Спокойное море расстилалось перед глазами Соя. Здесь, на песчаном мелководье, вода мягко поглаживала берег, а дальше, где громоздились камни, грохотал прибой.

— Значит, все бесполезно? — прошептала Андина.

Сой бросил на нее быстрый взгляд и облизал пересохшие губы. «Я не умею говорить с богами», — горько усмехнулся он про себя. «А что, если Аркс поможет?» — шепнуло ему неистребимое желание жить.

Сой опять вскрыл себе вену, и кровь потекла на песок. Когда он счел, что этого достаточно, он остановил кровотечение и с криком «Аркс!» вонзил жреческий нож в кровавое пятно.

Кровь задымилась, язычки огня заплясали на песке. Вдруг дым повалил столбом, запах горящей плоти рванул ноздри. И что-то показалось в дыму. Когда дым разошелся, на песке стоял воин. На его черных доспехах виднелись кровавые пятна, кривой меч висел у него на бедре, в правой руке он сжимал

кубок-череп в золотой оправе. Должно быть, его отвлекли от пиршественного стола.

— Что тебе надо, жрец? — пророкотал бог войны Аркс.

— Я хочу, чтобы ты дал мне силу убить, — сказал Сой.

— Я дам тебе такую силу, жрец, — Аркс в улыбке обнажил звериные клыки.

— Я хочу убить всех своих врагов, их очень много здесь, на острове, мне нужно много силы, — проговорил Сой, душа которого всколыхнулась радостью: кажется, для разговора с богом войны он избрал правильный тон.

— Ты убьешь всех, — пообещал Аркс. — Вот тебе мой меч.

Передав меч Сою, Аркс исчез.

— Мы убьем их и будем свободны, — проговорил Сой, оборотясь к Андине, и мечом описал ослепительную дугу.

Душа меча проснулась в руке воина. Рукоять меча задрожала в ладони Соя, и против его воли меч потянулся вверх, словно собираясь нанести удар.

«Андина!» — вспыхнуло в голове у Соя. Страшным усилием воли он сжал рукоять меча, неожиданно ставшую раскаленной, и, превозмогая боль, всадил меч до половины лезвия в краснеющее на песке пятно, в то место, где только что стоял бог.

— Забирай назад свой меч, Аркс!

Крикнув, он отнял ладонь от рукояти, и меч вошел в песок — сначала по крестовину, затем целиком. Дым повалил из кровавого пятна.

Как в прошлый раз, в клубах дыма возник бог

войны Аркс. Но не кубок из черепа был в его руке, а кривой меч, который отверг Сой.

— Ты отказался от моего меча, жрец! — взревел бог.

— Меч хотел убить твою старшую жрицу, накажи его!

— Так ты хотел пощадить кого-то? Ты предал меня, жрец!

Сой не нашелся, что сказать. Недостаточно подготовленный для разговора с божеством, он упустил последний шанс спасти Андину и себя, осознал он в один яркий миг. А лицо Соя полыхнуло гневом.

— Будь ты проклят, Аркс! — крикнул Сой, потрясая кулаками.

Бог пошатнулся, словно изумленный такой наглостью. Или он пошатнулся, потому что жестокосердие всегда трусливо? Лицо Аркса на глазах стало меняться: губы пропали, обнажились клыки, щеки покрылись шерстью, глаза стали маленькими, уши заострились. Страшно взвыв, зверь, в которого превратился бог, завертелся волчком и черным клубком шерсти с проблесками когтей и зубов ушел под землю.

— Аркс скажет воинам, где мы, — слабым голосом произнесла Андина.

— Они ничего не сделают нам, — заверил Сой.

Молодой жрец простер руки к небу, и загрохотали проклятья. Сой не смирял своего голоса, он не боялся, что охотники услышат его голос и тем самым обнаружат их. Сой проклинал бога неба Удэя, и в этом проклятии своем он сам был как бог.

Когда на небе вновь стали собираться тучи, Сой обратился к морю.

— Бог моря Ольд, ты слышишь меня? — закри-

чал Сой, пробивая голосом поднявшийся ветер. — Ты жалкий бог, Ольд! Ты отказался помочь мне, потому что испугался, как бы ситакхи не перестали приносить тебе жертвы? Ты трус, Ольд! Без наших жизней ты ничто, бессмертный!

Море вспенилось, заходило волнами, забилось гневно о скалы. И море стало черным как небо, затянутое тучами, разрываемыми всполохами молний.

Они объявились одновременно: в черной туче понесся на землю небесный Удэй, на гребне волны покатился к берегу морской Ольд, из зарослей показался мохнатый зверь с оскаленной пастью, за которым бежали воины, это был хищный Арк. Бог войны бежал бойко, весело, он надеялся, что когда Сой и Андина будут убиты, приведенные им ситакхи и отмахи, старинные враги, кинутся биться друг с другом.

Андина метнулась к Сою, и он прижал ее к своей груди.

О том, что случилось дальше, старики рассказывали по-разному.

Одни говорили, будто первыми нанесли удар боги — и любовники рассыпались тысячами брызг, застывших в знаменитые самосские самоцветы. Другие уверяли, будто первыми ударили люди, и вот от этого удара Сой и Андина рассыпались самоцветами. Большинство же рассказывало так:

— Ольд обрушил волну, Удэй послал молнию, воины ударили мечами, но это не причинило Сою и Андине никакого вреда, и напрасно лютовали боги, напрасно воины снова и снова взмахивали оружием. Ни те, ни другие ничего не могли поделать с двоими, из единения которых родилось новое божество, бо-

жество любви, ведь боги, как известно, бессмертны. Потом Ольд рухнул в свое море, Удэй скрылся в тучах, а мечи рассыпались по рукоять. Только после этого Сой и Андина разлетелись искрами самоцветов.

Джонни прибыл на Самос со знаниями о планете, которые он почерпнул из содержавшихся в памяти бортового компьютера справочников. Компьютер в числе прочей информации поведал ему и легенду о самосских самоцветах. На Самосе, обосновавшись в гостиничном номере, Джонни, свято помнивший со школы косморазведчиков, что информации никогда не бывает много, разложил перед собой роскошные проспекты: ослепительные пляжи, обнаженные красотки, успехи местных санаториев в графиках омоложения и оздоровления. О самоцветах Самоса упоминалось часто, но мельком. Когда в глазах у Джонни начало рябить от разноцветных букв, он наткнулся не рекламу фирмы «Самосские древности»: «Вам нужен настоящий самосский талисман? Значит, с нами – к монументу Одиноких». Ниже пояснялось, что в оплату, десять кредов, входила не только доставка к монументу и обратно, но и болтовня гида, включавшая «доподлиннейшую историю о знаменитейших самосских самоцветах».

Джонни отправился в фирму на другой день. Заплатив десять кредов и получив билет, он принялся ждать. Когда число желавших совершить экскурсию к монументу Одиноких и оплативших свое желание достигло двадцати человек, подали

пассажирский гравилет, комфортабельный «урсуик». Грузная дама-экскурсовод предложила занять места.

Они полетели над парками, гостиницами и танцплощадками, над искусственными гротами, фонтанами и беседками,– словом, над подернутыми дымкою праздности самосскими островами, ну и, конечно же, над морем.

Экскурсовод, миссис Фромбок, начала тарахтеть, едва гравилет оторвался от земли. За час полета Джонни узнал, что ежегодно планета принимала сто миллионов гостей, в заботах о которых протекала жизнь самосцев. Для гостей делалось очень много: при населении в пятьдесят миллионов человек на Самосе было четыре миллиона полицейских; особая служба «Честь Самоса» зорко следила за состоянием техники и сооружений, это помимо единых для всей Империи служб. Гостеприимство самосцев зашло так далеко, что на Самосе уничтожили всех сколь-либо опасных животных, не забыли и про ядовитые растения, и все это – во избежание несчастного случая с кем-нибудь из гостей. Если уж так случилось, что вы заболели, к вашим услугам – прекрасная медицинская сеть. Все больницы Самоса прошли аттестацию и признаны лечебницами первого или экстра-класса, иных на Самосе не держат. Тем не менее, гостям Самоса надо бы знать: отдавший предпочтение лечебнице «Материнские руки» (код 32567) сделает правильный выбор. (Код запишите, миссис Фромбок плохого не порекомендует.) Для обретения же всей полноты душевного спокойствия гостю планеты не поме-

шало бы застраховаться в компании «Надежная защита», прекрасная страховая компания.

Почувствовав, что гравилет пошел на снижение, Джонни, начавший подремывать, глянул вниз.

Он увидел маленький островок без признаков жилья – желтый песок, деревья, холмы, каменные гряды. Остров назывался Пята Бога, прокомментировала миссис Фромбок. Видите, с высоты птичьего полета остров очертаниями напоминает след человеческой ноги, а кто смог бы оставить след такой величины, кроме бога?

На Пяте Бога определенно искусственное происхождение имело единственное место – располагавшаяся в широкой части острова каменная площадка. В центре площадки находилась скульптура, выполненная без тщательной проработки деталей: из глыбы камня выступали контуры двух человеческих фигур.

Мужчина прижимал к своей груди женщину. Напряжение их поз, выражение лиц – все говорило о том, что это минута не нежности, а опасности.

Монумент «Одинокие» был создан сто пятнадцать лет назад скульптором Уильямом Поттером, который, как сообщила миссис Фромбок, между прочим, одно время обладал активизированным самоцветом.

– Никого нет, – пробормотала толстуха, сидевшая впереди Джонни, тоном обвинителя: ну вот, обещали показать достопримечательность, а что это за достопримечательность, вокруг которой

не толпятся зеваки, не поблескивают линзы фотоаппаратов и кинокамер.

– В полдень здесь всегда людно. Мы специально проводим экскурсию в такое время, чтобы никто не помешал нашим клиентам смотреть и слушать, – зубасто улыбнулась миссис Фромбок. Кого слушать, она не уточнила: ясно кого, ее. Здесь до Джонни, наконец, дошло, на какую птицу она была похожа, – на курицу, и на попугая с хохолком, так заученно-трафаретно она выговаривала.

Когда все выбрались из гравилета, не исключая водителя, миссис Фромбок описала рукой привычную дугу и забубнила:

– Перед вами монумент «Одинокие», мастер Уильям Поттер, пятьсот семнадцатый год галактической эры. Легенда говорит, что...

История о самосских самоцветах: в варианте фирмы «Самосские древности» была точной копией истории из компьютерного справочника, знакомой Джонни. Повторение известного не так уж интересно выслушивать, да и *автоматические обороты* речи миссис Фромбок *действовали усыпляюще*, однако перед Джонни были *они*. Одинокие Сой и Андина, изваянные несомненно великим талантом. Взору Джонни то здесь, то там, на бетонной площадке и на желтом песке, попадались самосские самоцветы – и его не могла не тронуть судьба тех, кого одинокими сделали объятия, и в какую-то секунду Джонни показалось, что это не Андина стояла, выбитая из камня, а Лола.

Но это, конечно, была не Лола. И как только

ему могло прийти в голову такое, разве их возможно было спутать, мужественную, можно сказать, мужеподобную Андину и хрупкую Лолу?..

– Здесь самое богатое на самоцветы место из всех островов Самоса, фирма гарантирует, – сказала миссис Фромбок, завершив повествование. – Сами видите, их даже искать не надо. Так что каждый сможет выбрать себе самоцвет по вкусу. Сбор у гравилета через час. Вы можете походить по острову, только особо не расхаживайтесь. – *Миссис Фромбок шутливо* погрозила пальцем. – Ждать не будем.

– Тетя, а когда он взорвется? – спросил розовощекий мальчуган, подняв с земли самоцвет.

– Не взорвется, а надо говорить: засветится, – внушила миссис Фромбок. – Когда захочешь, деточка, тогда он и засветится. Только захотеть надо сильно-сильно.

Тут из-за монумента показался пожилой человек с неопрятной, свалявшейся бородой и в мятой одежде. Он выглядел истощенным, в выражении его лица было нечто болезненно-жалкое.

Люди, гости Самоса, начавшие расходиться, насторожились. Миссис Фромбок поспешила объяснить:

– Этот старик совсем безобидный, зовут его Дивой. Он от любви помешался. Сорок лет назад Дивой с одной девицей любовь крутил, а она возьми да за другого замуж выйди, за мясоторговца с Гванавы. Дивой запил по-черному, а потом сюда явился. Существует поверье, что здесь, у монумента Одиноких, талисман скорее активизируется, чем в каком-то другом месте. Исследования

показали, что это не так, но людское мнение живуче.

– А что, активизированный талисман привораживает? – спросила экскурсовода некрасивая девушка.

– Нет, не он сам. Человек с активизированным талисманом становится богатым, а уж богатство, точно, привораживает.

– Да та его молодуха уже давно старухой стала, – хохотнул лысый толстячок.

– Не стала. Через год после свадьбы с мясоторговцем она погибла. Полетела на Землю, а обшивка корабля возьми да лопни по шву. Так и не выяснили, отчего.

– Он что же, на острове постоянно находится? Чем он питается? – спросила сердобольная старушка, завзятая путешественница.

– Остров он не покидает, но о нем можете не беспокоиться, здесь полно съедобных корней и ягод.

– Так старик не знает, что его пассия умерла? – спросил кто-то.

– Не знает и никогда не узнает, хоть крикни ему в ухо. Он же ненормальный. Но он не опасен, еще раз повторяю. Дважды в год его осматривает комиссия Управлении Медицинского Контроля, если бы Дивоя посчитали опасным, он бы тут не задержался.

Успокоенные, экскурсанты стали разбредаться. Одни непринужденно всматривались под ноги, где там их талисман, и некоторые уже нагибались, другие чопорно кривились, наплевать им на местные суеверия, обойдутся они и без блестящих

камешков, – эти смотрели под ноги украдкой, свой самоцвет они подымут, когда зайдут за куст.

Джонни двинулся к противоположному краю площадки. Не прошел он и нескольких шагов, как за его спиной раздался голос молодой женщины. Женщина обращалась к экскурсоводу. Ее слова показались Джонни любопытными, и он остановился.

– О да, мэм, у нас на Самосе это целое искусство, правильно подобрать себе талисман, – заворковала своим низким голосом миссис Фромбок. – Считается, что блондинкам нужно выбирать из красных камней, брюнеткам – из синих, а рыжим лучше всего подойдет белый. Еще зависит от характера, если вы делового склада, возьмите себе зеленый, если романтического, ищите подходящий желтый, но ни в коем случае не вешайте на шею красный. Если вы блондинка романтического склада, желтый все же будет лучше красного. При подборе камня, кроме этого, советуют учитывать почерк, дату и место рождения, политические пристрастия. А некоторые считают так: по-настоящему ваш камень – тот, к которому потянется ваша рука прежде, чем вы его увидите.

Дослушав миссис Фромбок до конца, Джонни поднял камень, лежавший у его ног. Голубоватый самоцвет как будто светился. Неужели это... активизированный самоцвет? Так просто получить активизированный самоцвет? Не может быть!

Джонни загородил ладонью самоцвет от солнца, и лучик, мелькавший в нем, исчез. Ну ко-

нечно, не сам самоцвет светился, это в нем играл солнечный свет. Теперь, огражденный от солнца, самоцвет холодил пальцы. Да и невозможно найти на земле активизированный самоцвет, вспомнил Джонни, активизироваться мог только самоцвет, которым кто-то владел, висевший у кого-то на груди.

Не повесить ли ему на шею этот самоцвет?

Голубое – цвет мечты, а мечта у него была, его мечта вбирала и синь неба, и черноту космоса, можно сказать, всю Вселенную, потому что ему хотелось невиданного и неслыханного: реального, а не сказочного и не поддельного, возвращения к жизни канувшей в бездну небытия души. Однако он мечтал всерьез, а голубое было цветом поверхностной, несерьезной мечты, в голубом не было воли и пота, не было муки, через которую он готов был пройти, лишь бы свершилось, как он хотел. Нет, голубоватый самоцвет – не его талисман.

Джонни отбросил ненужный камень.

Взять себе красный самоцвет, цвета беспокойства и страдания? Но у него в избытке страдания с беспокойством и без красного камня. Взять зеленый, цвета обновления? Джонни долго разглядывал зеленый камень. Деревья начинают зеленеть, просыпаясь после зимней спячки, весною мир как бы рождается заново – это прекрасно, но не слишком ли это будет самонадеянно для него, не слишком ли преждевременно, видеть перед глазами рождение, тогда как для того, чтобы истинное возрождение случилось, ему еще столько надо усилий приложить?.. Черный камень,

может быть, ты, погасший уголек, подойдешь ему? Джонни не видел поблизости черного камня, но, наверное, и черные камни на Самосе встречались, стоило только их поискать. Черный цвет соответствовал какой-то грани его душевного состояния, но только одной грани. В черной непроглядности не было будущего, в черноте была смерть, а ведь он взывал к жизни, а не к смерти. Смерть он ненавидит, так что ни к чему ему черный талисман.

Вон лежит белый камень. Джонни поднял его. Нет, не то. Белый цвет – цвет чистоты намерений, цвет душевной чистоты, но была в этой чистоте какая-то покорность неизбежности, смиренность, а ведь ему требовалась сила, а не пустая чистота.

Джонни поднял желтый камень. В цвета Солнца сила была, но сила ярости и торжества, а не тяжкого упорства.

– Вам помочь?

Он оглянулся.

К нему, отошедшему от монумента на несколько десятков шагов, подходила девушка, пухленькая блондинка. Маленькая сумочка висела у нее на плече, а на лице было столько косметики, что этого количества, пожалуй, хватило бы на трех клоунов.

– Я с вами в одной группе, – сказала она, приблизившись. – Меня зовут Эмилия, а вас?

– Джон Голд, землянин, – буркнул Джонни.

– Вы с Земли? Я никогда не была на Земле. Я родилась здесь, на Самосе. Вам, наверное, интересно знать, почему мне захотелось поучаство-

вать в этой экскурсии? (Джонни чуть не сказал, что это ему совсем не интересно, но сдержался.) Мой талисман перестал мне подходить, у меня был белый. Я решила поискать другой, а сюда лучше всего добираться каким-то пассажирским гравилетом, потому что...

– Я бы не хотел мешать вашим поискам, – сказал Джонни и отвернулся.

– Вы не помешаете, я уже нашла себе самоцвет. Посмотрите. – Джонни искоса взглянул на камень фиолетового цвета. – Когда солнце садится, таким бывает небо, – проговорила она мечтательно. Он мне будет помогать, как вы думаете?

– Наверное, будет.

Джонни сделал вторую попытку отойти, но девушка задержала его, ухватив за рукав. Она проворковала:

– Я бы могла помочь вам найти самоцвет. Вы ведь ищете его?

– Да, ищу.

– А вот этот, как вам нравится?

Она подняла самоцвет и протянула его Джонни на ладони. Он взял камень.

Этот камень, цвета промежуточного между серым и синим, напоминал окраской затянутое тучами грозовое небо. Несомненно, его цвет был цветом силы, что брала начало из отчаяния и тоски.

– Спасибо, – проговорил Джонни и сунул камень в карман. Его глаза недобро блеснули. – Возьми-ка.

Он вынул из кошелька пачку ассигнаций и, не считая, протянул всю пачку девушке.

Если бы она заплакала, Джонни окончатель-

но уверился бы, что разговаривал с проституткой, ее же «экскурсия» к монументу одиноких была лишь охотой за выгодным клиентом. Однако девушка не заплакала. И денег его не взяла.

Бессильно махнув рукой, она зашагала прочь.

Неужели он ошибся?

Джонни не стал догонять блондинку. Он смотрел на нее, пока она не скрылась за деревьями, после чего повернул назад.

Миссис Фромбок с водителем сидели на раскладных стульях под тенистым деревом и лениво жмурились на солнце. У пассажирского гравилета, на котором группу миссис Фромбок доставили на остров, появились соседи: два больших пассажирских гравилета и три четырехместных. Людей на острове, очевидно, прибавилось, но особо это не было заметно, потому что они не толпились в одном месте, а разбрелись по всему заросшему зеленью острову.

Джонни обернулся. Он посмотрел на монумент Одиноких, олицетворение силы скорби и силы любви, и краем глаза он увидел старика, расположившегося у подножия монумента. Это был тот самый Дивой. Старик на грязном полотенце разложил нехитрую провизию: несколько местных плодов, кусок хлеба. Откуда он взял хлеб? Наверное, кто-то добросердечный подал. Или Дивою подавали деньгами, а хлеб ему за эти деньги поставлял какой-то водитель экскурсионного гравилета. У Джонни появилось желание подойти к старику и внести свою лепту в пополнение его кошелька, хотя вряд ли у того был кошелек. Стро-

гие глаза каменного Соя удержали Голда – и хорошо сделали, что удержали, позже подумал он, возвращаясь в гостиницу.

Вскоре водитель поднялся, вразвалку направился к гравилету. Он просигналил несколько раз, и группа стала собираться.

Когда миссис Фромбок дала команду занимать места в салоне, Джонни бегло пробежал глазами публику. Блондинки, разговаривавшую с ним, он не увидел.

Он подошел к экскурсоводу.

– Извините, миссис Фромбок, одного человека не хватает. Одна девушка не подошла.

– Как не подошла? – Миссис Фромбок полезла за списком, – смотрите сами, должно быть двадцать человек, собрались все двадцать.

– Может, кто-то из другой группы по ошибке присоединился к нам?

Хмурясь, миссис Фромбок устроила перекличку. Все экскурсанты оказались на месте.

– Вы что-то путаете, мистер Голд, – проговорила миссис Фромбок недовольно. – Эта девица, должно быть, была с другого гравилета.

– Но она сказала, что она из нашей группы!

– Чего не скажешь ради знакомства с таким красавчиком! – сально заколыхалась в смехе миссис Фромбок.

Смущенный, Джонни занял свое место, и водитель поднял машину в воздух.

ПЛАЗМОВИК

Поднявшись в номер, Джонни захотел взглянуть на самоцвет с острова Пята Бога. Он полез в карман. Камень был на месте. В его пальцах самоцвет тускло засветился рассеянным светом, когда же он внес камень в солнечную полосу, тот весело заискрился.

И что же, ждать, когда он активизируется?

Но сколько придется ждать? Или нужно не просто ждать, можно что-то сделать для того, чтобы самоцвет как можно скорее активизировался?..

Раздумья Джонни закончились тем, что камень был опущен в карман, а он отправился в ближайшую библиотеку.

В гостиницу он вернулся поздно вечером вполне удовлетворенный.

Вот что ему удалось узнать.

Самый безопасный путь к активизированному самоцвету – просто ждать, когда самоцвет активизируется – был и самым долгим. Абсолютное большинство владельцев талисманов старилось и сходило в могилу, так и не завершив этого пути. К активизированному талисману был и более короткий путь: можно было завладеть им в честном бою, отбить его у прежнего владельца. Уяснив это, Джонни заинтересовался владельцами активизированных талисманов и прежними, и ныне существовавшими.

Одновременно не больше двух человек владело активизированными талисманами, можно сказать, одновременно не больше двух талисманов

было активизировано. Один из владельцев активизированного талисмана был мужчиной, другой – непременно женщиной. Меж самосцев считалось, что в одном талисмане светилась бессмертная душа Соя, а в другом – Андины, отсюда и разнополость владельцев: мужчина владел талисманом с душою Андины, а женщина – с душою Соя. Смысл активизации талисмана заключался в том, что Сой или Андина, чья информационная сущность была разлита по всем самосским самоцветам, находили в данном владельце талисмана своего избранника и сливались с ним в плазменном единстве. Считалось, что это не было разнузданностью похоти: бродившая по Самосу Андина изредка находила подобие Соя, и тогда талисман этого человека-подобия активизировался, то же и с Соем. Победивший владельца активизированного талисмана почти всегда для Андины был больше Соем, чем прежний владелец, и поэтому самоцвет не гас в его руке. С самоцветом Соя происходило схожее, при смене владелицы он редко угасал, если был отнят силой. В Андине было сильно волевое начало, вот Сой и видел свою Андину сильной, хотя в данном случае уместнее было бы говорить о силе духа, а не силе физической.

Так оно было или не так, как представляли себе самосцы, но практический вывод, проистекавший из этих суждений, находил подтверждение в действительности: мужчине, возжелавшему завладеть активизированным талисманом силой, непременно нужно было отнять его в честном бою у владельца-мужчины, а не у слабой женщины.

Значит, его путь, заключил Джонни – найти

мужчину, который владел в данное время активизированным самоцветом, и отнять у него самоцвет. Честно отнять. Но что это значит, «честно отнять»?

Человек, владевший активизированным талисманом, имел огромное преимущество перед любым, кто пожелал бы помериться с ним силой: он мог переходить в плазменное состояние и энергией плазмы убивать, оставаясь почти что неуязвимым. Вот в этом «почти» и заключался шанс противника владельца активизированного талисмана победить, и шансу этому способствовало осуществиться особое оружие.

Оно называлось «металлохлыст» и использовалось в схватке с владельцем активизированного талисмана, в просторечии называемого шаровиком (из-за сходства его плазменного состояния с шаровой молнией) или плазмовиком. Металлохлыст представлял собой умещавшееся в руке устройство, производившее узконаправленное магнитное поле, поле-луч, не имевшее стертости границ, его длину можно было установить довольно точно, причем устройство прибора допускало возможность варьировать его длину в пределах от одного дюйма до нескольких ярдов. В этом «обрубленном» луче «плавали» металлические пылинки. Если луч касался шаровика, энергия шаровика перетекала по нему в рукоятку металлохлыста, в специальный резервуар-конденсатор. Конденсатор был устроен так, что энергия не могла длительно оставаться в нем в состоянии плазмы, она должна была или перейти в электрическую энергию, или овеществиться.

Первое, очевидно, для активизированного са-

моцвета было невозможно, поэтому всегда происходило второе. Разобрав ручку хлыста, победитель извлекал из нее активизированный самоцвет. Что же с прежним владельцем? Он в это время дрожал от страха или скрежетал зубами от ярости, лишенный своей силы, или же, что бывало реже, вместе с самоцветом плазмой перетекал в ручку металлохлыста – и умирал, делаясь человеком, потому как маленькая ручка не в состоянии была вместить человеческое тело. Это выглядело так: ручка разлеталась на куски, и взору победителя представало мертвое тело, поблизости от которого всегда можно было найти активизированный талисман. Иногда происходило и так: едва луч металлохлыста касался шаровика, тот рассыпался брызгами плазмы, теряя свою плазменную оболочку. В этом случае талисман нередко терял свою активность.

«Металлохлыст, допустим, можно было купить. Но где найти теперешнего владельца активизированного талисмана, да и вообще, кто он?» – задался вопросом Джонни.

В библиотеке ему услужливо помогли, предоставив в его распоряжение кассету, содержавшую подборку газетных статей об этом человеке.

Его звали Лорс Дабл. Когда-то он был полицейским. Потом – роковая любовь. Ингрида Максон не любила его, никогда не любила, она насмехалась над его грубыми замашками, неуклюжим ухаживанием, – и вышла замуж за главного инженера компании «Техносанитас». Тут-то самоцвет Лорса Дабла и активизировался – и Дабл убил их, ее и главного инженера.

Некоторое время о Лорсе Дабле ничего не было слышно, а потом он напомнил о себе так, что вздрогнула вся планета. Явившись в редакцию одной из крупных газет, он заявил, что намерен сменить полицейский мундир на голодный паек вольного художника. Впрочем, он надеется, что ему не дадут вконец отощать. Он будет работать по заявкам: господа президенты компаний, генеральные директора и управляющие, если вы хотите раз и навсегда решить проблему с каким-то лицом, вам следует оставить на ночь в своем кабинете, лучше всего – на письменном столе, чтобы не искать, маленький листок с именем цели. В открытом сейфе должны находиться сто тысяч кредов. Он, Лорс Дабл, гарантирует выполнение задания в течение месяца. Только одно условие: цель должна быть из высшего круга, а не каким-то там уборщиком, соблазнившим секретаршу.

Желающие воспользоваться нечеловеческими возможностями Лорса Дабла нашлись быстро, хотя сколько было обещаний, сколько заверений, что ни один честный самосиец не воспользуется столь жутким предложением! Сколько торжественных речей произносилось, сколько соглашений подписывалось!..

За десятилетие Лорс Дабл отправил на тот свет тридцать восемь человек: банкиры, промышленники, коммерсанты. Полицейские с ног сбились, пытаясь его изловить. По запросу администрации Самоса специалисты с Земли приезжали, посоветовали соорудить специальные клетки-ловушки,

где бы можно было удерживать плазму силовыми полями. Такие клетки соорудили, только Лорс Дабл ни в одну ловушку не угодил.

Где скрывался Дабл, так сказать, где было его логово, не знали даже приблизительно. Но чтобы заявить Даблу свое право на активизированный самоцвет, Джонни надлежало встретиться с ним. Как же он встретится с ним, если не у кого спросить, где его искать?

В конце концов, Джонни решил, что ему лучше всего прямо пойти в полицию и предложить им свои услуги. Вся информация о Дабле, конечно, стекается к полицейским, поэтому у них на службе он будет иметь неплохие шансы встретиться с соперником. Принять же на службу на особых условиях его, Преображенного трилистником, полицейские просто обязаны, ведь им непойманный убийца как кость в горле.

На другой день он отправился в Главное Управление Полиции Самоса. До ГУПа Самоса еще нужно было добраться. На путь у Джонни ушло два часа: столица Самоса, полумиллионный город Балкас, находилась не на том острове, где была его гостиница, а на другом, да тут еще водитель гравилета, как оказалось, не очень хорошо знал свою столицу.

В кабинет начальника полиции Самоса человеку с улицы напрямую попасть было невозможно. В приемной его заместителя, генерала Рокка, Джонни сказал молоденькому лейтенанту:

– Хочу служить у вас. Об условиях надо бы договориться с генералом.

– Тебе в отдел кадров. Вход 34, лестница...

– Я хочу заключить особый контракт. Я – Преображенный трилистником.

Через две минуты Джонни стоял перед генералом Рокком, маленьким человеком с непропорционально большой головой на покатых плечах.

– Так вы, мистер Голд, в самом деле... э-э... Преображенный трилистником?

– Да, сэр.

– Позволите маленькую проверку?

Джонни пожал плечами.

Генерал, казалось, не шевельнулся, тем не менее в плечо Джонни впилась игла из игломета, замаскированного под стоявший на подоконнике кактус. Наверное, Рокк ногой нажал на скрытую под столом кнопку.

На иглу было нанесено вещество не парализующее и не снотворное, а раздражающее. Такие иглы использовались полицейскими для разгона всяких противоправных шествий: человек, в которого попадала такая игла, в течение двух-трех часов корчился и плакал от боли, других последствий точного попадания иглы в цель не имелось. Если не считать редких смертей от болевого шока.

Джонни боль почувствовал, это было как укус мухи. Едва он выдернул иглу из тела, боль сразу пропала.

– Браво, мистер Голд, – проговорил генерал Рокк, не спускавший с него глаз. – Так каково ваше предложение?

– Я хотел бы поучаствовать в охоте на этого знаменитого самосского убийцу Лорса Дабла. Если

именно мне удастся нейтрализовать его, его талисман должен стать моей собственностью.

– Активизированный талисман Дабла – это все, что вы просите?

– Разумеется, вы должны будете помочь мне выйти на Дабла и оплатить текущие расходы.

Джонни ожидал, что его предложение с такими умеренными требованиями будет немедленно принято, однако генерал Рокк, пожевав пухлыми губами, произнес:

– Вам придется немного подождать нашего ответа, мистер Голд. Как вас найти?

Джонни назвал гостиницу, в которой остановился. На этом разговор был закончен.

Вечером этого же дня в гостиницу на имя Джона Голда прибыла бумага из канцелярии самосского Наместника.

Джонни читал и не верил своим глазам:

«Мистер Голд, личный номер АМТ-2365432765, вам надлежит покинуть Самос в течение трех суток. Ставим Вас в известность, что сим Ваши права гражданина Земной Империи не ущемляются: вы выдворяетесь за пределы имперской провинции 21 «Самос» без объяснения причин согласно пункту 35 параграфа 3 Имперского Административного Кодекса и пункту 34 параграфа 245 Имперского Уложения о Правах».

Чем руководствовались местные чиновники, составляя эту бумагу, особого значения теперь не имело, не стоило ломать над этим голову. Джонни волновало другое: у него было только трое суток, чтобы завладеть активизированным талисманом.

Только трое суток!

Позабыв про сон, Джонни немедленно позвонил в очень дорогую службу «Любая помощь всегда», и через час ему доставили компьютер и книги из библиотеки про самосские самоцветы. Немного попотев, Джонни нашел в общественном банке информации кое-какие сведения о Дабле и принялся их изучать.

Он занимался, пока его не сморил сон. После трехчасового сна он проснулся бодрым, словно всю ночь проспал. Тело Преображенного трилистником не нуждалось в сне такой длительности, какая была необходима для полного восстановления сил обычному человеку. Джонни работал, не выходя из номера, весь день до самого вечера: анализировал, где Дабл совершал убийства, каким образом убийца избегал ловушек полицейских, каковы были пристрастия Дабла. Вечером, когда кое-какие идеи, где же следует искать Дабла, начали шевелиться у Голда в голове, к нему в номер позвонили.

Это опять оказался посыльный. Джонни, не ожидая ничего хорошего, распечатал конверт, он не удивился бы, если бы это было требование покинуть Самос немедленно, но нет, изысканно вежливым языком без всяких там параграфов и уставов его просили спешно явиться в Главное Управление Полиции Самоса.

Посыльный, следивший за его глазами, сказал:

– Гравилет внизу, сэр.

На этот раз на дорогу у Джонни ушло меньше часа. В коридорах его томить не стали, его

сразу провели в кабинет генерала Ортнера, начальника полиции Самоса.

Ортнер, седой старик, в кабинете был не один. Здесь же находились генерал Рокк и человек в штатском, которого Джонни представили как советника Великого Наместника Самоса.

– Мы готовы принять ваше предложение, мистер Голд, – проговорил генерал Ортнер. – Вряд ли это неожиданно для вас, не так ли?

– Очень даже неожиданно. Я вчера получил предписание покинуть Самос, а сегодня...

– Разве вы не знаете, что произошло утром?

– Не знаю, – Джонни, почти сутки просидевший за книгами и компьютером, стереовизор не включал и свежих газет не читал.

– Сегодня утром Дабл убил начальника департамента торговли мистера Литтона. Литтон был другом детства Наместника, между прочим.

– Вот оно что!

– О нашей первой просьбе просим вас забыть. Это было недоразумение, вот и господин советник подтвердит.

Советник Великого Наместника подхватил:

– Да, это была ошибка, мистер Голд, печальная для Самоса ошибка, надеюсь, поправимая. Хотя Литтона не вернешь... Понимаете ли, мистер Голд, в окружении Наместника немало людей недалеких, но хороших демагогов. Когда ваше предложение обсуждалось, некоторым из них показалось, что... Люди трусливые, мистер Голд, вот они и подумали: если Преображенный трилистником еще и активизированный талисман получит, хм... На Трабаторе вас как-то затронула история

о нескольких убийствах, мистер Голд, и на Земле вы паинькой тоже не были...

– Настоящему мужчине рамки закона иногда бывают тесны, господин советник, – заметил генерал Ортнер.

– Да, конечно, генерал. Я только хотел объяснить мистеру Голду причину наших заблуждений.

– Ваших, а не наших, господин советник. У вас там намудрят в канцелярии, а мы расхлебывай. Короче, мистер Голд, взгляните на это.

Джонни взял лист бумаги и прочитал:

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ДЖОНОМ ГОЛДОМ,
ЛИЧНЫЙ НОМЕР АМТ-2365432765,
И АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПРОВИНЦИИ 2
«САМОС» ЗЕМНОЙ ИМПЕРИИ

1. Джон Голд обязуется разыскать и передать в руки правосудия самосца Лорса Дабла, личный номер СТК-6537825451, объявленного в розыске согласно постановлению 437-С главного прокурора Самоса.

2. Если при исполнении пункта 1 Соглашения самосец Лорс Дабл будет убит, это не может быть поставлено в вину Джону Голду согласно пункту 4 параграфа 65 Закона о Полицейском Найме.

3. При исполнении Джоном Голдом пункта 1 Соглашения, с учетом пункта 2 Соглашения, активизированный талисман Лорса Дабла переходит в собственность Джона Голда с правом вывоза за пределы Самоса.

4. Администрация Самоса обязуется оказывать Джону Голду всемерную поддержку в выпол-

нении взятого им на себя согласно данному Соглашению обязательства.

5. Джон Голд при выполнении взятого им на себя согласно данному Соглашению обязательства обязуется соблюдать законы Земной Империи и Самоса.

Подпись Великого Наместника и печать его канцелярии под Соглашением уже стояли.

Генерал Рокк пояснил:

– Последний пункт – простая формальность, мистер Голд, надеюсь, при выполнении вами задания этот пункт вас не смутит.

Начальник полиции добавил:

– И насчет первого пункта. Это тоже реверанс, кхе... Живой нам Дабл ни к чему, можешь с ним не церемониться.

Советник Наместника с отсутствующим видом смотрел в окно, как будто разъяснений генералов не слышал.

Рокк пододвинул к Джонни письменный прибор, и тот расписался в двух экземплярах Соглашения, один сунул себе в карман.

– Возьмите вот это, – Рокк подал Джонни пачку ассигнаций по сто кредов каждая и малиновое удостоверение с императорским гербом. – Десять тысяч кредов на текущие расходы, а это удостоверение имперского агента позволит вам проходить на любые объекты, сколь угодно секретные, и никто не посмеет вас задержать. Правда, вас могут попросить подтвердить ваше право носить это удостоверение. Видите впадину на корочке? Прижмите к ней большой палец.

По удостоверению от пальца Джонни побежали радужные волны.

– Матрица удостоверения настроена на ваше биополе, мистер Голд, – сказал Рокк, – в ваш прошлый визит мы сняли с вас кое-какие параметры. Так что никто, кроме вас, не сумеет воспользоваться этим удостоверением. Но я бы не советовал вам его терять, некоторые неудобства и для вас, и для нас это создало бы. Удостоверение действительно две недели, потом сработает механизм его самоуничтожения.

– Оно взорвется у меня в кармане?

– Просто рассыпется.

Начальник полиции произнес:

– А теперь, мистер Голд, мы познакомим вас с последней информацией о Дабле. – Он позвонил. – Лейтенант, отведите имперского агента к капитану Бруку. Вы будете работать с его командой, мистер Голд, он у нас занимается Даблом. Подчиняться ему вы не обязаны. Когда сочтете, можете действовать самостоятельно.

Капитан Брук выглядел борцом-тяжеловесом, давным-давно переставшим поддерживать форму. Сморщив обрюзгшее лицо, он нехотя предложил Джонни сесть и сквозь зубы процедил:

– Ох уж, эти супермены, черт бы их побрал! Прошлый раз прислали умника с Кносса, месяц пришлось с ним возиться, потом был ясновидец с Тайры... Дабл сжег обоих. А ты, сынок, говорят, трилистника обкушался?

– Капитан, я умею то, чего вы и ваши люди не умеете, при случае вы в этом убедитесь, – про-

говорил Джонни сухо. – Теперь к делу. Вам известно, где скрывается Дабл?

– Ишь ты, прямо так сразу ему и скажи, где находится Дабл, – капитан Брук устало вздохнул. – Кто его знает, где он находится. Сегодня он там, завтра здесь... Почти со световой скоростью перемещается, пойди попробуй его нагони.

– Но где-то у него есть убежище, не слоняется же он со своими пачками денег по Самосу. Их ведь у него не на один чемодан, надо думать, наберется.

– Да уж, верно, не слоняется, – вяло согласился Брук.

– Каким-то образом вам удалось свести с Даблом ваших людей, о которых вы только что упомянули. Что вы знаете о Дабле, капитан? Вам разве не сказали, что вы должны передать мне всю информацию о нем?

– Сходиться-то мы с ним иногда сходимся, только... Все нутро он нашим ребятам прожигает, от людей одни бублики остаются.

Капитан Брук, похоже, не был склонен откровенничать с Джонни, но Джонни не было дела до склонностей капитана Брука.

– Капитан, если вы не будете немного поболтливее, мне придется обратиться к начальнику полиции, – сказал Джонни. – Мне нужны детали, факты, а не жевательная резинка со слюнями. Ваши люди несколько раз встречались с Даблом, почему же Даблу удавалось уйти? Как вы организуете эти встречи? Мне такую встречу вы можете устроить или нет?

– Я хочу спать, – вдруг заявил капитан. – Уже почти полночь, господин имперский агент. Поговорим завтра, а?

Джонни, более не пререкаясь, потянулся к пульту видеофона и нажал на кнопку с имперским гербом.

Загорелся экран. Это был кабинет начальника полиции, как Джонни и ожидал. Показался генерал Ортнер. Он был в плаще, видно, собрался уходить.

– Вы нарушаете соглашение, сэр, – произнес Джонни, твердо глядя в экран. – Капитан Брук отказывается предоставить мне информацию о Дабле.

Ортнер сдвинул брови:

– Брук?

– Сэр, я только сказал, что утром, на свежую голову, заняться делами было бы лучше.

– Для начала получи выговор, Брук. А там посмотрим. Может, выгоню. Без пенсии. – После короткой паузы. – Мистер Голд, этот старый черт уже пришел в себя. Вы там пожестче с ним.

Начальник полиции отключился.

– Не надо бы так, мистер Голд, – уже другим тоном произнес Брук. – Разбудят посреди ночи, вот и зеваешь до утра, надо бы понять...

– Капитан...

– Ладно, ладно, не держите зла на старика. А с Даблом мы так устраивались. С каким-то банкиром договариваемся, оставляем в его кабинете записку на ночь, того-то ликвидировать требуется, и деньги. Дабл постоянно делает обходы кабинетов тех, кто побогаче, нет ли записки ему.

Двери-то Даблу не помеха, или в окно шаровой молнией влетит, или по проводам просочится. И месяц мы ходим за тем, на кого показали, за наживкой, то есть. Сначала мы с людьми договаривались, чтобы те наживкой были, не задаром, конечно, потом все отказываться стали. Боятся, понятно. Дабл, он двух живцов... и охрану ихнюю тоже. Стали мы такие фирмы создавать поддельные, во главе – наш человек, и на него Дабла натравлять. Тоже мало вышло хорошего. Дабла так и не поймали, а несколько ребят погублено.

– Что же ваш металлохлыст не сработал?

– К металлохлысту сноровка требуется. Дабл молнией носится, попробуй его лучом задеть. Опять таки, постоянно с включенным металлохлыстом стоять не будешь, а пока ты его включишь, Дабл успеет в тебе ни одну дырку просверлить.

– Думаю, я опережу Дабла.

– Уж не знаю. Сомнительно что-то. А встречу мы вам устроим, раз уж так приспичило. Ты не хочешь спать, сынок? А я, пожалуй, подремлю. В этом шкафу – все материалы про Дабла. Смотри сам, может, что тебе подойдет.

Капитан Брук прошел в соседнюю комнату, и вскоре до Джонни донесся громкий храп.

Он долго рылся в отчетах агентов, бланках экспертиз, докладах аналитиков. Проблема нейтрализации Дабла, уяснил Джонни, заключалась в скорости, с которой Дабл, находясь в плазменном состоянии, мог передвигаться. Дабл выводил из строя полицейских в первые секунды контакта, так что они просто не успевали задеть его лучом металлохлыста.

Физические возможности Джонни значительно превосходили возможности обычного человека, ему оставалось надеяться только на это.

Джонни проработал с группой Брука около месяца. Выспавшийся Брук действовал и хитро, и быстро. Несколько засад (как казалось Джонни – умелых засад) было устроено полицейскими, не один час Голд вместе с полицейскими поджидал Дабла, да только Дабл не торопился клевать на наживку. Не то Дабл слишком уж осторожничал, не то, начинали поговаривать в Управлении, кого-то из полицейских чинов Даблу удалось подкупить, и к нему потекла секретная информация. Некоторые стали коситься на Джонни.

Пришлось Голду вернуться к прежним своим рассуждениям, бравшим начало в информации, переработанный им до работы в полиции. Где могло находиться логово Дабла? Вряд ли он скрывался среди людей, скорее, это было некое уединенное место. Следующее суждение. Дабл, находясь в плазменном состоянии, обладал способностью свободно перемещаться по проводам, проходить сквозь металлические стены, но стены из диэлектрика представляли для него определенную преграду. Свободного перемещения в этом случае не получалось, Дабл должен был прожечь стену, чтобы пройти сквозь нее. Логично было предположить, что логово Дабла (возможно, это была какая-то пещера) находилось в местности, богатой железной рудой, чтобы Дабл обладал в этом месте свободой перемещения. На Самосе было только одно место, где встречалась железная руда – остров Грок. Некогда на острове Грок даже

добывали железо, но потом шахты были закрыты из-за низкой рентабельности.

На этот островок с единственным населенным пунктом, маленьким поселком, Джонни решил наведаться. Свое намерение он от полицейских утаил, чтобы информация на попала к Даблу. Он просто однажды исчез, прихватив с собой табельные металлохлыст и лучемет.

ЛЮБОВЬ ПЛАЗМЫ

На остров Грок Голда доставил таксолет. В поселке Бекс была единственная гостиница, там Джонни и устроился. Неделю он, не привлекая особого внимания, разведывал обстановку. Ему не удалось уловить ни намека, что где-то в поселке скрывается Дабл. Что касается брошенных шахт, то их на острове было три. Две, находившиеся на побережье, пятнадцать лет назад затопило море, третья, располагавшаяся на севере островка, морем не была тронута и от грунтовых вод мало пострадала, однако прогуливаться в ее сторону не рекомендовалось. Из-за пустот в земле, следствия разработки месторождения, в тех местах время от времени происходили оползни и провалы грунта.

Северная шахта Джонни заинтересовала. Когда он почувствовал, что больше в поселке ничего существенного выяснить не удастся, он, взяв с собой небольшой запас продовольствия, отправился к этой шахте.

Шахта была закрыта полвека назад, и все это время дорогу к шахте, естественно, никто не чинил. Недавно прошел дождь, и Джонни пришлось шлепать по грязи мимо ям с водой, образовавшихся в изъеденном временем дорожном покрытии.

В первый раз он увидел полицейский гравилет, как только вышел из поселка. Машина пронеслась над ним на большой высоте. Он увидел полицейский гравилет опять, когда из-за холма показалось пятиэтажное здание управления шахты.

Полицейский гравилет пошел на снижение. Уж не с ним ли полицейским захотелось пообщаться? Едва Джонни подумал это, как через громкоговоритель, установленный на полицейском гравилете, ему басовито скомандовали остановиться.

Джонни остановился, нащупывая в кармане удостоверение имперского агента.

Из гравилета неспешно выбрались два полицейских. Один, пожилой, остался стоять у машины, другой, худощавый, с висячими усами, направился к Джонни.

– Сержант Бенк, – козырнул усатый полицейский, подойдя. – Ваши документы.

В последний момент Джонни передумал показывать чудо-удостоверение. Он протянул полицейскому паспорт.

– Джон Голд, с Земли... Так вы турист, мистер Голд. И что вы делаете здесь?

– Я геолог. Я пишу книгу о месторождениях железа на разных планетах. На Самосе это, кажется, единственное место, где встречается железная руда?

– Но все железо с Грока уже вывезли, доктор Голд.

– Мне нужен малюсенький образец железной руды. Если здесь когда-то добывали железную руду, такой образец найдется.

– Я не слышал, чтобы здесь добывали железо с поверхности. А в шахту лезть небезопасно. Крепления давным-давно сгнили.

– Я не собираюсь опускаться в шахту. Пошарю по поверхности, не может быть, чтобы при погрузке рабочие ни один кусок руды не уронили на землю.

Полицейский нахмурился.

– И все же вам придется вернуться. Район шахты объявлен опасной зоной, я не могу разрешить вам идти дальше. Идите за мной, мы доставим вас в поселок.

Не оглядываясь, полицейский направился к гравилету.

Настойчивость полицейского показалась Джонни излишней, тем более что, по его сведениям, никаких официально объявленных опасных зон на Гроке не было. Однако как ему сделать, чтобы полицейские от него отстали? Очевидно, пришло время удостоверения имперского агента.

– Сержант, подождите.

– Что еще?

– Взгляните на это.

Не дожидаясь, пока ему предложат приложить палец к выемке на корке удостоверения, Джонни надавил пальцем на нужное место, – и по имперскому гербу побежали радужные световые волны.

Полицейские долго молчали. Никак в себя не могли прийти, бедняги.

– Я выполняю особое задание, – сказал Джонни, опуская удостоверение в карман, – Прошу не мешать.

– Есть, сэр, – буркнул пожилой полицейский, видно, старший в группе.

Полицейские, козырнув, полезли в машину. Гравилет поднялся в воздух и полетел к поселку, Джонни зашагал к шахте.

Какое-то местное насекомое укусило его через рубашку, была первая мысль Голда. Когда за первым «укусом» последовали еще несколько и Джонни обернулся, он увидел, что ошибся: это полицейские открыли в него пальбу из иглометов. Они вернулись назад на малой скорости, поэтому Джонни, сосредоточившийся на своих мыслях, не услышал шума двигателя. На их иглометы были надеты глушилки, так что звуков выстрелов, если не прислушиваться, тоже можно было не услышать.

Судя по действию, на иглы был нанесен раздражающий яд. Смертельную для человека дозу этого яда несли пять игл. Полицейские стреляли в Голда, пока у них в иглометных кассетах иглы не кончились; всего в Джонни попало двадцать пять игл.

Как только он понял, что полицейские хотели его убить, то изобразил судороги и повалился на землю. В данном случае притвориться мертвым – самое лучшее, решил он. Пусть враг думает, что он мертв, тем неожиданнее будет его атака.

Полицейский гравилет сделал круг над недви-

жимым человеческим телом и полетел в сторону города.

Уняв боль, Джонни поднялся и быстро зашагал к шахте. Слухи, что кое-кто из полицейских сотрудничал с Даблом, похоже, подтвердились. Или полицейским и без Дабла было отчего с таким упорством препятствовать посещению шахты посторонними?

На этот раз Джонни был настороже, поэтому полицейские, вздумавшие вернуться, не застали его врасплох. Они успели только растеряться, не обнаружив труп, который они решили сбросить в шахту, – и показавшийся из-за придорожного камня плазменный луч разрезал смотровое стекло панели управления полицейского гравилета, а заодно – пополам – и усатого водителя.

Машина рухнула вниз. Гравилет упал с высоты шестиэтажного дома, так что пожилой полицейский, несомненно, оказался в том же самом месте, куда его коллега попал несколькими секундами раньше.

Джонни быстро зашагал к зданию управления шахты, на ходу засовывая лучемет в заплечную сумку.

Холм, за которым виднелась цель Джонни, обойти было очень непросто: по обе стороны от него тянулись рвы, заполненные гнилой стоячей водой, тянулись сколько хватало глаз. Джонни полез по склону. Не без труда он добрался до вершины лесистого холма, и здесь его взяло сомнение. А правильно ли он делает, что собирается прямо сейчас обследовать шахту? Допустим, здесь где-то и есть убежище Дабла, но при свете дня

Дабл скорее заметит его, рыскающего по округе, чем он – Дабла. А ведь это очень важно было в предстоявшей схватке, кто кого скорее заметит.

Надо ему, затаясь, понаблюдать за местностью, не покажется ли где огненный шар, решил Джонни. Проследив за перемещениями находившегося в плазменном состоянии Дабла, он бы смог определить, где находится его убежище.

Голд отдавал себе отчет, насколько мала вероятность заметить Дабла: тот мог ближайшие несколько суток безотлучно находиться в своем убежище, мог перемещаться в пределах острова не надземным путем, а подземным, по жилам железной руды, из чего Джонни и исходил, задумав именно здесь поискать встречи с Даблом. Наконец, могло статься, что остров Грок был ошибочно избран Джонни для поисков Дабла. Дабл, возможно, и не бывал-то никогда на Гроке. И все же некий малый шанс увидеть Дабла близ его убежища на Гроке существовал, и Джонни не захотел его упускать.

Он выбрал место, с которого был хороший обзор. Когда-то буря вывернула с корнем трухлявое дерево. Джонни сел на его ствол и принялся ждать.

Вечером он подкрепился купленными в поселке припасами. Пока все было тихо. Темнело на Самосе быстро. Казалось, только сумерки начали сгущаться, и вот они – звезды и ночь.

К ночи лес оживился. Множество самосских птиц вело ночной образ жизни, и теперь они разными голосами заявили о своем существовании. Небо Самоса ночью было великолепно: крупные

звезды, цепочка искусственных спутников пересекает небосвод, над деревьями то и дело проносятся птицы. Прелесть обстановки портил только гнилостный запах, его приносил порывистый ветер от стоячей воды заболоченных лощин.

Треск Джонни услышал совершенно отчетливо. Это Дабл или кто-то из полицейских сумел выжить? По-кошачьи мягко скользнув в темные кусты, Голд осмотрелся. Кроме птиц да деревьев, никого не было вокруг, совершенно никого.

Спустя недолгое время рядом опять хрустнул сучок. Джонни замер – с лучеметом в правой руке, с металлохлыстом в левой. Однако и на этот раз только крики птиц и шелест листьев ответили его настороженности.

Из кустов, куда переместился Джонни, обзор был хуже, поэтому он вернулся на прежнее место. Сидя на стволе поваленного дерева, он снова стал обозревать окрестности, иногда поглядывая в затаившуюся под кронами деревьев темноту.

Как же не похожи самосское небо и далекое небо Земли, и как же похожи они! На Джонни глядели незнакомые звезды, составлявшие свои, самосские острова-созвездия, но стоило только ему отрешиться от привычки называть звезды по именам и объединять их в нормальные группы – и он видел совсем земное небо. Небо, в которое смотрели тысячелетия назад его прародители, сливалось в его понятии с небом, в которое некогда смотрел умерший народ Самоса. В эти мгновения исчезала пропасть времени, отделявшая его и тех, из чьих тел и душ образовались самосские самоцветы, и ему начинало казаться, что он осознал

всю глубину древней легенды, а там, на самой ее глубине, он знал точно, его дожидался активизированный талисман.

Как-то вдруг небо исчезло. Не небо, а море звезд обтекало высь, катились тихие волны, и вот они разошлись, и вечность взглянула на Джонни глазами девушки. Ее черты были расплывчаты, но, несомненно, это была не Лола, в бездне самосского времени Лола находиться не могла.

Джонни завороженно смотрел и смотрел в это лицо. Оно притягивало его взор как магнитом, но что за сила была в этом притяжении? Невозможно было разглядеть, насколько лицо это красиво, так что не сила красоты это была. И не сила любви: в вечности ни тепла, ни любви нет. Или это была сила стальной воли?..

Голд немного повернулся, чтобы лучше рассмотреть видение. Сучок уперся ему в бок, и он очнулся.

Он позволил себе задремать. Размечтался, разнежился.

Сердясь на себя, Джонни встал, размял ноги. Он не должен спать, он не должен поддаваться очарованию ночи. Чтобы восстановить силы, он немного подремлет на рассвете. Если Дабл и покажется, то вряд ли это произойдет в сонное предутреннее время.

Ослепительно-белый огненный шар пронесся над деревьями. Шар пронесся быстро, но все же далеко не со скоростью света, и Джонни успел его заметить. На мгновение зависнув над склоном ближайшего холма, шар стрелою упал вниз.

Путь до места, куда упал плазменный шар,

занял у Джонни больше времени, чем он рассчитывал. Ему пришлось продираться сквозь бурелом, обходить заболоченные участки леса, искать удобный спуск с холма, и при этом его преследовала неприятная мысль: а что, если убежище Дабла – какое-то пустое пространство глубоко под землею, куда Дабл добирается по железной руде? Тогда Джонни осталось бы только сторожить появление Дабла на поверхности, ведь землеройной техники у Голда не было.

Опасения Джонни оказались напрасны. Завершая путешествие по ночному лесу, он увидел полуразрушенный вход в какое-то подразделение шахты. Причем дверь хорошо сохранилась, и, судя по всему, она находилась на своем месте.

Дверь из бронепластика оказалась незапертой. Хорошо еще, что дверь не стальная, подумал Джонни. Будь дверь стальной, Дабл непременно заварил бы ее или заклинил замок так, что ее невозможно было бы раскрыть, ведь для самого Дабла стальная преграда не составляла препятствия.

Толкнув дверь, Голд вошел в большой вестибюль без окон, хорошо освещенный многочисленными настенными лампами. Отсюда брали начало четыре коридора. Три из них оказались завалены разрушенными стенными и потолочными перекрытиями, четвертый же был проходим до самого конца. Все вокруг носило следы запустения: стены в потеках, многолетняя грязь на полу, паутина. Однако помещение посещалось людьми или, во всяком случае, одним человеком, о чем недвусмысленно заявляло яркое освещение.

Было очень тихо. И где-то в этой тишине

скрывался Дабл. Ведь именно Дабл, несшийся в виде плазменного шара в свое убежище, дал Джонни знать, где оно находилось.

Джонни извлек из заплечного мешка лучемет. С лучеметом и металлохлыстом, взятых на изготовку, он пошел по коридору. Металлохлыст был нужен ему для Дабла-шаровика, лучемет – на случай, если он столкнется с кем-нибудь из людей Дабла или с Даблом в человеческом обличии. Джонни был весь внимание. Любой шорох, самый слабый вздох были бы им услышаны – но ничто не шуршало и никто не вздыхал.

Дойдя до конца коридора, он повернул назад. На ходу он стал открывать двери и заглядывать в комнаты: может, что-то наведет его на мысль, куда подевался Дабл. Комнаты встречали его взгляд грудами битого кирпича, многолетней пылью, разбитой мебелью, стопками пожелтевших бумаг – словом, мусором и хламом, не взятым с собой покидавшими шахту людьми за ненадобностью.

Седьмая по счету комната, в которую заглянул Джонни, сильно отличалась от предыдущих. Здесь было относительно чисто, и вместо старой дряни эту комнату заполняли аккуратные штабеля банок, пластиковых мешков, ярких пакетов. Войдя в комнату, Джонни убедился в том, о чем он подумал в первый момент. Это была еда: сок, сухие завтраки, фруктовые пюре, различные мясные и рыбные консервы, и все это было отнюдь не с истекшим сроком годности.

Видимо, он все же вскоре встретится с Даблом.

Как бы в подтверждение мысли Голда, со стороны коридора до него донесся звук шагов. Кто-то шел по коридору, подходил все ближе и ближе...

Незнакомец прошел мимо кладовой, дверь которой Джонни закрыл, войдя в нее. Голд выглянул в коридор, но так, что дверь не скрипнула. Едва он посмотрел в сторону незнакомца, как тот обернулся.

Это был Дабл собственной персоной, тот самый убийца-владелец активизированного талисмана, которого до этого Джонни видел десятки раз на фотографиях и в записи на видеокассетах. Даблу к этому времени перевалило за сорок, его курчавые волосы белели сединой, однако его натренированное тело бывшего полицейского и не собиралось расплыться под бременем лет. Дабл следил за собой. Это подтверждали и чисто выбритый подбородок, и опрятная одежда спортивного покроя.

Дабл, очевидно, не ожидал увидеть Джонни: его лицо на долю секунды стало растерянным. Потом растерянность на лице убийцы сменилась злостью. И одновременно Джонни выстрелил.

Стрелял Голд из лучемета. Стрелял в человека, а луч попал в плазменный шар. Ударив в плазменный шар, струя плазмы не была поглощена шаром или рассеяна – она отклонилась. Отклонилась, и стала заворачиваться дугой. Хорошо, что Джонни быстро убрал палец со спускового крючка, а не то пришлось бы ему хлебнуть огня из собственного оружия.

Не выпуская из руки лучемет, он привел в

действие металлохлыст. Поток металлических пылинок устремился к плазменному сгустку, Дабл-шаровик увернулся и выбросил огненный отросток, которым, в свою очередь, попытался достать Джонни. Теперь Джонни пришлось увертываться.

Это была битва скоростей: Джонни и Дабл стремились избегнуть смертоносного касания, в то же время силясь задеть противника, один – плазменным «щупальцем», другой – «пальцем» металлохлыста.

В конце концов оказалось, что шаровик все же обладал лучшей маневренной способностью, чем Преображенный трилистником. Даблу удалось-таки притронуться «щупальцем», правда, не к самому Джонни, но к его оружию – металлохлысту.

Металлохлыст немедленно расплавился. Чтобы не обжечься, Джонни инстинктивно откинул его от себя. А хоть бы он и вытерпел боль, от испорченного оружия не было никакого проку.

Из плазменного шара на миг выступили очертания головы Дабла.

– Ты умрешь, – заявила голова самодовольно.

Джонни продолжал держать в руке лучемет, но что можно было сделать плазмой против повелителя плазмы?..

Как бы смакуя процесс убийства, Дабл выпустил из своего тела-шара около десятка «щупалец» и не спеша потянулся ими к Джонни. Заключив Голда в огненное кольцо, «щупальца» начали сжимать круг.

Неожиданно по коридору пронесся голос:

– Андина!

Огненные отростки замерли. Их центр, плазменный шар, потускнел, покрылся рябью.

Резкий, как свист бича, окрик повторился:

– Андина!

«Щупальца» упали на пол бессильными плетями и медленно, как бы против воли, стали втягиваться в шар. Плазменный шар замерцал, как мерцает свеча, прежде чем погаснуть.

И третий раз в коридоре раздалось громогласное:

– Андина!

Уже втянувший все свои руки-«щупальца» в себя, Дабл, мерцая, поплыл к стене, в стене в этом месте была электрическая розетка. Приблизившись к розетке, шар быстрой струйкой перетек в нее.

Джонни среагировал быстро. Плазменным лучом он очертил около розетки круг, чтобы перерезать проводку. Стена под действием плазмы растрескалась, розетка расплавилась, однако более ничего не произошло. Дабл не появился – ни человеком, ни огненным шаром. Очевидно, плазмовик успел уйти.

Тут только Джонни оглянулся на своего нежданного спасителя.

В коридоре стоял лысый низкорослый мужчина средних лет, сутулый, с животиком. Не то что плазмовика, малолетнего дебошира не испугал бы этот мужичонка своим видом. Так казалось на первый взгляд, а что получилось в действительности? В действительности плазмовик испугался этого сутулого лысого мужичонки. Совершенно безоружного, между прочим, не считать же оружием парадный жезл, который избавитель

Голда сжимал в правой руке. Жезл выглядел примечательно: вокруг ствола-основания обвивался искусно вырезанный змей с острым гребнем, чья зубастая голова служила набалдашником, – но что могла сделать красота жезла против плазмовика? Достаточно было Даблу шевельнуть огненным «щупальцем», и от деревянного жезла только пепел остался бы. Да, нет, иное вышло, не жезл сгорел – Даблу пришлось спешно убраться.

Незнакомец сунул жезл в сумку, стоявшую на полу.

– Кто ты? – спросил Голд.

– Меня зовут Патрик Кенелз, я заведую архивом древностей Центральной Библиотеки Самоса. – Кенелз выразительно посмотрел на Джонни, предлагая ему представиться.

Джонни назвался, добавив, что служит в полиции.

Кенелз проговорил одобрительно и вместе с тем с долей насмешливости:

– Ты чертовски ловок, Джон Голд. Не думал, что это в человеческих силах, семь минут увертываться от коготков плазмовика. Но все-таки за *Даблом тебе не угнаться*, это факт.

– Еще посмотрим, кому за кем не угнаться, – проворчал Джонни. – Так это ты шел за мной по пятам так неуклюже, что сучки у тебя под ногами хрустели на весь лес?

– Никакого хруста не было, – отрезал Кенелз, – а шел я за тобой от самого поселка. Ты неплохо поразмялся перед тем, как сойтись с Даблом, местная полиция нескоро этот день забудет.

– Местной полиции в прежнем составе недолго быть. Связь полицейских с Даблом, думаю, нетрудно будет доказать. Так что скоро получит Бекс новых полицейских, а у новых певцов и песни будут свои. Вряд ли новички станут таскаться на могилы предателей.

– Если полиция поменяется, в добрый час. Эти двое мазилы были порядочные, мало того что предатели. Столько стрелять и не попасть, надо же так осрамиться! Или... постой, или они попали в тебя? Эта твоя шустрость, неуязвимость... Я слышал, будто на службу в полицию взяли Преображенного трилистником, уж не ты ли это?

Оставив вопрос архивариуса без ответа, Джонни проговорил в раздумье:

– Вот о чем я думаю, Кенелз. По следу Дабла идем мы двое, а Дабл один и активизированный самоцвет у него в единственном числе. Один активизированный самоцвет на двоих не разделишь, а?

– Ты хочешь меня убить, Джон Голд?

– Мне бы хотелось, чтобы ты... сошел с дистанции. Десять тысяч кредов, надеюсь, тебя утешат? Не забывай, талисман еще у Дабла, а не перед нами на полу лежит.

Кенелз покачал головой.

– Любая сумма ничтожна в сравнении с тем могуществом, которое дает талисман. Лучше вот как сделаем, Голд. Вместе мы скорее справимся с Даблом. Ну что ты сделаешь с ним один, тем более теперь, без металлохлыста? И мне было бы трудно одному разобраться с ним, во второй раз мой жезл может сработать хуже, чем в первый.

Что ты смотришь так? Да, моя сила – в этом жезле, но не надейся, ты не сумеешь воспользоваться им как следует.

– Я не собираюсь отнимать у тебя твой жезл, – успокоил Джонни архивариуса. – Допустим, ты меня убедил, вдвоем мы уж точно справимся с Даблом. И что потом?

– Раскалывать талисман надвое не придется. Пусть будет так: мы предоставим талисману возможность самому выбрать себе хозяина. Известно, как это делается. Два претендента на место хозяина талисмана берут самоцвет в руки, сразу оба, и призывают его огонь. Что это такое, призвать огонь? Это значит... Это делает Дабл, чтобы стать из человека плазменным шаром. Нужно попросить у Андины ее огонь, вот как это делается, а слова могут быть любые. Так один из нас станет хозяином талисмана, а другой умрет в огне: Андина никогда не дает свой огонь сразу двоим. Полагаю, смерть будет легкой, кому уж выпадет умереть. Мозг сгорит быстрее, чем болевой импульс добежит до него от нервных окончаний.

– Сгореть или самому стать огнем, хм... – Жутковатое предложение Кенелза, может, и не было очень уж выгодным для Джонни, но оно, несомненно, было честным. Недолго поколебавшись, Голд молвил: – Я согласен.

Они пожали друг другу руки, и Джонни сказал:

– Давай решим, что будем делать, когда Дабла разыщем. Не стоит ли мне обзавестись новым металлохлыстом? Или этот твой жезл вполне компенсирует его утрату?

– С Даблом без металлохлыста мы скорее справимся.

– Вот как?

– Да. Металлохлыст не против Дабла действует – против Андины, а мы поступим иначе, мы Дабла с Андиной разведем. Это сделает мой жезл – при моем участии, конечно. А там твой черед наступит. Надо будет тебе уж *как-то с Даблом* совладать.

– Хотел бы я знать, что за сила в твоем жезле.

– Долго рассказывать. Сейчас я есть хочу. Что там, припасы Дабла, что ли?

– Надо бы нам поскорее за Даблом двинуться. Пока он не убежал.

– Нет, сначала позавтракаем.

Джонни уступил. Они вошли в кладовую Дабла и утолили голод консервированными комплексными завтраками и фруктовыми соками. Только Джонни встал и раскрыл рот, чтобы поторопить Кенелза, как тот принялся устраивать из мешков что-то вроде ложа. На недовольный взгляд Джонни он ответил:

– Тебе-то что, *ты – Преображенный трилистником*, а у меня глаза слипаются. Вот высплюсь, тогда и дальше пойдем. Никуда Дабл от нас не денется, не беспокойся.

Говоря это, архивариус очень быстро устроился на ложе, положив пустые мешки в изголовье, отвернулся к стене и свернулся калачиком. Но тут же опять повернулся:

– И ты поспи.

– А если Дабл вернется?

– Отсюда ему пришлось удирать, теперь сюда

он никогда не вернется. Ни к чему ему ворошить прошлое, пробуждать в Андине сомнения в его мужественности.

Зевок во весь рот смял последнее слово Кенелза. Повернувшись к стене, он немедленно захрапел.

Джонни решился немного подремать сидя, не бросать же ему нового товарища. Да и, так уж сказать, сон ему не помешал бы. Кто знает, когда в следующий раз им предоставится случай смежить веки, а ведь его тело несмотря на все свои уникальные способности все же было сделано из плоти и крови, а не из стали.

Очнувшись от дремы, Джонни посмотрел на наручные часы. Прошло два часа, как он для себя и наметил. Что там Кенелз? Архивариус крепко спал – причмокивая во сне, суча ногами. Жалко было будить его, но ведь чем дальше отсрочивается преследование Дабла, тем больше у него шансов скрыться.

Окрики не помогли, пришлось Джонни потрясти Кенелза за плечи, чтобы тот разлепил веки. Прежде, чем подняться, архивариус долго выклянчивал еще минутку-другую сна, но Джонни был непреклонен: полицейские не сумели устроить Джонни встречу с Даблом, сам он вышел на Дабла чудом, а тут какой-то сонливец прозевывал верный шанс настичь Дабла.

– Палку свою не забудь, – сказал Джонни по-

тягивающемуся архивариусу, показывая на жезл с драконом.

– Не забуду, и не рассчитывай, – пробурчал Кенелз. – Запомни хорошенько, моим жезлом ты никогда не сможешь воспользоваться. Разве только помашешь им вроде дубинки. Тебе надо лет десять прокорпеть в архивах, чтобы жезл в твоих руках явил половину той силы, которой он обладает в моих. Ты думаешь, это просто, выставил жезл и все, а это не просто. Это, знаешь...

Архивариус продолжал разглагольствовать. Джонни не стал развеивать его опасения, и правильно поступил: если бы он попытался это сделать, он бы только укрепил их. Не утихомиривая Кенелза и не вступая с Кенелзом в перепалку, он обследовал стену, то место, где находилась оплавленная розетка. Оказалось, возможно выяснить, куда шел от розетки провод.

Заинтересованный действиями Джонни, архивариус прекратил брюзжать. Они проследили ход проводки – и вышли к длинному туннелю, освещенному тусклыми лампами, чей конец терялся вдали. Здесь розетки уже не встречались. Вероятно, далее плазмовик передвигался по железной руде, а туннель представлял собой проделанную в земной толще штольню. Вот по этим рельсам, судя по всему, некогда бегали вагонетки с рудой.

Голд и Кенелз пошли по подземному ходу. Все время пути, а шли они более часа, Кенелз с опаской поглядывал на крепления сомнительной сохранности. Джонни тоже крутил головой, но больше с другой целью, он старался не пропустить

малозаметный боковой ход или сливавшуюся со стеной дверь.

Туннель закончился стеною с узким отверстием-проходом в ней, оттуда брезжил дневной свет. Протиснувшись кое-как через узкий проход, Джонни и Кенелз оказались на поверхности – в центре выключенного фонтана, среди скульптур дельфинов, морских гадов и раковин. Хвост одного из морских чудовищ отодвигался, являясь дверью в подземелье. Как раз сейчас он был отодвинут.

Они выбрались из фонтана. Вокруг раскинулся в неге парк: аккуратно подстриженные деревья и кусты, бесстыдные статуи, посыпанные белым и желтым песком дорожки, ухоженные клумбы. Неподалеку находился трехэтажный дом с колоннадой внизу. За оградой владения виднелись точно такие же дома, обрамленные зеленью парков, только что ряд колонн был различным.

– Все-таки Дабла можно было найти в поселке, – заметил Джонни. – У тебя есть оружие?

– Да. Мой жезл.

– А если Дабл натравит на нас собак?

– Ни двуногих, ни четвероногих собак он на нас не натравит. Он попытается сам...

Рассуждения архивариуса прервало резкое:

– Вы, двое, стоять! Оружие на землю!

Из окон дома высунулось, поблескивая оптическими прицелами, не менее десятка плазменных ружей. Головы стрелков закрывали прозрачные бронешлемы.

Первой мыслью Джонни было: ах, как досадно так оплошать. Откуда взялась эта глупая вера,

что у него с Даблом произойдет поединок? Дабл, после того, как ему пришлось бежать, вряд ли проникся уверенностью в себя, так с какой стати ему идти на поединок? Куда безопаснее разделаться с врагами чужими руками.

Приказ расстаться с оружием повторился на более высоких нотах. Далее медлить, находясь под прицелом десятка плазменных ружей, было бы глупо. Джонни швырнул лучемет на землю. Кенелз, однако, продолжал сжимать жезл – не из бесстрашия, наоборот, цепенея от страха. Джонни не удивился бы, если бы Кенелзу была дана особая команда бросить жезл или если бы его, не говоря худого слова, пристрелили, но произошло иное. Отдававший команды голос приказал им идти ко входу в дом и остановиться у первой ступени лестницы портала.

Когда они, пройдя несколько шагов, остановились, где им было сказано, из дома вышел человек в мундире офицера полиции.

– Кто такие? – Молодой офицер был насторожен. Игломет висел у него на боку, выхватить его из кобуры было делом мгновения.

«Кто такие?» Джонни перевел дух. Так это не люди Дабла, стали бы спрашивать люди Дабла, кто они такие!

– Я покажу вам удостоверение, лейтенант, – произнес Голд. – Оно у меня в нагрудном кармане.

– Доставай.

Джонни медленно достал удостоверение имперского агента и протянул его полицейскому. Тот недоверчиво обследовал глазами каждую строчку, каждую линию герба на корке и попросил.

– Приложите палец к индикатору.

Как только по засветившемуся удостоверению побежали от пальца Джонни радужные волны, офицер смущенно кашлянул и произнес:

– Прошу простить, сэр. Ошибка вышла. – Он посмотрел на окна. – Отставить, сержант!

Они прошли в дом, и там офицер сообщил Голду и Кенелзу, которого Голд представил как своего помощника, о некоторых событиях, предшествовавших их встрече и, собственно говоря, устроивших эту встречу.

После того, как Джонни отправил на тот свет двух полицейских, их в поселке оставалось шестеро. Из шестерых за прошлую ночь пятерых Дабл убил – не то из желания замести следы, не то в ярости оттого, что полицейские, обязанные предотвратить проникновение в его тайное убежище посторонних лиц, не сумели сделать это. Двоих из них Дабл убил в их семейных спальнях на глазах у жен. Трех, дежуривших этой ночью, сжег прямо в участке. Оставшийся в живых полицейский оказался умнее прочих. Когда полиция Бекса еще только начинала сотрудничать с Даблом, Мак Вар, живший одиночкой после смерти жены, устроил в своем доме комнату-крепость, чьи стены и дверь покрывал десятидюймовый слой диэлектрика. В этой комнате он проводил большую часть времени, находясь дома. Здесь он спал, и поэтому Дабл не сумел добраться до него прошедшей ночью. А Даблу очень хотелось до него дотянуться, судя по обугленным местами стенам его дома. Сейчас Вар находился в полицейском участке, где был развернут штаб по ликвидации Дабла (или,

говоря официальным языком, по задержанию). Его допрашивали, а может, уже успели допросить. Что от него удалось узнать? Офицер полиции Боб Тарлен знал только, что Вар указал на этот дом как на дом Дабла, где тот жил, разумеется, под чужим именем. Как только Вар сказал про это, сюда была послана ликвидационная группа с ним, Бобом Тарленом, во главе, а капитан Брук, руководитель операции, с другими офицерами остался допрашивать Вара.

Джонни немедленно связался с капитаном Бруком. Хотя отношения между ними к моменту их расставания начинали складываться почти дружеские, на этот раз Джонни услышал Брука того самого, которого он увидел в начале их знакомства. Иными словами, Брук упорно не желал делиться с ним своей информацией, что можно было понять: Джонни не входил в команду Брука, с какой же стати Бруку ему помогать? Голду оставалось только самому отправиться в участок и лично допросить Вара. Правда, еще можно было связаться с Центральным Полицейским Управлением планеты, чтобы те вразумили Брука, но было жалко времени.

Брук, как ни вредничал, все-таки прислал за Джонни полицейский гравилет, который и доставил Джонни с Кенелзом в участок. К этому времени Брук закончил допрашивать Вара, и того отвели в камеру. На требование Джонни дать ему возможность поговорить с Варом Брук, морщась, дал согласие – имперскому агенту он тут помешать не мог, однако попыткам Кенелза присоединиться к Голду он твердо воспротивился. Еще не хвата-

ло, чтобы по полицейскому участку свободно разгуливали всякие там доморощенные сыщики.

В камере, куда Джонни отвели, он увидел бледного веснушчатого человека в полицейском мундире без знаков различий. Твердо глядя в беспокойные, бегающие глаза, Джонни спросил:

– Вот что, Вар, я хочу знать одно. Куда делся Дабл?

– Не знаю. Честно говорю, не знаю. Какая мне выгода скрывать? Он убьет меня, если вы его скорее не убьете! Я сказал про его дом...

– Там его нет.

– Тогда... даже в голову ничего не приходит.

– Возможно, его уже нет на острове?

– Не знаю.

Переведя взгляд с лица Вара на его подрагивающие руки, Джонни задал вопрос, который давно звучал у него в голове:

– Интересно, Вар, как это могло получиться, что Дабл жил здесь, в поселке, рядом находилось его тайное убежище, и при всем при этом о нем никто ничего не знал, исключая вас, полицейских?

– Он... м-м... маскировался. У него были документы на имя Дока Хамса, хорошие документы. Еще у него был парик, подкладки для изменения формы носа...

– И он, что же, с вами всегда контактировал в наряде добропорядочного джентльмена? Я разговаривал со многими людьми в поселке, никто из них ни разу не видел плазмовика в его плазменном состоянии в натуре, так что, и вы никогда не видели Дабла во всей его мощи?

– Нет, почему... Дабл часто к нам являлся плазмовиком. Особенно когда надо было что-то срочно решить. Он перемещался по канализационным трубам, поэтому его не видели, кому не следовало.

– Почему же по канализационным, а не по водопроводным?

– Не знаю. Но он всегда перемещался только по канализационным трубам. Он любил говорить: «Это моя паучья сеть».

Джонни расспросил Вара, какова поселковая система водоснабжения и отвода сточных вод. По словам Вара, воду для поселка брали из глубоких скважин, находившихся на окраине поселка, а сточные воды выводились в море. На побережье неподалеку от Бекса была оборудована станция по очистке сточных вод, поселковые стоки пропускались через ее оборудование и уж затем в неопасной для чистоты моря форме попадали в морские воды.

Вар заикнулся про паучью сеть, и Джонни зримо представилось: прибрежная станция – главный узел сети, откуда отходят веером паутинки-трубы. В поисках следа, оставленного Даблом на острове после серии убийств, непременно надо было заглянуть и на станцию по очистке сточных вод.

Из разговора с Варом Джонни больше ничего полезного для себя не вынес. Об этой станции и о своих соображениях насчет нее он рассказал Кенелзу.

Он ожидал услышать возражения, но Кенелз неожиданно сказал:

– Кажется, мы сегодня увидим Дабла, Джон.

– Почему ты так уверен?

– Ты знаешь, отчего мне вздумалось именно на этом острове заняться поисками Дабла?

– Бекс – единственный из самосских островов, где встречается железная руда. Даблу здесь легко перемещаться под землею, то есть так, чтобы его никто не видел, ну и...

– Нет, не поэтому я прилетел на Бекс. Я прилетел сюда, потому что мне удалось выяснить одну вещь. Этот остров – тот самый остров Безымянный, о котором говорится в легенде о самосских самоцветах. Здесь зародились самоцветы Самоса, здесь произошел их первый вздох, и здесь умерли для прошлой жизни Сой и Андина – и поэтому Андину не может не тянуть сюда, и Дабла не может не тянуть сюда! Так рассуждал я, и оказался прав, убежище Дабла мы нашли на этом острове. Но какое на острове место наиболее значительно для Андины? То самое место их с Соем самоцветной россыпи, надо полагать. Легенда говорит, они стали самоцветами на побережье. Уж не то ли это место, где находится стокоочистительная станция?

– Все считают, и мне так казалось, что остров Безымянный – это теперешний остров Пята Бога, где стоит монумент Одиноких...

– Вот главная ошибка, которую сделали решительно все, кроме меня. Остров Безымянный – это остров Бекс, а не Пята Бога. Что же касается самоцветов, почему их так много на Пяте Бога и не так уж много здесь, на Бексе... Бекс-Безымянный постепенно погружается в море, это общеиз-

вестно, море смыло самоцветы с побережья Бекса и подводное течение отнесло их на Пяту Бога, как раз Пята Бога последние полмиллиона лет поднимается из моря.

Джонни далеко не проникся убежденностью Кенелза в переносе морем самоцветов с Бекса на Пяту Бога, но этого и не нужно было, он и без того собирался немедленно лететь на стокоочистительную станцию.

Брук беспрекословно предоставил в распоряжение Джонни полицейский гравилет: «Лишь бы ты отвязался». На гравилете Голд и Кенелз добрались до стокоочистительной станции за считанные минуты.

Станция работала автоматически, техник посещал ее лишь раз в неделю. Джонни выжег дверной замок лучеметом, не возвращаться же им за техником. Они с Кенелзом долго лазили между канализационных труб, фильтров и абсорбционных колонок, но ни Дабла не обнаружили, ни чего-либо, что выдавало бы посещение им этого места.

Перепачканные, они вышли из станции. Рядом море лениво лизало галечник, местами покрытый зеленой тиной. Раз Бекс погружался в море, возможно, то место, где когда-то стояли, обнявшись, Сой и Андина, уже находилось под водой, подумал Джонни, так что, если верны рассуждения Кенелза, не помешало бы в поисках следов Дабла обследовать прибрежные воды с водолазным снаряжением. Но при них сейчас водолазного снаряжения не было – и они пошли вдоль берега, внимательно вглядываясь в окрестности.

Отойдя недалеко от станции, они увидели лежавшую в горделивом одиночестве каменную глыбу. Так-то ничего особенного она с виду не представляла, только что камней схожего размера поблизости не было. Джонни, не задумываясь, провел по глыбе плазменным лучом. Луч не оставил на камне и следа, что было уже интересно.

Голд и Кенелз стали осматривать камень. И то ли кто-то из них случайно нажал ногой на неприметную кнопку, включавшую секретный механизм, то ли иная была тому причина, но камень вдруг стал довольно быстро уходить в землю.

Камень погружался в землю совершенно беззвучно, и это его движение было так неожиданно, что Джонни и Кенелз подались назад. Вскоре камень целиком ушел под землю, на его месте зияла дыра.

Оказывается под верхним слоем земли находилось обширное округлое помещение с гладкими стенами и ровным полом, несомненно, искусственного происхождения. На полу россыпью лежали самосские самоцветы. Голубоватые искры пробегали по полу и стенам залы, освещая ее неровным светом. Единственным входом в помещение, судя по всему, являлось отверстие в потолке, которое затыкала собою каменная глыба. Свободное перемещение глыбы между поверхностью земли и полом легко можно было объяснить наличием под полом гравитационной установки.

Вниз вела винтовая лестница, по ней Джонни и Кенелз опустились в подземную залу.

Джонни заметил эту скульптуру, как только стал спускаться в подземелье. С поверхности земли она была не видна, потому что стояла в дальнем конце залы.

– Это они, Одинокие, – произнес Кенелз хрипло.

Голд и без подсказки с первого взгляда понял, кто это был, Сой и Андина стояли как в тот последний момент их жизии, когда весь мир ополчился против них. Серого цвета камень гладкой поверхностью, мягкими изгибами форм напоминал стекло, но уж, наверное, Сой и Андина были сделаны не из стекла.

Ступив на усыпанный самоцветами пол, Кенелз нетвердым шагом двинулся к Одиноким. Он подходил к ним, на ходу вытягивая вперед руки, как будто сомневался, не призраки ли это. Приблизившись, он пробежал пальцами по складкам одежды Соя, затем осторожно дотронулся до его короны. Корона Соя представляла собой обруч с цветком посередине, чьи лепестки были усыпаны шипами.

– Теперь Дабл не устоит, – прошептал архивариус.

– Ты что-то обнаружил, Патрик? – спросил Джонни.

– Вот она, корона Соя! Двадцать пять лет я работал с древними письменами, да так и не встретил ее достоверное описание. Пришлось заказать жезл отца Андины, а этот жезл, конечно, послабее будет, чем корона Соя... Ты не понимаешь меня? Хорошо, объясню. Сила Дабла – сила Андины, это, надеюсь, понятно. Чем можно смутить

Андину, чем можно отстранить ее от Дабла, как развести их? Над этим я долго ломал голову и все-таки догадался, что нужно сделать. Андина ни за что второй раз не подняла бы руку на своего отца – и поэтому по моему чертежу мне сделали этот жезл, точную копию жезла вождя ситахов, отца Андины. Когда прошлой ночью в шахте Андина увидела меня с жезлом своего отца, Даблу пришлось бежать, настолько ослабла его связь с Андиной. Не уверен, что Андина прямо-таки приняла меня за своего отца, но что-то в ее памяти напомнило ей о старом вожде и сопрягло его облик с моим, и этого оказалось достаточно хотя бы для того, чтобы тебя не поджарил Дабл. Так действует мой жезл, Джонни. Если же на мне будет корона Соя, то есть ее точная копия... Даблу не сбежать тогда, это уж точно.

– Эта корона может быть всего-навсего выдумкой скульптора, Патрик.

– Выдумкой скульптора? А ты ничего не замечаешь?

– Что я должен заметить?

– Подойди сюда.

Джонни встал рядом с Кенелзом, и тот провел в воздухе рукой, показывая ему на лица каменных Соя и Андины. И Джонни увидел: сквозь холод камня явственно проступало тепло жизни. Только мгновение виделось это Джонни, и в это мгновение выражение лиц Одиноких изменилось: печаль и страдание на их лицах уступили место мимолетной, но сильной буйной восторженности.

– Мне показалось, или... Как можно было сделать это?

– Ты все еще ничего не понял, Джон, – сказал Кенелз. – Это не скульптура. Это они, Сой и Андина.

Выдержав паузу, архивариус проговорил, как бы поясняя не столько Голду, сколько самому себе:

– Так вот оно что, они не умерли тогда... То их души разлетелись птицами, самосскими самоцветами, а тела остались стоять, где стояли. Живая плоть, оказывается, бывает покрепче и гнева богов, и ярости людей, и безразличия времени... Верно, кто-то из первых плазмовиков опустил их сюда, такова была их воля. Но зачем они здесь? Что-то за этим кроется...

По полу и стенам залы проносилось множество искр, освещавших помещение. Неожиданно одна из них застыла на месте – и поднялась над полом плазменным шаром. Плазменный сгусток принял форму человеческой фигуры, потускнел, и плазма стала человеком, Даблом.

В зале прозвучал, отражаясь эхом от стен, бесконечно злой голос:

– Вы хотите знать все? Я уйму ваше любопытство.

Руки Дабла стали удлиняться, одновременно превращаясь в огненные струи с когтистыми огненными пальцами, и этими огненными пальцами Дабл вцепился в плечи Голда и Кенелза.

Кенелз закричал. Какое-то время его тело дергалось, сотрясаемое электрическими разрядами, потом он обмяк, и Дабл отпустил его. Кенелз упал на пол с обуглившимся плечом, за которое его держал Дабл.

С Джонни произошло иначе. Хватки Дабла он как будто не почувствовал, он стоял себе как стоял, не крича от боли и не корчась в судорогах. Дабл, удивленный и встревоженный таким поведением противника, вцепился в шею Голда обеими руками, но огненные руки его уже не имели силы. Джонни, догадываясь о том, что происходит, не спеша вынул из кобуры лучемет и выстрелил в Дабла, и Дабл, будучи не в силах отклонить плазменный луч, упал с простреленой насквозь головой.

Едва Дабл упал, огонь, составлявший силу его, угас.

Джонни склонился над Кенелзом. Архивариус не дышал, продолжая сжимать в мертвой руке бесполезный жезл. Хмурясь, Голд подошел к Даблу. Этот тоже был мертв, в его правой руке Джонни заметил красный камень.

Он нагнулся, взял камень у мертвеца. Несомненно, это был тот самый талисман, который и давал Даблу силу. Только сейчас бестолку было бы взывать к нему: он не светился, он уже не был активизированным.

Джонни далеко отшвырнул мертвый камень. Неужели эти две смерти – это все, к чему он пришел на Самосе?..

Он не заметил, как от изваяния Андины (или это действительно была на тысячелетия застывшая Андина?) отделилась тень. Тень, подрагивая, переместилась в центр залы – и загустела, и стала девушкой. Джонни, уловив угловым зрением движение недалеко от себя, обернулся. Это была та самая девушка, с которой он разговаривал у

монумента Одиноких, что на острове Пята Бога. Только на этот раз сумочки при ней не было.

– Ты хотел получить мой талисман? Я уже дала его тебе. Забыл? – произнесла она.

Он вынул из кармана камень стального цвета, в тот день выбранный ею для него. Он только мгновение не видел ее, бросив взгляд на камень, а когда он опять посмотрел на нее, она уже была другой. Перед ним стояла Андина, в точности та, которая обнимала в конце залы каменного Соя.

А талисман Джонни слабо светился.

– Ты убила Кенелза, зачем? – спросил он.

– А, твой знакомый... – Она пренебрежительно махнула рукой. – Он так старался быть похожим на моего отца, что я почти поверила, будто вижу его. Отец... Это из-за него мы с Соем стали такими. Мы с Соем обречены вечно искать друг друга, вечно искать и не находить... Отца я убила бы еще раз, если бы он вздумал ожить. Твоему знакомому не стоило напоминать мне о нем.

Взывать к благоразумию или к милосердию в данном случае не имело смысла. Джонни спросил:

– Я смогу пользоваться этим камнем?

– Да.

– Как это делается?

– Сожми его и позови меня, больше ничего не нужно. Можешь попробовать прямо сейчас.

Сейчас так сейчас. Джонни сжал камень до боли в пальцах и негромко назвал ее по имени.

Перед его глазами разлилось ослепительное море огня. Жара он не почувствовал. В огне он увидел Андину, протягивавшую к нему руки.

Протянуть руки ей навстречу он не смог. И

чем дольше они стояли так, тем больше ожесточалось его сердце против него самого. Он же чувствовал, к чему все шло, почему же он до сих пор не покинул Самос?

И губы его прошептали имя, и он назвал имя, и он выкрикнул с болью имя, подхваченное равнодушным эхом.

«Лола?» – кричал он, и это имя разметало ослепительный огонь.

Он стоял в освещенной мерцающим светом зале, а перед ним стояла Андина – с опущенными плечами, с осунувшимся лицом.

– Я знаю, кто сможет быть твоим Соем, – произнес он через силу.

– Кто же?

– Наверное, ты тоже знаешь его. Это старик Дивой, кажется, так его зовут. Тот самый, который столько лет бродит у монумента Одиноких.

– А, старый Дивой... – Она грустно усмехнулась. – Этот старик, какой же он Сой?

– Возможно, это будет не совсем Сой, но это будет забвение.

– Ты... – Она коснулась его руки бесплотными пальцами. – Ты сам передашь ему свой камень?

– Да. Если ты этого хочешь.

Ничего не сказав, она растаяла в воздухе, а самоцвет в руке Джонни загорелся ярко и ровно.

В этот день дети особенно досаждали ему. Уловив тот снисходительный тон, которым говорил о

нем экскурсовод, они затеяли кидаться в него камешками-самоцветами: «Дядя, смотри, этот не горит?» Он несколько раз делал вид, что вот сейчас набросится на них, и тогда они с хохотом разбегались врассыпную. В который раз Дивой пожалел, что полицейские отобрали у него нож: раньше в подобных случаях он делал себе разрез на плече, и вида его крови хватало, чтобы унять ребятню.

«Дядя, этот камешек горит!»

Взрослые, конечно, журили сорванцов, расхаживая вокруг монумента в поисках «своего» талисмана. Однако дети понимали звериным чутьем, что на укоризненное качание головой сейчас не стоило обращать внимание, украдкою взрослые и сами улыбались, наблюдая за веселой игрой детворы. Старик не был опасен совершенно, экскурсовод повторил это с полным знанием дела.

На вновь прибывшего мужчину, вышедшего из маленького сиреневого гравилета, никто не обратил внимание.

Джонни со скучающим видом прошел мимо Дивоя раз, другой... Когда Дивой отвернулся, Джонни кинул ему под ноги свой стального цвета камень.

Дивой расслышал, как что-то упало ему под ноги. Он посмотрел вниз – и долго стоял так, не шевелясь. Потом он медленно нагнулся и так же медленно распрямился.

Был пасмурный день, и поэтому вспышка показалась очень яркой. На мгновение все ослепли, а потом десятки пар глаз посмотрели в сторону Дивоя.

Старик еще был виден. Голубоватые языки пламени бегали по его одежде. Очень скоро они слились в единый огонь, и пламя лизнуло его лицо. Дивой не испытывал страдания, и рядом не нашлось никого, кто бы не понял немедленно, что это был за огонь.

Наконец Дивой исчез в вихре пламени. Пламя сжалось в огненный шар. Плазменный шар, сделав круг около монумента Одиноких, полетел в сторону моря.

Джонни направился к гравилету, арендованному им на одни сутки.

– Какой-то сумасшедший в одночасье получил то, что не заработаешь годами тяжелого труда», – сокрушался на следующий день «Коммерческий вестник!» «Тихоня Дивой надул всех нас», – желчно писала «Самосская мечта». «Сой, знал бы ты, на кого тебя променяла Андина?» – насмехался «Голос Самоса»! Тысячи и тысячи мужчин хотели бы оказаться на месте Дивоя, неудивительно, что немало появилось у него завистников, любителей поплеваться желчью, но всякий раз злые языки замолкали, лишь только вдалеке показывался огненно-чистый плазменный шар.

БАШНЯ ЭЛИЗИОНА

С чем теперь он летит к Цербу? Джонни не раз спрашивал себя об этом за время полета. В его первый полет на Церб с ним были самоуве-

ренность и отчаяние; во второй полет, когда он возвращался с Максантума, он нес Башне железное самообладание; в третий раз он прибыл на Церб Преображенным трилистником. А что теперь? С чем он возвращается на Церб?

На Самосе Джонни так и не приобрел способность по собственному желанию становиться сгустком плазмы. Зато он приобрел уверенность, что более никакая сила ему не нужна для восхождения на Башню, кроме той, что была в нем самом. Чем было это его убеждение, твердой опорой его, или это он вернулся к той самой бесполезной самоуверенности, с которой начался его путь к Башне?..

Мистер Делл встретил Джонни в дверях своего кабинета.

– Мистер Голд? Простите, что мы не послали за вами гравилет, я только что узнал о вашем прибытии этим рейсом. Один наш сотрудник допустил оплошность, он будет наказан.

– Я бы хотел, чтобы мне все желали победы, а вы хотите кого-то наказать.

– Хорошо, хорошо, мистер Голд, он не будет наказан, раз вы того хотите. Президент компании извещен о вашем прибытии на Церб. Вы позволите провести вас в его кабинет?

Мистер Эмерс, грузный лысоватый мужчина, президент Всепланетной Строительной Корпорации, принял Джонни подчеркнуто вежливо. После обмена любезностями президент спросил Джонни:

– Надеюсь, ваш визит на Самос был удачен, мистер Голд?

– Да. Удачен.

– И вы можете продемонстрировать ваши новые способности?

– А, вы про это. Плазмовиком я не стал.

– Так что же тогда...

– Это не объяснишь, сэр. Скажу одно: пришло время мне подняться на Башню.

Делл и Эмерс переглянулись.

– Когда именно вы желаете взойти на Башню, мистер Голд? – уточнил Делл.

– Завтра.

В кабинете повисла тишина. Нарушил ее Эмерс. Президент компании долго выстукивал костяшками пальцев по крышке стола какую-то мелодию, наконец решил:

– Пусть так. Вы подниметесь на Башню завтра.

– А сейчас вас ждет лучший номер нашей гостиницы, мистер Голд, – произнес Делл.

Джонни разбудили рано утром.

На этот раз на процессию, которая называлась Возведение Претендента, глазело зрителей куда больше, чем Джонни видел когда-либо. Еще бы, его биография не могла не привлечь внимание любопытных: мало того, что он дважды проходил Испытание и не был Башней убит, то есть был Одаренным, так он еще и был Преображенным трилистником. До Джонни из всех Претендентов только два были Преображенными, так что его

сила значительно выделяла его в длинной веренице искателей счастья.

Из толпы до Джонни доносились отдельные выкрики. Иные подбадривали его: «Не трусь, свое возьмешь, парень», другие балагурили: «А ты парашют не забыл? Пригодится, когда с такой верхотуры вниз полетишь». Какая-то дамочка взвизгнула: «Он же погибнет, почему не запретят это безобразие?» Мамаша неторопливо объясняла ребенку: «Дядя по ступенькам пойдет до самого верха, чтобы оттуда птичкой слететь». Это была человеческая речь, ее смысл Джонни, хотя и обрывками, улавливал, но в толпе, кроме людей, стояли гуманоиды и негуманоиды со многих планет, которые так же живо выражали свое отношение к происходившему. А со всех сторон неслись невнятные гортанные звуки, громкие щелчки, прерывистые трели.

Когда он ступил на лестницу, голоса смолкли. Или это просто его слух закрылся для всего внешнего, ненужного, пустого?

Джонни начал восхождение.

Выйдя на площадку перед храмом, он произнес:

– Тебе это интересно будет узнать, Хранитель. Я был с теми, кто сделал подкоп под Башню. Или ты это знаешь?

Пройдя между колоннами, он оказался в храме.

На этот раз тысячелетняя пыль, прах его предшественников, не поднялась занавесой, и в ней не закорчились призраки. Долго ничего не происходило. Башня как бы прислушивалась к нему,

а потом крыша храма раздвинулась как распускается цветок.

Джонни увидел черное звездное небо – Земное небо. Он сразу узнал знакомые созвездия.

Он не успел задуматься, что бы это могло значить, увидеть земное небо за миллиарды миль от Земли. Воздушный поток подхватил его, понес прямо в черноту неба. Какое-то время он словно летел по туннелю из черной материи космоса и звезд, а потом оказалось: он стоит у подножия Круглой Башни.

Вокруг никого не было. До самого горизонта шло ровное, без единого бугорка искусственное покрытие, на котором только Башня выделялась одинокой свечой...

Что-то в Башне показалось Джонни странным, и он всмотрелся в нее. Она была как та, цербийская, – ступеньки по ее окружности до самой вершины, площадки между участками лестницы, – и все же... Старательно, стараясь не сбиться, Джонни сосчитал ступеньки, сколько их было до первой от поверхности площадки. Их было примерно с тысячу, и это только до первой площадки, тогда как вся лестница Круглой Башни Цербa насчитывала тысячу ступенек.

Он не на Цербе, это ему следовало понять в первые же мгновения его нахождения здесь. Но где он? Где еще могла быть Башня, подобная цербийской, только много большей величины?

И к Джонни пришла уверенность: он стоял на поверхности Элизиона. Ну, конечно, это был Элизион, и плотный облачный слой, в котором те-

рялась вершина Башни, являлся тому лишним подтверждением.

Очевидно, ему предстояло взобраться на эту Башню. Такой путь к Короне Мира указывала ему сила, доставившая его сюда.

Джонни не стал тянуть. Первую тысячу ступенек он преодолел почти бегом. Он не задержался бы на лестничном пролете, если бы рядом с ним не возникло мерцающее облако. Вытянувшись вертикально, облако приняло форму человеческой фигуры. Волна пробежала по фигуре от ее головы до пят – и теперь подле Джонни стоял человек. Голд сразу узнал Соя с Самоса по короне на его голове.

Вперив горящие глаза в Джонни, призрак сильным голосом вопросил:

– Почему ты не умер с ней? Если ты любил ее, ты должен был умереть с ней!

– Потому что она мне нужна живая, не мертвая, – ответил Джонни.

Тело призрака покрылось рябью, затем пошло волнами, и он исчез.

Смахнув пот со лба, Голд продолжил восхождение.

На следующей площадке рядом с ним появился Лукс Аппер, косморазведчик, когда-то обучавший его премудростям икс-перехода.

– Джон, тебе не следует идти дальше, – произнес Аппер. – Лолу ты не вернешь, а мир уничтожишь. У тебя всегда слишком много сомнений, ты слишком долго думаешь перед каждым решением. С таким туманом в голове стать Властели-

ном Галактики? Да планеты сойдут с орбит, а солнца вывернутся наизнанку, если они будут следовать твоим мыслям!

– Может, я долго собираюсь, зато, если начал идти, иду до конца.

Голд, сказав это, двинулся вперед. Он даже не стал смотреть, исчез призрак или нет.

Через тысячу ступенек Джонни увидел Ричарда Нормана, тот уже поджидал его на площадке.

– Ты думаешь, еще тысчонка-другая ступенек, и эта лестница кончится, я угадал, Джон Голд? – Ричард Норман засмеялся. – Никогда эта лестница не кончится, Голд! Ты будешь вышагивать по ней, пока не сдохнешь!

Джонни ничего не сказал, просто двинулся на человека, загородившего ему дорогу. Они не столкнулись: призрак исчез.

Несколько площадок были пустыми, призраки больше не появлялись. Джонни продолжал взбираться по лестнице, усталости он почти не чувствовал, но он начинал немного тревожиться. Вверху все терялось в тумане, когда же он оглядывался назад, то все никак не мог пересчитать, сколько же пролетов он прошел. Пять, шесть, больше? Может быть, здесь особым образом искривлялось пространство и действительно по лестнице можно было идти целую вечность?..

Когда он ступил на очередную площадку, рядом с ним возник призрак Зверя-В-Чешуе.

В шипении Зверя-В-Чешуе Джонни расслышал:

– Ты сейчас боишься, человек, ты же боишь-

ся, что лестнице не будет конца! А разве трус может взять Корону Мира?

– Я обладаю способностью, которую называют твоим даром, Леру. Как же я могу бояться?

– Сила цветка петинии защищает от страха перед оружием или острыми зубами, но не перед судьбой, и ты это знаешь, человек!

– Глупое животное, мне ли бояться судьбы, если я вижу впереди Корону Мира?

Зверь-В-Чешуе исчез.

До вершины Башни Джонни все-таки добрался, хотя к концу пути он порядком устал. Здесь стоял храм, точно такой же, какой был на вершине цербийской Круглой Башни. Глубоко вздохнув, Джонни вошел в него.

На черном блестящем полу не было пыли. И еще одно отличие имел этот храм в сравнении с цербийским: в центре его стоял алтарь.

Над алтарем разливалось яркое сияние.

Голд приблизился к алтарю. На нем лежал обруч, источник этого сияния, как раз на голову надеть.

Неужели это и есть Корона Мира?

Джонни взял обруч обеими руками и, чувствуя в пальцах слабое покалывание, надел его себе на голову.

Пол под ногами Голда задрожал. И Джонни вдруг прочувствовал мир иначе, не так, как он воспринимал его раньше. Стены храма стояли словно живые, и они были послушны ему подобно его собственным ладоням. Он без труда развел их, положил плашмя, – и оказался в густом

тумане, представлявшим собой затянувший весь Элизион облачный слой.

Повинуясь воле Голда, облака низринулись вниз потоками воды, и впервые за многие тысячелетия небо Элизиона стало чистым.

Был день, не это не помешало Властелину Галактики увидеть звезды. Джонни захотел, и бесконечные дали космоса открылись ему: солнца в ожерельях планет, кометы, туманности. Перед взглядом Голда предстали многие миры: и юные, плескавшиеся жизненной силой, и зрелые, увенчанные разумом, и дряхлеющие, готовящиеся стать истоком новой жизни. Джонни знал, он чувствовал, *что* он может: насколько хватало взору его, над всем он имел полную власть.

Он долго, завороженный, разглядывал свои владения, свыкаясь с новой силой. Потом он посмотрел вниз.

У подножия Башни было тесно от космических кораблей всевозможных конструкций. Как только Элизион лишился облачного слоя, этого экрана, загораживавшего поверхность планеты от нескромных взглядов, на Цербе поднялась страшная суматоха, можно сказать, паника: все помнили слова Хранителя, что только взгляд Властелина Галактики сможет убрать этот облачный покров, и все засуетились, забегали, ведь настал момент, которого столько лет дожидались на Цербе представители многих планет. Претендент надел Корону Мира, стал Властелином Галактики, и спешно надо было засвидетельствовать ему свое уважение.

Миссии выходили из космических кораблей в полном составе, далее посланцы народов, населявших Галактику, ведя себя в соответствие со своими обычаями: одни склоняли головы, другие опускались на колени, третьи разводили в стороны щупальца, четвертые выгибались дугой, демонстрировались и иные позы смирения и почитания.

«Не к этому я шел», – подумал Джонни и посмотрел прямо перед собой.

Малая частица Земли оказалась перед ним, перенесенная им из дальней дали, земляная глыба рассыпалась по храмовому полу. Он смотрел на черную жирную землю не отрываясь, и вскоре вся она скрылась под травой. Джонни различил бледно-синие маленькие цветки вероники, узкие листья льнянки, продолговатые фиолетовые цветы водосбора, малиновые головки клевера. Он призвал к себе жизнь, и вот она, жизнь, перед ним, но где же Лола?

Джонни напряг все свои силы. В эти мгновения обсерватории всех разумных миров Галактики зарегистрировали значительное повышение активности своих солнц. Огромные массы энергии были задействованы Голдом, но ничего не произошло на Элизионе, на вершине Круглой Башни.

Джонни стоял на пьедестале собственного величия, у его ног зеленела трава, призванная к жизни его волей, но не стояла в этой сочной, густой траве Лола.

Властелин Галактики мог управлять материей – в его власти было перенести часть планеты на другую планету, возжечь жизнь и уничто-

жить жизнь, – но он не властен был повернуть время вспять. Время не повиновалось ему. Растворенное во Вселенной, время стояло над Галактикой.

Как только Джонни понял это, плечи его опустились, а грудь стеснилась от рыданий. Он сорвал с головы Корону Мира и швырнул ее на благоухавшую разноцветьем землю. Зачем ему власть над Галактикой, если эта власть не способна вернуть к жизни Лолу?

И к чему он проделал весь этот путь, тяжкий путь опасности и страдания, если он не способен вернуть к жизни Лолу?

И к чему это преклонение народов и буйство жизни у его ног, если он не способен вернуть к жизни Лолу?

И к чему ему жизнь, если он не способен вернуть к жизни Лолу?

Слезы потекли по щекам могучего владыки, и поэтому не увидел он, как пожухла, почернела трава на том месте, куда упала Корона Мира. Уши его были запечатаны скорбью, и поэтому не услышал он, как заговорила далекая Земля, его родная планета, и уж тем более не увидел Голд, как на Арламе пришли в движение частицы, некогда составлявшие тело Лолы, послушные слову Земли.

Джонни услышал знакомый голос и неуверенно поднял глаза.

Лола стояла в центре выжженного круга. Она, видно, сама была изумлена своим появлением здесь, и поэтому не могла шелохнуться.

Он двинулся к ней, и тут только она кинулась к нему.

– Что было со мной? – спрашивала она его, будучи не в силах оторвать голову от его груди. – Ты знаешь, что было со мной?

Он молчал, наслаждаясь теплом ее тела и ароматом ее волос.

Все же Корона Мира послужила ему, говорил себе Джонни позже, когда они с Лолой возвращались на Землю. Он отказался от космического величия, и это вернуло ему Лолу. Вот как бывает, иной раз отказ от власти способен дать больше, чем обладание ею.

Тот маленький кусочек земной суши, который Джонни волевым усилием перенес с Земли на Элизион, потом долго просеивали сквозь сито и каждую частицу разглядывали в микроскоп. Ни одной молекулы вещества, из которого была сделана Корона Мира, так и не было найдено. Всю, без остатка, Корону Мира приняла та, в которой одной для любого землянина заключались и разум, время, и вечность. И так ли уж нужно было Джону Голду *плутать среди звезд, когда и жизнь, и* смерть человеческие принадлежали безраздельно матери человечества, Земле?..

Содержание

ДАР БЕССТРАШИЯ 5
ГОЛОС ЦЕРБА 5
НА ЦЕРБЕ 36
ЛЕГЕНДА О ЗВЕРЕ-В-ЧЕШУЕ 65
ИСТИНА КРАСНОГО ЦВЕТКА 90
СТАРЫЙ НЕДРУГ 123
СЕМЕЧКО ВСЕЛЕННОЙ 143
ЛЕГЕНДА ТРАБАТОРА 143
ЧЕРЕДА СМЕРТИ 181
БЕЗУМНАЯ КАРУСЕЛЬ 202
ШЕЙЛА ТОБЕРС 220
ДВА ПРЕОБРАЖЕННЫХ 244
ПОДКОП 277
САМОЦВЕТЫ ЗЕМЛИ 325
ЛЕГЕНДА О САМОЦВЕТАХ САМОСА 325
ПЛАЗМОВИК 352
ЛЮБОВЬ ПЛАЗМЫ 369
БАШНЯ ЭЛИЗИОНА 404

Литературно-художественное издание

Олег Владимирович Ерохин

ВЛАСТЕЛИН ГАЛАКТИКИ

Роман в 2 кн.
Книга 2

Художественный редактор *А. А. Барейшин*
Технический редактор *Ю. Н. Коршунова*

Подписано в печать 12.06.97. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура «SchoolBook».
Объем 13,0 п. л. Тираж 11 000 экз. Зак. 1157.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.
Лицензия ЛВ 613.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ